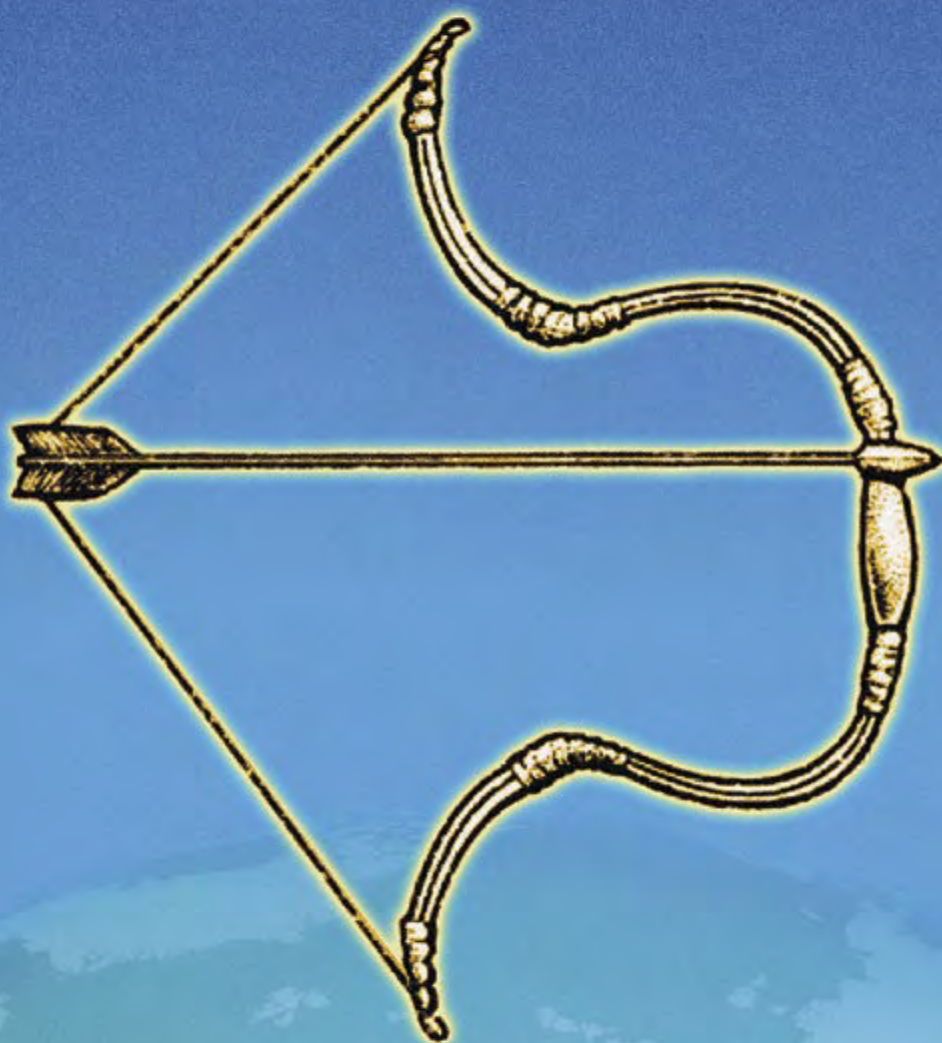

И Ю Л Ь | 2 0 2 2

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ХУННУ И ХАЗАРИЯ

Как Лев Гумилев
раскрывал
пассионарность

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

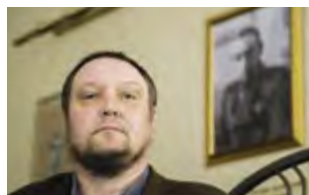

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ

04 Человек долга

ИСТОРИЯ

12 «Русский орел мух не ловит»

18 «Я живу среди варваров севера...»

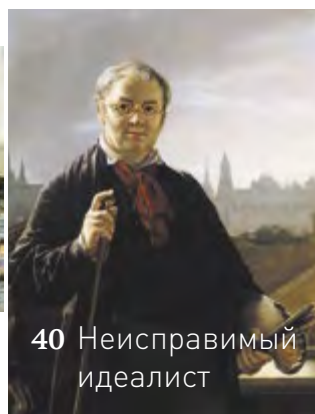
ТОЧКА ЗРЕНИЯ

26 Можно ли
украсть
атомную
бомбу?

НАСЛЕДИЕ

32 «Человек
длинной воли»

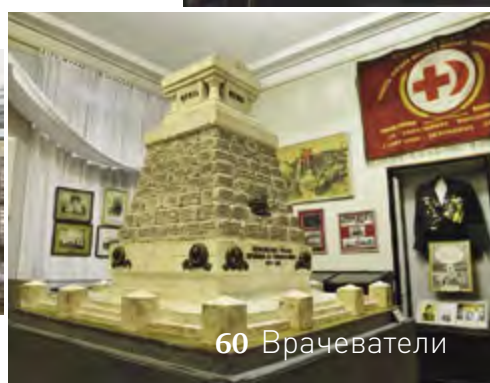

40 Неисправимый
идеалист

МУЗЕИ

50 Мир, дружба, канаты

60 Врачеватели

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

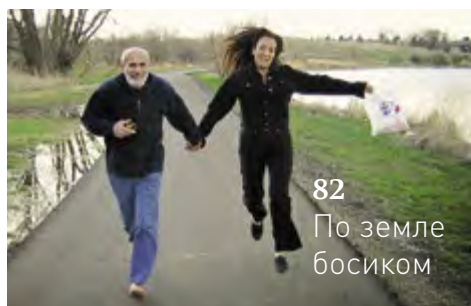

70
Одинокий
варяг

76 Сестры

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

82
По земле
босиком

КУЛЬТУРА

88 У реки Великой

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама **Ирина ГРИШИНА**

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ИВИНА
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНIN С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СВОЕ КРЕДО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК СФОРМУЛИРОВАЛ ЧЕТКО: «НЕТ НИЧЕГО ВЫШЕ РОДИНЫ И СЛУЖЕНИЯ ЕЙ». ПРИ ИНОМ РАСКЛАДЕ ОН НАВСЕГДА ВПИСАЛ БЫ СВОЕ ИМЯ В РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ КАК ОТВАЖНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ФЛОТОВОДЕЦ И ГЕРОЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ. НО ВОЛЕЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КОЛЧАК СТАЛ ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ БЕЛОЙ СИБИРИ. ОТНОШЕНИЕ К АДМИРАЛУ ОСТАЕТСЯ НЕОДНОЗНАЧНЫМ И СЕГОДНЯ. К ПРИМЕРУ, В ОМСКЕ ЛЮБОЕ УПОМИНАНИЕ ИМЕНИ КОЛЧАКА ВЫЗЫВАЕТ НЕГАТИВНУЮ РЕАКЦИЮ СТОРОННИКОВ КРАСНЫХ, ПОТОМУ ПОМИНАТЬ ЕГО В ШИРОКИХ КРУГАХ НЕ ПРИНЯТО. О ТОМ, КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ БЫЛ АЛЕКСАНДР КОЛЧАК, И О ДРАМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ АДМИРАЛА, РАЗМЫШЛЯЕТ АВТОР КНИГИ «ОМСКИЙ АДРЕС ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ», ИСТОРИК АЛЕКСАНДР ЛОСУНОВ.

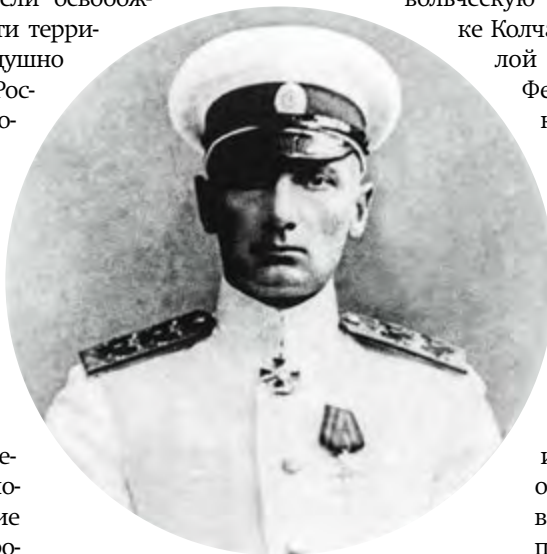
— **А**ЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ, КАК Омск стал столицей белой России?

— Летом 1918 года после успешных действий антибольшевистских сил, поддержанных чехословаками, за Уралом образовалось множество местных правительств. Осенью в Уфе состоялось Государственное совещание, на которое съехались представители освобожденных от советской власти территорий. Оно было единодушно в стремлении возродить Российскую державу, расколотую Гражданской войной. В его постановлении говорилось: вручить всю полноту верховной власти на всем протяжении государства Российского Временному Всероссийскому правительству в составе пяти лиц — так называемой Директории. Предстояло также определить столицу возрождаемого государства. На это звание претендовали четыре города — Уфа, Челябинск, Екатеринбург и Омск. Выбор пал на Омск. Ведь это был военно-административный центр Западной Сибири, расположенный ближе других сибирских городов к европейским столицам, и важный транспортный узел на стыке Иртыша и Транссибирской магистрали. Утром 9 октября поезд с членами Директории и ее

председателем, эсером Николаем Авксентьевым, в прошлом министром Временного правительства, прибыл в новую столицу. А 13 октября с Дальнего Востока в Омск прибыл ставший к тому моменту живой легендой адмирал Колчак.

— *Какими судьбами Колчак оказался в Сибири?*

— С Дальнего Востока адмирал ехал на юг, в Добровольческую армию. На Дальнем Востоке Колчак оказался в результате целой череды событий. Во время Февральской революции он командовал Черноморским флотом. Летом расправленные матросы взбунтовались, Колчак поехал в Петроград и подал в отставку. А после, по приглашению командования американского флота, направился в США — делиться с американцами опытом использования минного оружия. Потом он решил вернуться в Россию, но по пути, в Японии, узнал о большевистском перевороте и обратился к британскому послу в Токио с просьбой о приеме в английскую действующую армию «хоть рядовым». Посол после консультаций с Лондоном вручил Колчаку направление на Месопотамский фронт. По дороге туда, в Сингапуре, его догнала телеграмма русского посланника в Китае Кудашева, пригла-

Вице-адмирал Колчак — овеянный славой командующий Черноморским флотом в марте переломного для страны 1917 года

Александр Лосунов заинтересовался личностью Верховного правителя России еще в конце 1980-х

шавшего адмирала в Маньчжурию для формирования русских частей. И Колчак приступил к организации вооруженных сил для защиты КВЖД. Но у него возникли серьезные разногласия с управляющим КВЖД генералом Дмитрием Хорватом. Колчак оставил Маньчжурию и выехал в Россию, намереваясь вступить в Добровольческую армию.

– *Какая обстановка была в Омске, когда туда прибыл адмирал?*

– В Омске тем временем разразился политический кризис. С самого начала Директорию в городе не воспринимали всерьез. С ней никто не считался. В воздухе носилась идея единовластия. И многие сделали ставку на Колчака.

В Омске Колчак узнал о смерти возглавлявшего Добровольческую армию генерала Михаила Алексева, которого сменил генерал Антон Деникин. Поезд, в котором ехал Колчак, остановился на горветке (так называлась железнодорожная ветка протяженностью 4 километра, соединявшая станцию Омск с городом. – **Прим. авт.**), напротив Управления Омской железной дороги. Там стояли два вагона: в одном жили члены Директории, другой был в распоряжении главнокомандующего войсками Директории генерала Василия Болдырева. Колчак встретил сослуживцев по Балтийскому флоту, которые сообщили ему, что Деникин на юге вполне справляется с организацией армии, и попросили адмирала остаться в Омске, чтобы организовать морских офицеров, разбросанных по Сибири. Но Александр Васильевич отвечает, что с этой работой они вполне могут справиться самостоятельно. Затем Колчак встретился с генералом Болдыревым, который заявил ему: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». На это адмирал ответил: «Что же мне здесь де-

лать? Флота здесь нет». «Я думаю вас использовать для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом, – заметил Болдырев. – Если вы располагаете временем, останьтесь на несколько дней». И Колчак остался. Александр Васильевич нанес визиты членам Директории, встретился с представителями Добровольческой армии в Омске – генералами Лебедевым, Сахаровым и Романовским. Офицеры сказали ему, что армия не доверяет Директории.

16 октября Болдырев предлагает Колчаку пост военного и морского министра Сибирского правительства. Александр Васильевич берет тайм-аут до конца октября – пытается разобраться, что происходит в городе.

В ГАРФе мне попались интересные документы: Болдырев пишет Колчаку два письма с просьбой войти в состав правительства. Его просит о том же и глава Временного Сибирского правительства Петр Вологодский. В ноябре формируется новый кабинет министров Временного Всероссийского правительства, и Колчак в него входит.

– *Что могло подвигнуть адмирала принять такое решение?*

– Я думаю, все объясняет одно его высказывание: «Я солдат и слуга Родины». Советский историк Генрих Иоффе в работе «Колчаковская авантюра и ее крах» писал, что адмирал приехал сюда как слуга иностранных союзников и действовал в их интересах. И сейчас многие продолжают развивать мысль, что Колчак якобы был английским шпионом. Это неверно. Из письма Колчака супруге 15 июня 1919 года историки узнали, почему он поступил на английскую службу. Он искал возможность продолжить участие в войне: «В Америке я сделал все, что зависело от меня, для участия в войне на стороне

союзников, но я убедился, что Америка заняла положение в отношении России, исключающее возможность с нею работать. Я решил вернуться в Россию, в армию и продолжить войну с немцами на каких угодно условиях. Это было в октябре 1917 г. Большевицкий переворот произошел во время моего перехода через Тихий океан, и о нем я узнал только придя в Японию в ноябре. Мне осталось сделать то, что я сделал: поступить на великобританскую службу и попытаться проникнуть с английскими войсками на Юг России».

На мой взгляд, авантюра Колчака состояла в том, что, приехав в Омск, Александр Васильевич отказался от первоначальных планов и решил остаться в столице белой Сибири. Остался из-за обостренного чувства долга. И потому, что чувствовал, что нужен именно здесь: он надеялся, что его авторитет поможет справиться с хаосом в армии. Генерал Болдырев записывает в дневнике 28 октября: «...В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктаторе. Я имею намерения с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком». Болдыреву неоднократно предлагали стать диктатором, но он отказывался. В итоге в качестве главного кандидата на роль диктатора стали рассматривать адмирала Колчака. Тот, в принципе, не возражал и высказался в том смысле, что, если надо будет, он готов принять роль диктатора как жертву.

– В ночь на 18 ноября в Омске случился переворот: группа офицеров свергла Директорию. Знали ли Колчак о перевороте?

– Когда Колчак вернулся в Омск из очередной инспекционной поездки на фронт, к нему пришли казацкие офицеры – начальник омского гарнизона Вячеслав Волков, войсковые старшины Иван Красильников и Аполлос Катанаев. Они заявили, что нужно спасать положение, и предложили Колчаку возглавить переворот. Колчак отказался. Однако он не выдал заговорщиков, хотя после них к нему приходил Авксентьев. Около полуночи дом, где собрались члены Директории, был оцеплен казаками, охрану разоружили. Заговорщики арестовали членов «воробьиного правительства» – так в Омске прозвали «директоров» – и отвезли их в штаб Красильникова. Рано утром 18 ноября собралось экстренное заседание Совета министров. Директория была признана несуществующей. Совет министров взял всю полноту власти. Министры решают, что нужен диктатор, которого они нарекают титулом Верховного правителя и передают ему власть. При голосовании министров Колчак не присутствует. Он высказывает мнение, что диктатором должен стать Болдырев. Генерал Болдырев в это время находится в отъезде, о перевороте он узнает в Уфе. Приступили к тайному голосованию. В итоге из 14 избирательных записок 13 были поданы за Колчака. Сторонники советской историографии любят утверждать, что Колчак чуть ли не сам устроил этот переворот. Но если посмотреть на механизм при-

хода адмирала к власти, видно, что это утверждение абсурдно – инициатором переворота, по сути, являлся Совет министров.

– Что заставило Колчака принять должность Верховного правителя?

– У Колчака сложилось мнение, что он сможет спасти Россию. Александр Васильевич был из той породы людей, которые могли в трудную минуту взять на себя всю полноту ответственности. Неслучайно его имя и сегодня остается символом чести русского офицера, и он является, на мой взгляд, выдающимся сыном России. Многие позволяют прояснить семейный архив Колчака, который наконец оказался в России: после смерти в 2019 году внука адмирала, Александра Ростиславовича, правнуки Колчака выставили бумаги на продажу. На средства меценатов большинство лотов было выкуплено для Дома русского зарубежья и ГАРФа. В одном из писем супруге адмирал пишет, что, когда его спросили, что делать с Директорией, он ответил, что ничего не намерен делать. Члены Директории решили уехать в Париж. Им было дано сопровождение, каждому выделили денежное пособие в размере от 70 до 130 тысяч рублей. В условиях Гражданской войны это уникальный случай. Звание Верховного правителя дало Колчаку 4 тысячи рублей жалованья плюс 16 тысяч на представительские расходы, чин полного адмирала – до этого он был вице-адмиралом. А взамен он взвалил на себя нелегкое бремя власти.

– Изменилась ли в результате ситуация во властных структурах белой Сибири?

– Новая власть попыталась продолжить историческую российскую государственность, действуя на

«Диктатор»...
Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности... Но я боюсь – слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории...» – писал в своем дневнике Николай Устрялов

Волею судеб боевой офицер впервые оказался в стороне от боевых действий, потому Верховный правитель часто ездил на фронт

основе ее основных законов. Находясь на посту Верховного правителя, Колчак стал принимать меры по восстановлению промышленности, снабжению крестьян сельхозтехникой. С начала 1919 года в Омске функционирует Сенат, в мае начинает работу Государственное экономическое совещание. В его состав входили министры, представители банков, земских собраний, городских дум, казачьих войск. В тех пределах, которые ему были доступны, Колчак восстанавливал нормальную жизнь, причем в условиях Гражданской войны.

– Как Колчак жил в Омске?

– Жизнь адмирала в Омске распадается на несколько периодов. Первый – когда он только приехал, был совершенно свободным человеком и мог распоряжаться своим временем. Когда Александр Васильевич входит в новое правительство, свободного времени становится меньше. А когда он стал Верховным правителем, свободного времени почти не осталось. Но, несмотря на это, он на богослужениях бывал, у кадетов бывал, парады войск принимал. С первого дня вхождения в правительство Колчак ездил на фронт. Об этом говорят письма, которые он писал своей жене и отправлял различными путями – из Тобольска, из Тары, из других городов...

– Какими принципами руководствовался Верховный правитель?

– Эти принципы очевидны по его первому указу: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройстве государственных дел и жизни, объявляю,

что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка». Колчак так формулировал свое кредо: «Нет ничего выше Родины и служения ей. Цель и смысл всей моей жизни – создание России единой и могучей, создание мирной и спокойной жизни при производительном труде под охраной закона. Той жизни, по которой так истосковалось население нашей страны». В письме жене он писал: «Я служу Родине, своей Великой России так, как служил ей все время, командуя кораблем, дивизией или флотом».

– Вскоре после провозглашения адмирала Верховным правителем, произошло событие, которое в исторической литературе подается как свидетельство «белого террора» со стороны Колчака. Почему стал возможен расстрел членов Учредительного собрания?

– Из-за хаоса во время Куломзинского восстания 22 декабря 1918 года. На большевистской партийной конференции, которая состоялась в Томске после свержения омской Директории, было решено организовать вооруженное выступление против Колчака. Из Томска в Омск для организации восстания прибыли Арнольд Нейбут, Александр Масленников, Павел Вавилов и Михаил Рабинович – представители Сибирского областного комитета РКП(б). Город был поделен на четыре части, в каждой действовал свой штаб.

Но контрразведка Колчака узнала о планах большевистского подполья. Начались аресты, штаб отменил восстание, но предупредить об этом успели не всех. Наибольший размах мятеж приобрел в Куломзине – пригороде Омска. Там отряд рабочих и распропагандированных солдат омского гарнизона разрушил казачью сотню и батальон чехословацких войск. Затем восставшие взяли железнодорожный мост через Иртыш. Другой отряд в самом городе захватил тюрьму, из которой выпустили 200 заключенных. В тюрьме помимо большевиков нахо-

дились и арестованные представители комитета Учредительного собрания, которые входили в антисоветское правительство КомУЧ, боровшееся против большевиков на Волге летом-осенью 1918 года. В основном это были меньшевики и эсеры. Уже утром 19 ноября, после объявления Колчака Верховным правителем, съезд партии эсеров-членов Учредительного собрания в Уфе принял воззвание «Ко всем народам России» с призывом устранить

Должность Верховного правителя адмирал принял как крест

дидились и арестованные представители комитета Учредительного собрания, которые входили в антисоветское правительство КомУЧ, боровшееся против большевиков на Волге летом-осенью 1918 года. В основном это были меньшевики и эсеры. Уже утром 19 ноября, после объявления Колчака Верховным правителем, съезд партии эсеров-членов Учредительного собрания в Уфе принял воззвание «Ко всем народам России» с призывом устранить

«кучку заговорщиков». После чего последовал логичный арест омских «учредилловцев». Нескоординированное восстание 22 декабря было подавлено в ту же ночь. 23 декабря был обнародован приказ «всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним предать военно-полевному суду». Начальник омского гарнизона генерал Бржозовский опубликовал распоряжение, предписывающее всем освобожденным «добровольно явиться к караульному начальнику областной тюрьмы». К утру 23 декабря почти вся «группа Учредительного собрания» явилась в тюрьму, в отличие от большевиков. А вечером туда пришел поручик Барташевский из отряда Красильникова и приказал выдать ему арестованных «учредилловцев». Их расстреляли на левом берегу Иртыша. Когда адмиралу донесли о случившемся, Колчак, по воспоминаниям очевидцев, был вне себя от гнева. Неслучайно на допросе в Иркутске Александр Васильевич говорил: «Этот акт был направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть».

– Что собой представляло окружение Колчака и были ли там люди, которым адмирал реально мог доверять? Оказавшийся в Омске полковник Иосиф Ильин в декабре писал в дневнике: «Страшно за Колчака. Он окружен Бог знает кем. Сукины, Гинсы, Михайловы – все главным образом заняты собой, своими делами и собственным рецептом спасения. Ни у кого нет главного: жертвенности и чувства долга. Это только у одного Колчака, но что он может сделать?»

– Об этом писал не только Ильин, но и главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров Георгий Гинс и военный министр правительства Колчака барон Алексей Будберг. Последний в своих мемуарах описывал весьма нелицеприятные вещи: «Понятно, почему так ненавидят на фронте ставку; все ее распоряжения отдаются безграмотными в военном деле фантазерами и дилетантами, не знающими ни настоящей, неприкрашенной обстановки, ни действительного физического и морального состояния войск...» Люди, которым Колчак мог доверять, были, но их было мало. Изменить ситуацию они не могли.

– В кабинете Колчака висела карта северных экспедиций. А 23 апреля 1919 года распоряжением Верховного правителя при Российском правительстве был создан Комитет Северного морского пути...

– Во-первых, Северный морской путь был очень близок адмиралу, который занимался арктическими исследованиями. Во-вторых, поставки по Транссибу были ненадежны, Колчак знал об этом. Когда он пришел к власти, случился читинский конфликт: «хозяин» Забайкалья, атаман Григорий Семенов, не признал избрание Колчака и перерезал Транссиб. В итоге грузы, шедшие с востока, до Омска не доходили. Колчак смог решить этот вопрос, договорившись с японцами – именно они стояли за Семеновым. Но на железнодорожную магистраль все равно нельзя было надеяться. Корабли были куда надежнее. Потому Северный морской путь рассматривался Колчаком как основная магистраль для переброски вооружения и амуниции.

– Обладал ли Колчак реальной властью или был, по сути, символической фигурой? Что он предпринимал, чтобы повлиять на ухудшающуюся ситуацию?

– На этот вопрос опять можно ответить его же словами из письма жене: «Я не являюсь ни с какой стороны представителем наследственной или выборной власти, я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера».

В 1919 году Колчак пишет о государственном управлении: «Мы строим из недоброкачественного материала, все гниет. Я поражаюсь, до чего все испоганились. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежи». Но Александру Васильевичу приходилось выбирать из того, что было. В результате на командных должностях оказывались люди без должного опыта.

Адмирал Александр Колчак, глава британской миссии генерал Альфред Нокс и английские офицеры на учениях. Восточный фронт. 1919 год

Последнее фото Александра Колчака.
Иркутск

Кабинет
Верховного
правителя
в омском
Центре изучения
истории
Гражданской
войны, открытом
в бывшей
резиденции
адмирала

Настоящей трагедией для адмирала как Верховного правителя России было отсутствие политического опыта управления. Как и многие другие лидеры Белого движения, он учился на собственных ошибках, которые, вследствие его положения, обходились слишком дорого.

– *Начавшееся весной 1919 года победоносное наступление белых завершилось неудачей. Почему?*

– Восточному фронту белых по сравнению с белым Югом не везло с руководителями. Не хватало кадровых офицеров, было мало талантливых и опытных военачальников. Вопиющие ошибки и дезорганизация в управлении войсками были очевидны даже солдатам и подрывали их веру в командование. По сравнению с красными значительного численного перевеса в войсках у Колчака не было. К 1 апреля 1919 года, когда белые еще надеялись на успех, в Красной армии уже имелось 1,5 миллиона бойцов, она постоянно пополнялась новыми силами. Белым же усилить измотанные части было нечем. Армия не имела оборудованной тыловой базы, снабжение было нерегулярным. В войсках не хватало оружия и боеприпасов, средств связи и техники. Голод, усталость от маршей и боев создавали благодатную почву для большевистской агитации и приводили к волнениям. Мобилизованные крестьяне воевали неохотно, были случаи массовой сдачи в плен.

– *Как складывались отношения Колчака с иностранными союзниками, которые сначала поддерживали адмирала, а потом фактически сдали?*

– Союзникам не нужна была сильная Россия. Принято говорить, что Колчак пользовался услугами интервентов. А разве большевики их не исполь-

зовали? Просто мы об этом не говорим. Из США эмиссары приезжали и воевали, у Чапаева в дивизии они в мексиканских шляпах появлялись. Причем интервентов первыми пригласили большевики. Колчак, кстати, союзникам изначально не верил, еще во времена Директории он говорил, что доверять иностранцам нельзя. Но отказаться от их помощи было невозможно. Большевикам в европейской части России достались склады с вооружением, в Сибири же не было ничего. Это породило необходимость искать все на стороне.

– *Как в белой столице оказалось столь заинтересовавшее иностранцев золото, которое ныне принято называть «золотом Колчака»?*

– В конце ноября 1918 года в Омске оказался золотой запас Российской империи. Точнее, та его часть, которую Николай II эвакуировал во время Первой мировой войны в Казань. Золото, захваченное генералом Каппелем и перевезенное в Омск, стало своеобразным знаком легитимности сначала Временного Всероссийского правительства, а затем правительства адмирала Колчака в его признании союзными державами. Золото разместили на хранение в местном филиале Госбанка. В мае 1919 года в Омске находилось золота на сумму 650 миллионов рублей (505 тонн). Имея в своем распоряжении большую часть золотого запаса России, Колчак не позволял правительству расходовать его. На закупку вооружения и обмундирования для своей армии Колчак потратил только 68 миллионов рублей.

– *Что заставило Колчака принять решение о сдаче Омска?*

– После сдачи Челябинска летом 1919 года для белых наступили тяжелые времена. Фронт при-

У мемориальной доски на здании Центра изучения истории Гражданской войны. Имя адмирала Колчака в Омске увековечено только на ней

ближался к столице. 27 сентября случилось чудо: после кровопролитных боев колчаковская армия вновь взяла Тобольск. Но вскоре по всему фронту началось отступление белых. 29 октября Совет министров вынес постановление о начале эвакуации из Омска. Сначала Колчак был сторонником защиты Омска. Он не без оснований полагал, что если он сдаст столицу, то это отразится на моральном состоянии армии и приведет к всеобщему обвалу в тылу. Но затем ему пришлось дать согласие на эвакуацию. Скорее всего, свою роль в принятии такого решения сыграли погодные условия. Иртыш в тот год долго не замерзал, отступавшие части белых были зажаты между противником и рекой. На то, чтобы навести переправы, времени не было. Незамерзшая река была только видимым рубежом обороны. В случае появления крепкого льда части красных могли обойти обороняющихся по льду в любом месте и взять в кольцо. 10 ноября Иртыш стал. В тот же день Совет министров покидает Омск, а Колчак уезжает с последним поездом в ночь на 13 ноября – буквально за сутки до прихода большевиков.

– Правда ли, что отказ передать союзникам золотой запас Российской империи стал для Колчака роковым?

– Да. Когда Колчак на предложение главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генерала Мориса Жанена взять золото под охрану ответил, что лучше оставит это золото большевикам, судьба его была решена. Колчак был предан союзниками. 3 января 1920 года Александр Васильевич получает теле-

грамму от Совета министров возглавляемого им правительства с требованием отречься от верховной власти во имя продолжения борьбы с большевиками. После раздумий, заручившись обещанием генерала Жанена, гарантировавшего Колчаку безопасность, адмирал решает передать власть в пределах Европейской России Антону Деникину, а на российской восточной окраине – атаману Григорию Семенову. 4 января в поезде на станции Нижнеудинск он издает свой последний указ о передаче власти. Затем Колчак вместе с сопровождавшими его лицами перешел из своего поезда в отдельный вагон, который был прицеплен к составу 6-го чехословацкого полка. На окна вагона повесили флаги пяти союзных держав, что означало, что адмирал находится под их защитой. 15 января, по прибытии на станцию Иркутск, чехи, ссылаясь на приказ генерала Жанена, передали Колчака и премьер-министра Пепеляева эсеро-меньшевистскому Политическому центру. В ту же ночь бывшие Верховный правитель России и его премьер-министр были доставлены под охраной в Иркутскую губернскую тюрьму. С 21 января Политцентр передал власть в Иркутске созданному накануне Военно-революционному комитету во главе с большевиком Александром Ширямовым. Утром 7 февраля Александр Колчак был расстрелян – без суда, в соответствии с Постановлением Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за №27. Существуют различные рассказы о последних минутах адмирала Колчака; все они свидетельствуют, что он умер так же смело и честно, как жил. Комендант Иркутска Иван Бурсак подробно описал расстрел. «К 4 часам утра мы прибыли на бе-

рег реки Ушаковки, к притоку Ангары. Колчак все время вел себя спокойно. Полнолуние, светлая морозная ночь. Колчак и Пепеляев стояли на пригорке. На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне: «Пора». Я даю команду: «Взвод, по врагам революции – пли!». Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «Верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание».

7 февраля чехословаки вернули советским властям 409 миллионов рублей золотом в обмен на гарантии эвакуации корпуса из России. Но и себя не обидели: вернувшиеся на родину legionеры основали собственный банк – Легиабанк. Что же стало с золотом, попавшим в руки большевиков? Исследователь Александр Мосякин выяснил, что всего за 10 месяцев 1921 года из Советской России на Запад было вывезено золота на сумму 485,3 миллиона рублей (375,7 тонны), из них только четверть израсходовали на закупки зерна, паровозов, снаряжения для Красной армии, а основная масса золота легла на секретные партийные счета в западных банках.

– Могло ли все сложиться иначе или финал был предрешен?

– Шансы были. Но свою роль сыграл комплекс причин – военных, социальных, политических. В политическом плане большевики были умнее и сильнее, потому что Колчак не обещал того, что не мог сделать. Ленин с Троцким обещали все, а потом многое из обещанного не было выполнено... Был ли шанс у Омска? Был, по крайней мере, до весны 1919 года. И даже потом был, когда белые уже отступали. Если бы Колчаку удалось соединиться с Деникиным, то история пошла бы по другому сценарию. Неслучайно Ленин говорил, что если до зимы большевики не возьмут Омск, то гибель революции неизбежна. Ленин и Троцкий прекрасно понимали, что

перед ними очень серьезный противник. Потому многие и сейчас возражают против реабилитации Колчака.

– Его сын говорил, что Колчак «в реабилитации не нуждается»...

– Дело в другом. Реабилитация дала бы преимуществ в установке памятных знаков и мемориальных досок. А сейчас по поводу любого памятника сразу поднимается крик. Колчак, как человек неглупый, это предвидел. Он писал:

«Война не присяжный поверенный, война не руководствуется уложением о наказаниях, она выше человеческой справедливости, ее правосудие не всегда понятно, она признает только победу, счастье, успех, удачу – она презирует и издевается над несчастьем, страданием, горем – «горе побежденным» – вот ее первый символ веры».

– Что погубило белый Омск и его правителя?

– Из-за острых внутренних противоречий в колчаковском лагере не было единства. Белые не смогли стать силой, привлекательной для широких масс. Главный для крестьянства земельный вопрос правительством Колчака решен не был. С окончанием Первой мировой войны большевики утратили облик предателей, который за ними закрепился после Брестского мира. Белые же, наоборот, оказались теперь в роли пособников интервентов.

Большевики сумели постичь принципы ведения войны в новых условиях, соединив войну и политику, что не удалось белым. Именно создание массовой Красной армии под управлением квалифицированных офицеров старой

армии, контролировавшихся комиссарами, а также выдвижение понятных и привлекательных для большинства лозунгов принесло большевикам победу. У белых были свои преимущества, но эффективно воспользоваться ими они не смогли. В итоге «красная» организация победила «белую» импровизацию... ■

Созданный художником Сергеем Барановым для Центра изучения истории Гражданской войны портрет Колчака носит название «Колчак. Последние дни»

«РУССКИЙ ОРЕЛ МУХ НЕ ЛОВИТ»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А.П. Боголюбов.

Сражение
при Гангуте
27 июля
1714 года.
1877 год

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

О СРАЖЕНИЯХ УДОБНО РАССУЖДАТЬ, РАСПОЛОЖИВШИСЬ В МЯГКОМ КРЕСЛЕ С РАЗЛОЖЕННОЙ НА КОЛЕНАХ КАРТОЙ И СТРОЯ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ О НАМЕРЕНИЯХ И ПЛАНАХ ПРОТИВНИКОВ. СОВСЕМ ИНАЧЕ ВСЕ ВЫГЛЯДИТ В ДЫМУ СРАЖЕНИЯ, КОГДА ВОКРУГ ГРОХОЧУТ ПУШКИ И СТОНУТ РАНЕННЫЕ, А СИТУАЦИЯ ВЫНУЖДАЕТ ПРИНИМАТЬ НЕМЕДЛЕННЫЕ РЕШЕНИЯ. ОНИ НЕ ВСЕГДА ПОНЯТНЫ СЕГОДНЯ: ВЕДЬ В XVIII ВЕКЕ ИНАЯ ЛОГИСТИКА, ИНЫЕ СКОРОСТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВОЙСК, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, МОТИВЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ.

В ОЕННЫЕ БАТАЛИИ любят сравнивать с шахматными партиями. Трудно сказать, насколько это справедливо. Но если смотреть на события в подобном ключе, то знаменитое Гангутское сражение или, как называют его шведы, битва в Рилакс-фьорде, было подобно затянувшемуся гамбиту. Сегодня, когда подготовка и ход Гангутской битвы детально изучены, может показаться, что перед нами действительно идеально спланированная штабная операция. Но так ли это на самом деле? Попробуем разобраться. В апреле 1714 года в канцелярию генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина поступило донесение из Гданьска.

Его автор, Павел Готовцов, сообщил чрезвычайно важную информацию. «Доношу, – читаем в рапорте, – правду, то, что слышу. Доносится здесь, что шведы нынешнего лета купно с капорами французскими стараться имеют на море Балтийском о поимании самого его царского пресветлого величества, о котором имеют шведы ведомость, что особою своею на море сего лета быть изволят». Готовцов не первый раз предупреждал Апраксина о коварстве шведов, но на этот раз был особо обеспокоен «безпечностью его величества» и просил «иметь осторожность». Знали бы шведы, что, готовя ловушку царю, они в конце концов сами попадут в капкан...

ДИСПОЗИЦИЯ

После Полтавы шведы уже не строили иллюзий по поводу своих успехов на суше. А вот на море Стокгольм с его мощным флотом сохранял явный перевес. Осознавая превосходство Русской армии, шведы оставили побережье и готовили оборону своих глубинных территорий. Все свои войска они сосредоточили в Померании, под Сконе и у Гётеборга. В Финляндии же располагался малочисленный корпус генерала Карла Густава Армфельдта, который к весне 1714 года был оттеснен к северным границам.

Командующий шведским флотом старый адмирал Густав Ваттранг предугадал стратегические замыслы царя Петра: совместным ударом с датским флотом закончить войну, одержав победу в генеральном морском сражении. Ваттранг прекрасно понимал, что контр-адмирал Петр Алексеевич Михайлов, под именем которого царь фигурировал в списках флота, будет также стремиться захватить контроль над Ботническим заливом: силы командующего русским Финляндским корпусом князя Михаила Михайловича Голицына застряли под Або (ныне – Турку), ему остро будут нужны припасы, а значит, потребуются их доставка по морю. Как сложится кампания 1714 года, Ваттранг, разумеется, не знал, но рассчитывал

создать самые благоприятные условия для своего успеха.

В свою очередь, Петр I, развернув строительство и парусного, и галерного (гребного) флота, проявил себя как прекрасный стратег. Парусный флот предназначен для боевых действий в открытом море, но, учитывая превосходство шведов на Балтике, должен был действовать осторожно (согласно приказу Петра от 22 мая 1714 года, русским кораблям разрешалось вступать в бой только при превосходстве в силах. – **Прим. авт.**). Понимая, что Финляндия с ее болотами, лесами и бездорожьем представляет собой серьезное препятствие для действий сухопутной армии, царь сделал ставку на строительство сильнейшего на Балтике галерного флота, равного которому в те годы не имела ни одна держава. К 1714 году он состоял из 99 полугалер и легких маневренных скамповей. Строили корабли на Галерной верфи в Петербурге под руководством галерного мастера грека Юрия Антоновича Русина.

Командовали галерными отрядами приглашенные в Россию опытные офицеры: штурман-граф Джованни Боцис, Матия Змаевич и Лука Демьянов. Шведы же были приверженцами парусных кораблей и шхерным флотом фактически не располагали. Так что царь решил перенести военные действия на мелководья Ботнического залива, изобиловавшего мелями, банками, шхерами и островами. По его мнению, кто контролировал прибрежные воды и мог наносить внезапные удары по чужому побережью, тот в итоге и выиграл бы противостояние. Галерный флот, таким образом, превращался в идеальное оружие для взаимодействия с армией и ведения войны в прибрежных районах и шхерах.

Захват Финляндии открывал перед Петром перспективы скорого окончания войны: «И иттить не для разарения, но чтоб овладеть, хотя она нам не нужна вовсе удерживать», – писал государь. В будущих мирных пере-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

говорах захваченная Финляндия могла превратиться в козырь в руках дипломатов. Кроме того, отсюда в Швецию шли поставки продовольствия и древесины. В руках у Петра уже находились Гельсингфорс (Хельсинки), Борго (Порвоо) и Або. Перед ним открывалась дорога к Аландским островам, и галерный флот, действуя сухопутным войскам в наступлении на приморских направлениях, мог высаживать десанты, перевозить войска, боеприпасы и провиант, а также прикрывать приморские фланги сухопутных войск, готовя атаку самой Швеции.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Федор
Матвеевич
Апраксин
(1661–1728),
генерал-
адмирал.
Портрет кисти
В.Н. Бовина.
1848 год

Походный строй
русских галер
в финляндских
шхерах в 1714
году. С гравюры
П. Пикарта

МЫС ГАНГУТ. ШВЕДСКИЙ КАПКАН

Однако с начала кампании инициативу захватили шведы. Финский залив в районе Невы и острова Котлин освобождается ото льда только в начале мая, тогда как в районе Стокгольма и Карлскроны лед начинает сходить в конце февраля. Таким образом, шведы смогли вывести свой флот в море на два месяца раньше, чем русские: Нева в 1714 году вскрылась поздно, лед на Финском заливе сошел 20 апреля, флот и галеры выдвинулись в море только 9 мая. Накануне ночью скончался граф Боцис, образованный, энергичный, близкий царю человек, главная действующая фигура галерного флота. Не сработала и ставка царя на совместные действия с датчанами: русские корабли направились в Ревель, ожидая сигнала к началу совместных действий, однако датская эскадра так и не вошла в Балтийское море. Впрочем, это не стало сюрпризом для Петра I. Он и раньше не питал иллюзий в отношении датчан и не раз критиковал датских адмиралов за нерешительность, приговаривая, что датчане относятся к своему флоту так же, как старик-муж относится к своей молодой жене: «Он ласкает ее, целует, но не более того».

Флот Ваттранга с 16 линейными кораблями и пятью фрегатами расположился у южной оконечности финляндского полуострова Гангут (ныне – Ханко). На самой его оконечности, возле одноименного мыса Гангут, можно было легко перекрыть сплошной пояс шхер между Гельсингфорсом и Або, одновременно контролируя и прибрежный фарватер, и выход из Финского залива в открытую часть Балтийского моря и Ботнический залив.

А русский галерный флот под командованием Апраксина только к концу мая медленно стягивался в финляндские шхеры, только освобождаясь ото льда. Русские корабли впервые оказались в этих водах, командиры плохо представляли особенности здешней гидрографии и боялись посадить корабли на мель. За такие просчеты царь взыскивал строго

и наказывал жестоко. Где стоят шведы, было непонятно. Только приблизившись к полуострову Гангут, русское командование от захваченных в плен шведских матросов узнало о расположении флота Ваттранга.

Апраксин был озадачен и не знал, что делать. Федор Матвеевич всегда старался все делать правильно, в сложных ситуациях частенько терялся, боясь проявлять инициативу. Царю Петру он приходился родственником: сестра адмирала, Марфа Матвеевна Апраксина, была вдовой сводного брата Петра, царя Федора Алексеевича. Кавалер ордена Андрея Первозванного Апраксин был одним из самых близких царю людей. Был он хорош собой, величав, белокур, длинные локоны свои повязывал лентой, знал толк в хорошей еде и отличался добродушием. Добросовестный по части исполнения монарших распоряжений, Апраксин был и надежным компаньоном царя в деле служения Бахусу. Но в том, что касалось управления кораблями и морской стратегии, у адмирала получалось далеко не все. Прибыв с флотом в финляндские шхеры, Апраксин заперся в удобной закрытой бухте возле деревни Тверминне, взяв на себя роль стороннего наблюдателя и рассматривая возможности для строительства в заливе Пой-кирки надежной крепости – на тот случай, если шведы вдруг блокируют его галерный флот и придется здесь обустроить зимние квартиры.

Получив известия о позиции шведских кораблей, царь, стоявший с парусным флотом в Ревельском заливе, собрал военный совет. Рапорт Апраксина прогневал государя. «Что прикажете делать, – вопрошал его в рапорте генерал-адмирал. – А в Гангуте проход заставлен военными кораблями, и я стою в Тверминне благополучно». Петр решил сам отправиться к Тверминне. 18 июля на фрегате «Святой Павел» в сопровождении шести линейных кораблей и шнявы царь направился к противоположному берегу Финского залива. Приблизившись к шхерам, он пересел на скампавею и

А.Ф. Зубов.
Баталия близ
Гангута. Гравюра.
1715 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

20 июня прибыл в расположение галерного флота возле Тверминне. 22 июля на шлюпке царь провел рекогносцировку у оконечности Гангута и убедился, что шведы стоят здесь крепко и уверенно, – преодолеть такую сильную позицию невозможно, не вступая в генеральное сражение. Все морские пути на запад были отрезаны.

А если попытаться обойти неприятеля по суше, построив в самом узком месте полуострова Гангут переволоку? Царь, любивший читать античных авторов, помнил, что в «Стратегемах» Секста Юлия Фронтинна рассказывалось, что подобную хитрость использовал запертый в гавани Афин спартанский флотоводец Лисандр. Он приказал «солдатам тайно выйти на берег и, подложив катки, перевел корабли в ближайший порт Мунихию». Петр I и сам уже использовал эту уловку, когда в начале Северной войны перебросил с Белого моря на Балтику по так называемой «Государевой дороге» две яхты и несколько гребных судов. Дело завершилось взятием крепости Орешек, но тогда противник стоял далеко и не контролировал действия Русской армии. Здесь же все нужно было делать быстро и скрытно: рубить лес, укладывать бревна в помост, смазывать их салом и маслом, после чего волочь галеры. Вместе с судостроителем Мокеем Романовичем Черкасовым царь детально проработал конструкцию волоков. В короткий срок был выстроен не только настил для перетаскивания скампа-

вей, но и приспособления для вытаскивания их из воды и спуска на воду. Кажется, царь очень рисковал, ставя свои корабли под удар шведов. Или он не собирался перетаскивать галеры на западный берег полуострова и только отвлекал внимание противника?

Ваттранг быстро узнал о том, что в бухте Тверминне что-то готовится. «В дневную вахту явились на судно четыре крестьянина с известием, что неприятель ныне намеревается перевести через переволоку у Тверминне свои галеры и суда и что сегодня он возьмется за исполнение этого плана, что теперь уже все подготовлено, – записал он в дневнике. – Я велел позвать обоих флагманов». Подготовленный Ваттрангом контрудар был четок, логичен и грамотен. Разгадав, как ему казалось, ход Петра, Ваттранг приготовил западную. К западной стороне переволоки, туда, где Петр рассчитывал спускать галеры с волока, он направил эскадру, состоящую из прама «Элефант», шести двухмачтовых галер и двух шхерботов. Передвижение шведской эскадры, которой командовал шаутбенахт Нильс Эреншёльд, русские заметили. У Гангута Ваттранг поставил шесть линейных кораблей и три фрегата, а 12 кораблей под командованием вице-адмирала Эрика Йоханна Лиллье направил на северо-восток, к Тверминне, чтобы захватить врасплох русские галеры.

Царю донесли, что шведы разделили свои силы: появление Лиллье у Тверминне могло поставить

крест на кампании 1714 года. Нависала угроза и над самым галерным флотом. К счастью для русских, к вечеру 25 июля наступило полное безветрие, и шведские корабли, не дойдя 2 миль до цели, встали. А допрошенные финские рыбаки рассказали царю, что штили в здешних местах дело привычное. Знал ли об этом Петр раньше или действовал по наитию – неизвестно. Но после совета флагманов он принял дерзкое решение: прорываться, обогнув мористее (то есть дальше от берега) лежавшие в дрейфе шведские корабли и фрегаты Ваттранга.

ПРОРЫВ

Попробуем разобраться, на чем основывался план царя. Чтобы понять это, вспомним особенности галерных судов. Плоскодонные корабли с длинным узким корпусом, они имели небольшую высоту надводного борта. Впереди выступал напоминающий таран шпирон. За шпироном в носовой части размещался достаточно просторный помост, на котором устанавливались орудия. Вдоль галеры, до самого ее носа, шел длинный невысокий дощатый настил – куршея. По обе его стороны находились банки гребцов, на которых лицом к корме располагалась галерная команда. Ее численность зависела от размеров судна. Длина весел гребцов доходила до 15 метров, их вес варьировался от 250 до 300 килограммов. В зависимости от конструкции корабля и весел гребцов на каждой банке было от 5 до 9 человек. Галерная команда называлась «шиурма», на русском флоте ее собирали из каторжников (слово «каторга» – производное от разновидности средиземноморского гребного судна – каторги. – **Прим. авт.**), военнопленных и матросов.

Главной действующей фигурой на галере был комит – галерный пристав, выполнявший обязанности шкипера и боцмана. В ведении комита и его первого помощника (подкомита) находились все службы на галере. На шее комита висел свисток. Выслушав приказ капитана, он высвистывал

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Шведский
корабельный
флот на позиции
у Гангута.
С гравюры
П. Пикарта

сигнал, который повторял подкомит, и работа начиналась. Помогал им аргузин – второй помощник комита, который со своим напарником (подаргузином) надзирал за шиурмой. С плетями из воловьих жил они расхаживали по куршее и наблюдали за ритмом работы гребцов, нещадно избивая тех, кто не мог больше грести. Ритм гребли и скорость движения галеры поддерживались с помощью барабанного боя. Если одна из банок запаздывала и теряла темп, то весла стучались и ломались.

И теперь представьте, что идти на веслах вдоль побережья полуострова нужно было более 20 верст, находясь под прицелом шведских пушек и поддерживая бешеную скорость!

А как же переволока? Хотя по ней и не удалось перетящить ни одного судна, свою роль она сыграла, став своего рода приманкой для шведов и главной причиной раз-

Нильс
Эреншёльд
(1674–1728),
контр-адмирал
шведского
флота.
Портрет работы
неизвестного
художника.
1843 год

деления их флота, то есть его ослабления.

Утром 26 июля отряд русского галерного флота пошел на прорыв, обходя корабли Ваттранга мористее. Шведы открыли огонь из пушек, попытались буксировать корабли ботами и шлюпками к стремительнодвигающимся на запад между скалами русским галерам. Безрезультатно. В итоге галерным отрядам под командованием Змаевича, бригадира М. Волкова и капитана П. Бредаля, а затем и второй группы судов под управлением П. Лефорта удалось проскочить: «Шли на гребле зело порядочно и в шхеры вошли и с первыми случились благополучно». К полудню мимо шведского флота прорвались 35 галер. Ваттранг был ошарашен и отдал Лиллье приказ возвращаться назад. Затем совершил еще один просчет: ночью поднялся ветер, и адмирал приказал отбуксировать свои корабли мористее, чтобы намертво закрыть вчерашнюю брешь. Однако это означало, что пространство вдоль берега оголено. Утром 27 июля стоял мертвый штиль, чем не преминули воспользоваться русские. В четыре утра 60 галер растянулись вдоль берега и на бешеной скорости рванули вперед. Шведы были бессильны что-либо сделать: их неповоротливые на мелкой воде корабли стояли как вкопанные, а беспорядочная стрельба вновь не причиняла галерам почти никакого вреда. За этим «почти» кроется только один трофей шведов: русская галера, наскочившая на мель. На ней оказались майор, капитан, два прапорщика, комиссар, казначей, священник, а также мешок с деньгами и 179 нижних чинов. Остальные галеры благополучно ушли из ловушки. По преданию, матрос с последней галеры издевательски показал шведам конец веревки: мол, могу взять на буксир. Шведы взвыли от ярости! Глядя вслед уходящим за мыс русским галерам, Ваттранг изрыгал проклятия, но поделаться уже ничего не мог. А вскоре на западе полуострова, где корабли Эреншёльда стерегли переволоку, началась «сильная пальба».

ЛОВУШКА ДЛЯ ЭРЕНШЁЛЬДА

Шведская партия была проиграна, а Эреншёльд обречен. Однако сдаваться Эреншёльд не собирався, он ушел вглубь Рилакс-фьорда вблизи урочища Гора Рилакс, выбрав прекрасную позицию для обороны.

Место, где расположился шведский контр-адмирал, не удалось определить по сей день. Из документов известно, что позицию он занял в узком заливе, однако исходных точек для определения локации не сохранилось. Во время сражения ни один корабль не потонул, а ядра, детали фузей, пистолеты и алебарды лежат на дне в глубоком иле. В районе есть немало магнитных аномалий, препятствующих исследованиям с помощью магнитометров и гидролокаторов.

Эреншёльд расставил свои суда по всем правилам военно-морского искусства, расположив их полумесяцем. В центре находился флагманский 18-пушечный трехмачтовый прам «Элефант», а справа и слева – по три двухмачтовые галеры. Всего на судах первой линии было 108 пушек. Оба фланга шведской эскадры упирались в берег. Два шхербота стояли во второй линии, их вооружение состояло из 10 орудий. В экипажах всех судов насчитывалось около тысячи человек, в том числе 15 морских и 10 сухопутных офицеров. Таким построением Эреншёльд добился трех важных преимуществ: создал большую плотность пушечного огня, обезопасил себя от обхода с флангов и не позволил Петру одновременно ввести в сражение большое количество судов. Из-за стесненности акватории с русской стороны в сражении могли принять участие только 23 полугалеры и скампавеи. В центре своего построения Петр поставил 11 судов авангарда, а сам на отдельной галере занял позицию позади.

Когда стороны изготовились к сражению, Апраксин отправил к шведам парламентаря – генерал-адъютанта Павла Ивановича Ягужинского. Красавец, храбрец, кутила, танцор и модник, буду-

Матвей Христофорович Эмаевич (1680–1735), русский адмирал сербского происхождения. Портрет работы неизвестного художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

щий прокурор Ягужинский был человеком компанейским. По-видимому, Петр рассчитывал, что обаятельный Ягужинский сумеет договориться с Эреншёльдом о капитуляции. Однако швед был тверд: «Царю от меня и от моих подчиненных нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решит нас заполнить, мы еще с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха». Получив от Эреншёльда отказ, Апраксин дал сигнал начать атаку.

Битва началась около двух часов пополудни и продолжалась более двух часов, превратившись в настоящую мясорубку. После перестрелки из судовых пушек в дело пошло ручное огнестрельное оружие, а затем солдаты abordажной команды начали захватывать шведские суда, пробивая дорогу в яростных палубных схватках. Шведские корабли забрасывали горючими и отравляющими смесями, камнями и горшками с мылом – разбиваясь, они пре-

вращали палубу в каток, солдаты скользили и падали, напарываясь на небольшие шары с четырьмя иглами, наносящими страшные увечья.

Наступление шло с флангов. Русские захватывали шведские галеры, подбираясь к «Элефанту». Сражение было чрезвычайно упорным. В походном журнале Петра I о нем оставлена страшная запись: «Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны». Наконец сине-желтые флаги Швеции были спущены. «Я искал смерти», – признавался Эреншёльд, но найти ее ему было не суждено; он был тяжело ранен и взят в плен. Всего в сражении шведы потеряли убитыми 361 человека, 580 попали в плен. На берегу вблизи предполагаемого места сражения погребли останки 127 русских солдат и матросов, павших в бою в Рилакс-фьорде.

После поражения Ваттранг покинул позиции возле Гангута и отодвинулся к Стокгольму, опасаясь, что русские попытаются высадить десант у шведской столицы. Он был недалек от истины: сначала пали Аландские острова, а в сентябре 1714 года русские войска десантировались возле Умео и захватили город без боя. Было ясно, что шведский флот неспособен защитить страну от вторжения. Шведское королевство вступало в новый этап своей истории – «Великое лихолетье».

Атака шведским флотом прорывающихся у Гангута русских галер 27 июля 1714 года. С гравюры П. Пикарта

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МАСТЕР ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Петр был мастером информационных войн еще тогда, когда такого понятия не существовало. Для него, равнявшегося на античные образцы, картина складывалась величественная: Александр Македонский побед на море не одерживал, Гай Юлий Цезарь участвовал только в осаде Александрии. Великий карфагенянин Ганнибал хоть и одержал одну морскую победу, но принесли ему успех ядовитые змеи, брошенные в корзинах на палубу вражеского флагмана. А Петр, триумфатор Полтавы, теперь стал победителем на море! «Конец сей войны таким миром получен ничем иным, токмо флотом, ибо землею никаким образом достигнуть было того невозможно», — провозгласил победоносный царь. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в Гельсингфорс, а затем переведены в Петербург.

По случаю победы под Гангутом на Неве и на главной в Санкт-Петербурге Троицкой площади прошли торжества, подготовленные по аналогии с победными шествиями в Древнем Риме. Первыми через возведенные триумфальные врата прошли любимцы царя, пре-

ображенцы, вслед за ними — две роты Астраханского полка с захваченными трофеями: пушками, флагами и знаменами. Последними в город вошли пленные шведские офицеры: Эреншёльд в новом, подаренном Петром мундире шел за своим контр-адмиральским флагом. Над воротами был изображен сидящий на слоне (намек на трофейный «Элефант») орел (символ России) и надпись: «Русский орел мух не ловит». Сам Петр в торжественном строю занял место шаутбенахта корабельного флота и полковника Преображенского полка. Гордый своей победой, он вел себя подобно античному герою и проявил должное уважение к пленному противнику. Пройдя триумфальную арку, он взял за руки Эреншёльда и, обращаясь к сенаторам, представил им пленного адмирала как «человека отважного и достойного по подвигам своим и храбрости всеобщего признания».

Русский монарх, считал государь, должен являть пример античной добродетели и служить образцом для всей Европы, возрождая традиции Древнего Рима и открывая дорогу в преображенную страну всем, кто готов служить новой Рос-

М. Бакуа.
Гангутское сражение.
Гравюра, акварель.
Не позднее 1722 года

сии. Примеры были налицо. Например, барон Вольмар Антон фон Шлиппенбах, владевший поместьями в Эстляндии и Лифляндии и увековеченный в строках Пушкина «сдается пылкий Шлиппенбах». Шведский генерал, плененный под Полтавой, он продолжил службу в России и сражался под русскими знаменами, отличившись в битве при Гангуте. Может, Петр готовил такую же судьбу и Эреншёльду? Он не отправил адмирала в Сибирь, а оставил его в Петербурге, назначил денежное содержание как вице-адмиралу русского флота и приглашал на все торжественные празднества. После заключения Ништадтского мира Эреншёльд решил вернуться на родину — ему вернули шпагу, взятую при капитуляции в Рилакс-фьорде, а император подарил свой миниатюрный эмалевый портрет, украшенный драгоценными камнями.

Увековечивая память о своей первой морской баталии, Петр повелел ежегодно 27 июля отмечать день Гангутской победы, послужившей основой для празднования Дня Военно-морского флота. Память о Гангутском сражении хранит и освященная в 1722 году церковь Святого великомученика Пантелеймона в Санкт-Петербурге. День святого Пантелеймона совпал с днем Гангутского триумфа, и поэтому в Петербурге храм этот получил название Гангутской церкви. На стене южного фасада храма в 1914 году в честь 200-летия победы были установлены две памятные доски: на одной из них перечислены все полки и морские части, принимавшие участие в сражении. В 1981-м в здании Пантелеймоновской церкви открылся филиал Музея истории Санкт-Петербурга «Гангутская слава», посвященный событиям 1714 года и героической обороне полуострова Ханко в годы Великой Отечественной войны. ■

«Я ЖИВУ СРЕДИ ВАРВАРОВ СЕВЕРА...»

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ ВСЕГДА ХОРОШО ПРОДАЮТСЯ. ТО ЖЕ САМОЕ МОЖНО СКАЗАТЬ О КНИГАХ, НАПИСАННЫХ РАЗНЫМИ АВТОРАМИ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ О РОССИИ.

ЕСЛИ МЫ СПРОСИМ У обывателя, какую книгу о России он знает, допускаю, он ответит, что знаком с работой Астольфа де Кюстина. Действительно, «Россия в 1839 году» маркиза де Кюстина, опубликованная в 1843 году, стала настоящим бестселлером. Более того, она превратилась в настоящую библию русофобов, по ней судят не только о России Николая I, но и о России как таковой.

А вот другие книги, в которых образ России не демонизировался, в которых Россия не описывалась как варварское и деспотичное государство, как правило, издавались одним тиражом, читателям были неизвестны, а зарубежными исследователями воспринимались не иначе как пустословные.

Пример такой книги – трехтомная работа француза Эмиля Дюпре де Сен-Мора «Отшельник в России, или Очерки русских нравов и обычаев в начале XIX века», опубликованная в Париже в 1829 году. Даже французский исследователь Шарль Корбе, написавший спустя почти полтора века весьма объективную книгу о восприятии французами России, отнес работу Сен-Мора к разряду легковесной болтовни. Видимо, Корбе исходил из сложившейся историографической традиции. Но давайте посмотрим, так ли это на самом деле, и познакомимся с этой книгой и ее автором.

«ЧЕЛОВЕК, ПРИЯТНЫЙ В ОБЩЕСТВЕ»

Эмиль Дюпре де Сен-Мор (1772–1854) происходил из семьи французской просвещенной элиты, его отец был влиятельным политиком и администратором, дед – известным экономистом, членом Французской академии. Сен-Мор прошел через революционные и Наполеоновские войны, был администратором во времена империи, приветствовал реставрацию Бурбонов, получил от короля Людовика XVIII орден Почетного

легиона, придерживался консервативных взглядов и даже поддерживал ультраправых. Поэтому с началом либерализации политического курса во Франции он решил уехать из страны и отправился в Россию – страну, которая многим консервативным политикам казалась тогда оплотом здоровых традиционных ценностей. В нашей стране он пробыл пять лет – с августа 1819 по июль 1824 года.

Почему Сен-Мор отправился в Россию и остался там надолго, неизвестно. Чем он занимался в России, тоже неясно. Общался со столичными литераторами, наблюдал и изучал. Русский язык не выучил, имел в запасе лишь пару-тройку десятков русских слов, произносимых на французский манер, но его общению это не мешало: русская элита говорила по-французски не хуже Сен-Мора.

Э. Дюпре де Сен-Мор. Отшельник в России, или Очерки русских нравов и обычаев в начале XIX века (Париж, 1829)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Э. Дюпре де Сен-Мор. Русская антология (Париж, 1823). Обложка

Вот, например, как спустя много лет после описываемых событий о французе отзывался русский литератор Фаддей Булгарин. Это строки из некролога, посвященного Сен-Мору: «Литераторы и петербургское общество первых трех двадцатых годов помнят господина де Сен-Мора, который посещал Петербург и Москву, был знаком почти со всеми русскими литераторами и во всех известных домах читал публично лучшие стихотворения на французском языке... Г. де Сен-Мор был не из знаменитых литераторов, но был честный и весьма добрый человек, приятный в обществе, скромный и уживчивый». Его имя хорошо известно литературоведам: дело в том, что в 1823 году Сен-Мор опубликовал первую на французском языке антологию современной русской литературы и первым познакомил французского читателя с Александром Пушкиным, опубликовал отрывок из поэмы «Руслан и Людмила». В предисловии он описал путь развития русской литературы, а в саму

антологию включил в основном современных ему поэтов: Константина Батюшкова, Василия Пушкина, Василия Жуковского, Николая Гнедича, Ивана Крылова – всего 17 авторов. Книга вышла с посвящением императору Александру I. Русские, да и французские, литераторы встретили ее весьма критично, обратив внимание на множество неточностей, однако во Франции работа имела успех. Книга Сен-Мора представляла новаторский взгляд на русскую литературу, которую в Европе традиционно воспринимали как сугубо подражательную, ли-

Э. Дюпре де Сен-Мор. Отшельник в России, или Очерки русских нравов и обычаев в начале XIX века (Париж, 1829). Титульный лист

Князь Жюль де Полиньяк (1780–1847), французский государственный деятель. Гравированный портрет 1831 года

шенную своеобразия. Сен-Мор, не отрицая подражательности, находил ее вполне естественной для начального этапа становления русской литературы и не отрицал ее самобытности. Книга стала весьма популярной еще и потому, что в конце 1820-х годов русская тема была в моде. Дело в том, что в годы русско-персидской и русско-турецкой войн во Франции возник план Полиньяка – очередная попытка русско-французского сближения. В 1829 году глава правительства князь Жюль де Полиньяк выступил с инициативой коренного пересмотра ненавистной французам системы Венских договоров, включая и территориальные изменения в Европе. Полиньяк считал, что для осуществления его замысла необходимо заручиться содействием России: империи предоставлялась свобода действий на Востоке, а Франции – в Европе. Этот план не был реализован, однако интерес к России подогревал. Помимо антологии русской литературы и «Отшельника в России» в 1830 году Дюпре де Сен-Мор опубликовал еще одну книгу о нашей стране: «Петербург, Москва и провинции, или Очерки русских нравов и обычаев в начале XIX века».

«Я БЫЛ В РОССИИ, Я ЗНАЮ РУССКИХ»

Поскольку в рамках одной статьи сложно осветить все многообразие творчества нашего героя, давайте остановимся на «Отшельнике», тем более что эта книга – настоящая панорама русской жизни. «Отшельники» – это целый жанр литературы о нравах, весьма популярный в то время.

Уже из введения читатель может понять, что автор книги – внимательный наблюдатель и серьезный исследователь, а его подходу к изучению «другого», «чужака» могли бы поучиться современные специалисты в области имажологии – области исследований, изучающей стереотипы взаимного восприятия.

Сен-Мор справедливо отмечал, что о современной ему России судили по книгам, написанным еще в XVII веке. Это актуально и в наши дни: штампы и стереотипы восприятия не изменились со времен Сигизмунда Герберштейна и его «Записок о Московии», опубликованных в XVI столетии.

Кроме того, путешественники смотрят на «другого» сквозь призму собственных капризов, предпочтений и страхов. Кому-то нравятся пиястры или ко-

Е.М. Корнеев.
Катание
на коньках
по Неве.
1812 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лонны, и он везде будет видеть только их; мизантроп будет переносить свое раздражение на увиденное в другой стране, неудачный опыт первого общения с «другим» может повлиять на восприятие народа в целом. Поэтому, как пишет наш герой, «уезжая, надо оставить свой характер на родине».

Помимо этого Сен-Мор отмечает, что путешественник, в принципе, еще до прибытия в новую страну, имея некоторые знания или будучи во власти стереотипов, заранее держит в голове определенную схему. Об этом, например, прекрасно написал

Федор Михайлович Достоевский: «...француз еще в Париже знал, что напишет о России; даже, пожалуй, напишет свое путешествие в Париже, еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу и уже потом приедет к нам – блеснуть, пленить и улететь». Или можно вспомнить французских офицеров и солдат Великой армии, обработанных наполеоновской пропагандой и видевших в России то, что они хотели или должны были увидеть, поэтому и сообщавших в своих письмах и дневниках о белых медведях под Смоленском.

План Санкт-Петербурга и виды достопримечательностей города из книги Дюпре де Сен-Мора «Отшельник в России»

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.О. Орловский.
Извозничья
биржа в Санкт-
Петербурге.
1820 год.
Литография

А еще французы, начиная с просветителей – Жан-Жака Руссо и Шарля-Луи де Монтескье (у Вольтера был иной взгляд), – смотрели на Россию с позиции превосходства и, соответственно, видели лишь недостатки. Сен-Мор это прекрасно понимает: «Никто не может допустить, что француз приехал сюда исключительно с целью восхищаться, наоборот, это он очаровывает всех». Как тут снова не вспомнить Достоевского, отмечавшего, что француз, даже «самый бестолковый и беспутный из них, поживя в России, уезжает от нас совершенно уверенный, что осчастливил русских и хоть отчасти преобразовал Россию». Наш герой, надо заметить, никого особо не очаровал. Видимо, у него не было такой цели. Он лишь хотел узнать Россию и познакомить с ней французского читателя: «Я был бы щедро

вознагражден за свои усилия и работу, если бы читатель по прочтении книги мог бы сказать: «Я был в России, я знаю русских». Как и большинство путешественников, в нашу страну Сен-Мор прибыл морем, совершив путь из Онфлёра до Кронштадта. Ужасы таможни, в отличие от Кюстина, он не описывал и решил целый месяц молчаливо наблюдать. «Перед знакомством с людьми надо познакомиться со страной» – таков его принцип. Начало путешествия он весьма романтично сравнивал с весной: «...ты не знаешь людей, страну, никто не знает тебя. В этой свежести чувств есть что-то весеннее». И только потом он вступил в «межкультурный диалог». При этом его интересовала не только элита и придворное общество, но и обычные люди, «мужики». Вот с них и начнем.

МУЖИКИ

О русских людях, простых «мужиках» (он так и пишет это слово – *moujik*), Сен-Мор отзывается с большой теплотой. Русские мужики, по его словам, являются людьми здравомыслящими, предприимчивыми и обладающими прирожденным чувством справедливости: этого качества, по словам Сен-Мора, уже нет у «старых цивилизованных народов». Русские – народ молодой, в этом Сен-Мор следует уже сформировавшейся в Европе и во Франции традиции, в рамках которой история России как государства начиналась с Петра Великого. Его поражает щедрость и гостеприимство русских крестьян. Например, он сообщает: если у крестьянина получается разбогатеть и стать мужиком-миллионером, он может пожертвовать 50, а то и 100 тысяч рублей

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на постройку церкви, больницы или другого общественного сооружения. При этом он совершает этот дар по велению души, без всякого принуждения и хвастовства.

Русский мужик добр и нежен по отношению к своей семье, жене и детям, он ценит дружбу, а если ему случается выпить, пьяного друга он не бросит: выпив водки, будет идти «зигзагом», но никогда не упадет и товарища не оставит. Наоборот, будет его поддерживать, настаивать, что много пить нельзя, и пугать полицией и участием. Как видим, в отличие от многих своих соотечественников, Сен-Мор вовсе не считал пьянство одной из национальных особенностей русских. Еще русские люди очень любят животных и птиц. Сен-Мора поразило, как простой человек мог потратить огромные деньги на покупку птиц в клетках только для того, чтобы

потом выпустить их на волю. Если французы, по его словам, порой грубо обращались с лошадьми, то русские извозчики – никогда. Извозчик всегда разговаривает со своей лошадкой, подбадривает ее. Сен-Мору как-то перевели разговор

кучера с лошастью: мужик просил ее потерпеть, помочь ему заработать копеечку в городе, а потом, когда они окажутся в родной деревне, обещал ей две недели отдыха, свежей сочной травы и овса, который ей дадут его дочери.

К.-Ф.-Х. Буддеус.
Вид русской
крестьянской
избы. 1820 год

К.-Ф.-Х. Буддеус. Типы русских крестьян. 1820 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.О. Орловский.
Военный
и денщик
в зимней
кибитке,
запряженной
тройкой.
1826 год.
Литография

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Петербургские извозчики в его описаниях – люди страшные и ловкие. Как известно, у Отто фон Бисмарка, в свое время бывшего послом Пруссии в России, было любимое русское слово из лексикона кучеров – «ничего» в смысле «ничего, выкарабкаемся!». Будущий «железный канцлер» даже заказал себе кольцо с такой надписью. А бельгиец Нестор Консидеран, опубликовавший в 1857 году свою книгу о России, писал, что русские ямщики – очень вежливые люди, а любимое слово у них – soukinzin. «Сын собаки», – поясняет он читателю. А вот по словам Сен-Мора, русские любили приговаривать: Nébos! – то есть «не бойся!». Русские не боялись опасности и презирали смерть. Более того, если у французов, по его словам, главным свойством национального характера была любовь к жизни, то у русских – презрение к смерти. Это, отмечает путешественник, проявлялось и в пословицах. Например: двум смертям не бывать, а одной не миновать.

РУССКИЙ ХОЛОД

Холод для иностранцев – это во многом квинтэссенция России. Вспомним маркиза де Кюстина: он прибыл в Россию летом, когда стояла, по его собственным словам, «африканская жара», но при этом его всегда преследовал поистине inferнальный холод. С Сен-Мором совсем другое дело. Конечно, он сообщает, что ему рассказывали, как в одну зиму от холода погибло 14 французов, что дипломаты, долгое время служившие в России, выглядели старше своих лет, что путешественники, одетые не по погоде, могли действительно замерзнуть от холода, – все это верно. Поэтому главное – принять меры предосторожности. И русские их принимают: отменяют спектакли, когда мороз опускается ниже 20 градусов, перед зданием театра в бочках жгут огонь, дабы извозчики могли согреться. А еще предупреждают, если вдруг видят, что у кого-то замерз нос. Он приводит случай с одним итальянцем, прибывшим зимой в Россию и сразу же отморожившим себе нос. Проходивший мимо крестьянин, заметив

это, схватил пригоршню снега и без всяких объяснений принял интенсивно растирать иностранцу нос. Тот, опешив, подумал, что на него совершено нападение, и оттолкнул мужика. К счастью, рядом оказался офицер, говоривший по-французски и все объяснивший. Итальянец извинился, даже дал крестьянину «синюю банкноту», и тот с удвоенной энергией возобновил свою операцию по спасению итальянского носа. Сен-Мор также рассказывает случай, когда один француз вез золото в Россию и в дороге, в мороз, у него случилась поломка экипажа. Он долго пробыл на холоде, а когда оказался на постоялом дворе, в тепле, сразу лег спать. Проснувшись, с ужасом увидел, что ноги у него почернели. Срочно вызвали хирурга для проведения ампутации, но оказалось, что было уже поздно: бедолага в итоге умер от гангрены. Сен-Мор не пугает читателя и подчеркивает, что эти ужасные детали не должны настроить против России любопытных путешественников. Главное – одеваться по погоде.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

Начиная с эпохи Просвещения в Европе сформировался весьма неоднозначный образ императрицы Екатерины Великой. Если для Вольтера она была просвещенной государыней, достойной продолжательницей дела Петра Великого, то другим казалась женщиной необузданного и распутного нрава, продолжившей реализовать экспансионистские планы Петра. Такой взгляд, как правило, доминировал.

Взгляд Сен-Мора является исключением из этого правила. Для него императрица Екатерина II – пример мудрой и справедливой государыни. Он приводит много анекдотов, то есть историй о Екатерине. И даже если это выдуманные истории, то сам их выбор показателен.

Так, он рассказывает, что императрица любила выходить на балкон Зимнего дворца, чтобы посмотреть на площадь. И каждый день она видела, как с двора кухни на санях увозили пьяного человека. Она была удивлена тем, что во дворце служили люди, напивавшиеся со столь завидным постоянством. Как-то раз, когда императрица вновь наблюдала привычную сцену погрузки на сани, из-под тулупа «пьяницы» вдруг раздалось громкое блеяние. Оказалось, на кухне каждый раз воровали барана и выносили его, завернутого в тулуп, под видом пьянчуги. Вечером императрица рассказала об этой истории своему окружению и попросила прояснить милосердие к виновному: «Оригинальность воровства доказывает, что у него хорошо развито воображение, надо только направить его в правильное русло».

Или, например, другая история: однажды какой-то мужик тащил по коридору дворца явно украденную с кухни огромную рыбину, чтобы продать ее. Императрица, шедшая ему навстречу, обратилась

к нему со словами: «Дитя мое, перейди на левую сторону, на этой стороне ты можешь встретить инспектора». Мужик, растерявшись, не узнал государыню и ответил: «Спасибо большое, мадемуазель, но черт, не говорите об этом нашей матушке, она у нас такая добрая, и я не хочу ее расстраивать!»

Добавим еще, что Екатерина отличалась мудростью и дальновидностью: благодаря ее щедрым пансионам Вольтер и Дидро с огромным удовольствием использовали свое перо во славу императрицы и ее деяний, формируя позитивный образ России в Европе.

ПРАЗДНИК В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Русские праздники всегда привлекали иностранцев, особенно главный и очень необычный праздник – прием в Зимнем дворце в честь Нового года. «Такой праздник, может быть, один-единственный в мире, – пишет Сен-Мор, – он самый оригинальный, экстраординарный, превосходный. Если вы думаете, что все это преувеличение, вы неправы,

все эти выражения недотягивают до истины». А необычность и оригинальность праздника заключались в том, что «царь и его семья начинали год среди народа», приглашая в Зимний дворец 25 тысяч гостей из разных слоев населения. Гости было даже больше, поскольку, как отмечает Сен-Мор, получившие заветное приглашение, пробыв пару часов во дворце, выходили на площадь и передавали билеты своим родственникам или друзьям.

В семь часов вечера двери Зимнего дворца распахиваются для народа: «Здесь нет никаких исключений: богатые и бедные, княгиня и ткачиха, церемониймейстер и учитель танцев, фрейлина и компаньонка, академик и человек, не умеющий читать, царица Грузии и французская модистка, все ранги, все классы смешиваются у подножия трона. Каждый может надеяться на взгляд, улыбку, слово государя. Если волею случая мужик окажется перед императором, то важный господин его пропустит. Несмотря на многолюдность, никто не останется без

Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день переворота 28 июня 1762 года. По оригиналу Иоахима Кестнера. 1760-е годы

Б.(Г.)П. Вилле-вальде. Костюмированный бал в Зимнем дворце при императоре Николае I. 1830-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

внимания. Ни беспорядков, ни воровства и, однако, ни одного солдата, ни одного военного тут нет. Зачем нужна армия, если вокруг все свои?»

Кроме того, путешественника поразил многонациональный состав гостей: «казаки, армяне, греки, татары, грузины, имеретинцы, кавказцы и множество русских женщин, костюмы которых были столь же разнообразны, как их фигуры». Он был в восторге от русского национального костюма: «Я увидел несколько высокопоставленных дам, одетых в русском стиле. Нет ничего благороднее и грациознее русского костюма, он не только подчеркивает красоту дам, но и дарит ее тем, которые этой красоты лишены. Удивляешься, зачем они оставили этот костюм ради средиземноморских мод».

Для публики были устроены буфеты с прохладительными напитками, однако, как отмечал Сен-Мор, желающих было столько, что получить стакан лимонада было весьма непростым делом. Для избранной публики в одиннадцать часов подавали ужин, сервированный на 600 персон.

Император, отмечает Сен-Мор, не сидит за столом. Он ходит

вокруг столов, украшенных цветами и фруктами, беседуя с дамами и иностранными министрами. Этикет требует, чтобы все, с кем он говорит, продолжали сидеть.

После банкета все возвращаются в Георгиевский зал. Бал, начавшийся полонезом, им и оканчивается, и император откланивается. Сен-Мора поразило то, что вся эта многотысячная масса приглашенных без всяких указаний и приказов, очень спокойно начинает покидать дворец.

Наш герой, после жаркой во всех смыслах атмосферы дворца, оказался на двадцатиградусном морозе, но, поскольку жил в ста метрах от дворца, решил прогуляться пешком, немного перевести дух и отдохнуть. «По правде говоря, — пишет он, — тяготы мира, может быть, менее утомительны, чем его удовольствия».

Подводя итог рассказу о празднике, Сен-Мор привел такую историю: персидского посла спросили, устраивает ли его государь такие праздники. Тот наивно ответил, что шах был превосходным главой семьи, но ему бы не понравились такие вечера с 25 тысячами своих детей.

Это лишь краткое знакомство с творчеством Эмиля Дюпре де Сен-Мора и его взглядом на Россию. Взглядом, как видим, очень доброжелательным, заинтересованным, понимающим. Он не сравнивал Россию с Францией, как многие его соотечественники, которые, не найдя сходства, сразу воспринимали различия как недостатки. Сен-Мор писал о самобытности русской культуры и цивилизации. Как отмечает современный известный российский исследователь франко-русских интеллектуальных связей Петр Романович Заборов, для Сен-Мора Россия — это «цивилизация особая, уходящая корнями в далекое прошлое народа и потому совершенно самобытная, уровня которой другим странам (включая Францию) еще предстоит достигнуть».

А главный вывод самого Эмиля Дюпре де Сен-Мора таков: «Я живу среди варваров севера, но напрасно ишу у них варварство». «Варвары севера» — сказано, конечно, с иронией, поскольку он, в отличие от большинства своих соотечественников, Россию вовсе не считал варварской страной. Русские для него — это «француз севера». В устах француза это звучит как высшая похвала. ■

МОЖНО ЛИ УКРАСТЬ АТОМНУЮ БОМБУ?

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

САМО СОБОЙ УСТОЯЛОСЬ МНЕНИЕ, ЧТО СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СТАЛ ВОЗМОЖНЫМ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ УКРАДЕННЫМ У АМЕРИКАНЦЕВ СВЕДЕНИЯМ. МАССА «РАЗОБЛАЧАЮЩИХ» МАТЕРИАЛОВ ПОДОБНОГО ТОЛКА ПОЯВИЛАСЬ В 1990-Е ГОДЫ. ПРОЧИТАВ ИХ, ЧИТАТЕЛЬ ПРИХОДИЛ К ТВЕРДОМУ УБЕЖДЕНИЮ: ЕСЛИ БЫ НЕ СВОРОВАЛИ, ТО НИЧЕГО БЫ И НЕ СОЗДАЛИ, ТАК И ОСТАЛАСЬ БЫ СОВЕТСКАЯ АРМИЯ С АВТОМАТОМ КАЛАШНИКОВА И ТАНКОМ Т-34. СПОРИТЬ С ЭТИМ НЕ ТО ЧТОБЫ БЕССМЫСЛЕННО, А КАК-ТО НЕЛОВКО. ПОТОМУ ЧТО ПОДОБНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ УНИЖАЕТ И ОСКОРБЛЯЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ.

В НАШИ ДНИ ПРАКТИЧЕСКИ любая страна может создать водородную бомбу – было бы желание. Но потребуются, конечно, деньги, и немалые. Ясно, как сделать самое мощное в истории человечества оружие – есть научный фундамент. И закладывали этот фундамент

ученые многих стран, в том числе и советские. Ведь что такое атомная или водородная бомба? Это физика атомного ядра. Как сказал итальянский физик Энрико Ферми, атомная бомба – это прежде всего красивая научная теория. Ученые занимались ядерной физикой совсем не для того, чтобы сделать бом-

бу, а чтобы постичь тайны природы. А бомба – это прикладное применение фундаментальных открытий. Научный руководитель американской атомной программы Джулиус Роберт Оппенгеймер признавался: «Когда перед вами захватывающая научная проблема, вы уходите в нее с головой, а вопрос о том,

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

что делать с решением, отлагаете на будущее, на то время, когда это техническое решение будет найдено. Так было и с атомной бомбой...

Уже в конце 1930-х годов физикам было ясно: атомную бомбу создать можно. И советские физики шли тогда в ногу с мировой наукой. В 1939 году молодые ученые Яков Зельдович, Юлий Харитон, Георгий Флёрер, Константин Петржак выдали вдохновляющие работы по физике атомного ядра, большинство которых – пионерного значения. А руководил ими столь же молодой Игорь Курчатов – неформальный лидер советских ядерщиков. В октябре 1941 года академик Петр Леонидович Капица, выступая на антифашистском митинге ученых, сказал: «Последнее время дает нам новые возможности использова-

ния внутриатомной энергии <...> Мы ставим вопрос об использовании атомных бомб, которые обладают огромной разрушительной силой». Выступление академика напечатала «Правда». Никакого шума слова Капицы не произвели. Обычные люди просто не поняли, о чем, собственно, речь.

Вообще, первый проект по разработке атомной бомбы возник в Англии. Один из завербованных советской разведкой британских физиков осенью 1940 года передал протокол заседаний английского Уранового комитета, на котором обсуждались технические проблемы создания этого оружия. Но в советской разведке не было специалистов, а поскольку сведения считались совершенно секретными, то консультироваться с физиками было запрещено.

ОТКРЫТИЕ В БИБЛИОТЕКЕ

Началась Великая Отечественная война, и атомная тема ушла на задний план. «Всем нам казалось, что исход схватки двух огромных сил будет ясен довольно быстро, – вспоминал позже академик Георгий Николаевич Флёрер. – И поэтому Курчатов не считал возможным тратить усилия на ядерную физику, которая в тот момент казалась чем-то слишком уж далеким от жизни, от войны. <...> Он пошел работать к Александрову, который комплектовал группу по размагничиванию военных судов и защите их от мин. Нам же предложил подумать, где бы мы могли принести наибольшую пользу стране в условиях войны».

Понятно, что рано или поздно атомной бомбой все равно занялись бы, но помог неожиданный случай. Это поразительная по набору случайностей история. Физик Георгий Николаевич Флёрер пошел добровольцем на фронт, хотя имел бронь. Служил техником-лейтенантом 900-й разведывательной авиационной эскадрильи Военно-воздушной академии Юго-Западного фронта. В апреле 1942 года их часть отвели на

отдых под Воронеж. Чем заниматься воину? Спать, есть, пить, гулять. Лейтенант Флёрер бросил вещи в деревенской избе и рванул в Воронеж. Нашел университетскую библиотеку. Заказал свежие научные журналы, в том числе и американские. Тоже ведь удивительно: война, с Америкой только воздушная и морская связь, Красная армия нуждается в оружии, но доставляется и научная литература. В 1940 году Георгий Флёрер и Константин Петржак открыли явление самопроизвольного деления урана, потому лейтенант жаждал узнать, что есть нового у американцев по атомной теме. Флёрер усаживается в читальном зале за кипы зарубежных изданий. Первым делом раскрывает предметный указатель журнала Physical Review – ведущего издания американских физиков. Найдена нужная буква, но почему нет понятия, которое его интересует? Где оно – nuclear fission? С другими темами в указателе все обстоит благополучно, а «деление атомных ядер» исчезло. Что случилось с американскими учеными, которые, как он знал, занимались этим физическим явлением? В Америке не рвутся бомбы, не стреляют пушки, не горят города. Что же произошло с физиками, занимающимися делением урана? И Флёрер приходит к логичному выводу: изучение деления урана засекречено. Дальнейший ход мыслей физика, хорошо знакомого с темой nuclear fission, привел к заключению: в США идут работы по созданию устройств, использующих энергию, выделяемую при делении урана. Возможно, разрабатывается новый вид оружия чудовищной силы. А если так, то американская служба безопасности запретила публикацию любых статей, где упоминается деление атомных ядер.

Флёрер тут же написал письмо Курчатову: надо заняться атомной темой. Написал и Сергею Кафтанову – уполномоченному Государственного Комитета Обороны по науке. И тот, и другой

признавали важность темы, но не видели возможности заняться ею. Тогда Флёров пишет письмо Сталину. Вот его фрагменты: «Дорогой Иосиф Виссарионович! <...> я чувствую себя в положении человека, пытающегося головой прошибить каменную стену. <...> Может быть, я не прав – в научной работе всегда есть элемент риска, а в случае урана он больше, чем в каком-либо другом. <...> Мы все хотим сделать все возможное для уничтожения фашистов, но не нужно пороть горячку – заниматься только теми вопросами, которые подходят под определение «насуточных» военных задач. <...> Так вот, считаю необходимым для решения вопроса созвать совещание в составе академиков Иоффе, Ферсмана, Вавилова, Хлопина, Капицы, Лейпунского, профессоров Ландау, Алиханова, Арцимовича, Курчатова, Харитона, Зельдовича; докторов Мигдала, Гуревича. Желателен также вызов К.А. Петряка. Прошу для доклада 1 ч. 30 мин. Очень желательно, Иосиф Виссарионович, Ваше присутствие – явное или неявное».

Письмо лейтенанта Сталину не осталось в Кремле незамеченным. Оно поступило вовремя. К середине 1942 года в Государственном Комитете Оборонны имелись сведения, что работы по созданию атомной бомбы ведутся как в фашистской Германии, так и в США. В октябре 1942 года Курчатов вызван в Москву и ему поручено подготовить развитие работ в этой области и возглавить создание ядерного оружия. 11 февраля 1943 года ГКО принял специальное решение об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии. Руководителем назначен Курчатов. То есть в СССР стали разворачиваться работы по созданию атомного оружия на три года позже, чем в США. И это отставание в три-четыре года в работах сохранялось: атомный реактор в СССР был запущен в 1946 году, первая атомная бомба была взорвана в 1949-м.

КАК В ШАХМАТАХ

Теперь о краже атомных секретов у американцев. Это еще вопрос: была ли кража? Кража – это когда тайно похищают, воруют чужое. В данном случае не совсем понятно, было ли чужое. И похищали ли тайно?

Бесспорный факт: первый советский атомный заряд был копией конструкции «Толстяка» – американской атомной бомбы, сброшенной на Нагасаки. А чертежи конструкции передал советской разведке немецкий ученый Клаус Фукс, который работал в Лос-Аламосе (населенный пункт в штате Нью-Мексико, в котором в 1942 году была создана Лос-Аламосская национальная лаборатория для разработки ядерного оружия. – Прим. ред.).

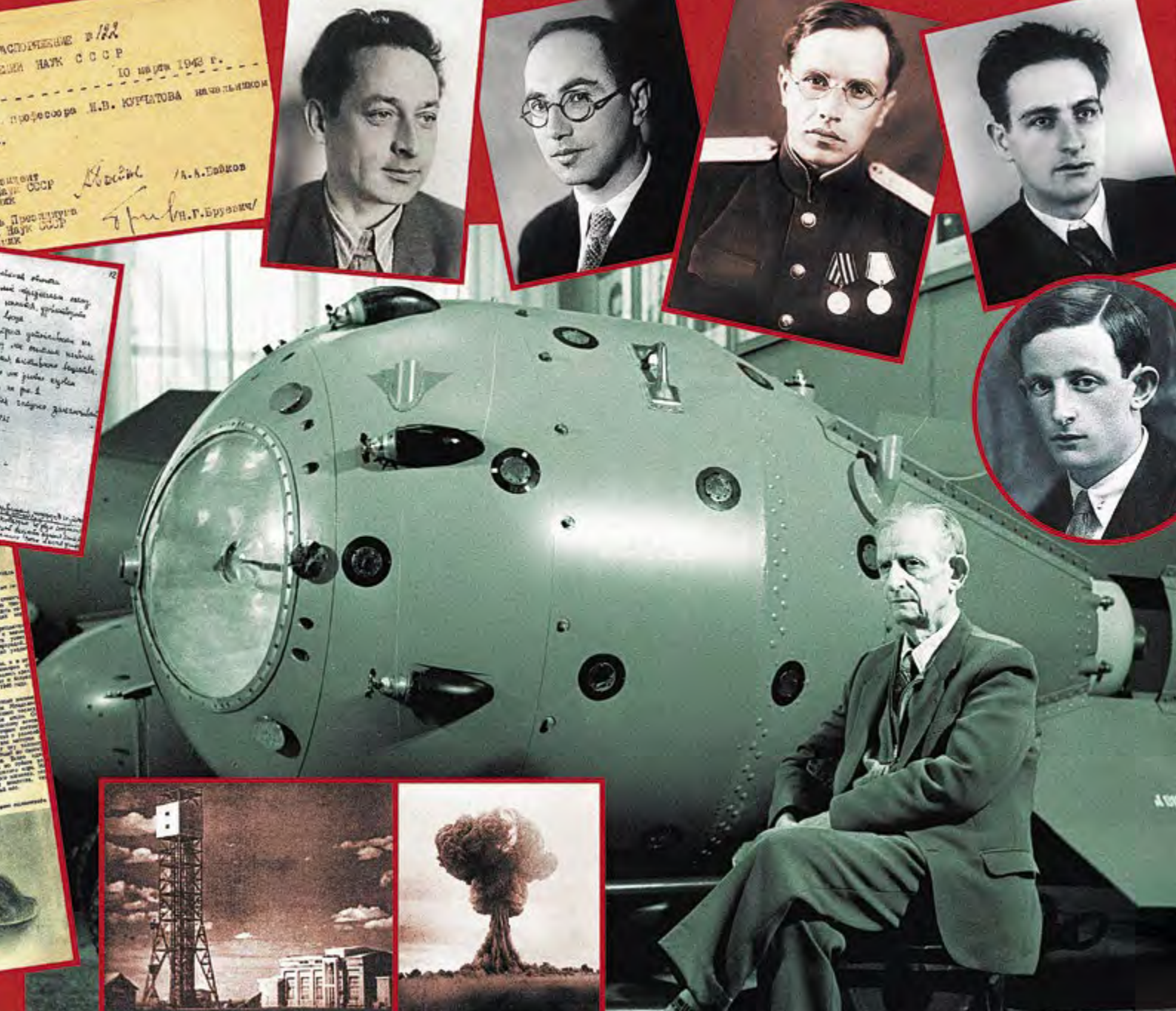
Но чтобы сделать бомбу, мало располагать чертежами. Нужно иметь научное понимание, как сделать «изделие». Нильс Бор передал чертежи ядерного устройства Швеции, но там не очень поняли, что это такое: не было специалистов. Советские ученые располагали приблизительно таким же набором знаний в сфере ядерной физики, что и участники «Манхэттенского проекта» на его начальной стадии. Физик Константин Антонович Петряк вспоминал: «Уже в 1939 году мы в Ленинграде обсуждали все то, что Ферми делал в 1942 году в США. Если бы не война, которая прекратила исследования, то мы были бы вровень с США». Тут следует разъяснить, что такое «Манхэттенский проект». Такое кодовое название получила атомная программа Америки. Был сформирован особый военный округ, командовать которым был назначен генерал Лесли Гровс. Центр исследований и разработки находился в Лос-Аламосе.

Так что до получения данных от Клауса Фукса были ясны основные контуры схемы атомной бомбы. Флёров в письме

Курчатову с фронта набросал эскиз конструкции атомной бомбы. Много позже он обнаружит, что его эскиз очень близок к схеме, которую разработали в Лос-Аламосе. В 1990 году Флёров попадет в США, встретится с разработчиками атомной бомбы. Вот его впечатления: «В научной работе, в общем, как в шахматах, за одним ходом должен следовать следующий, потом следующий, – логика должна быть одинаковой. Я в этом убедился в Вашингтоне, когда мы выступали с докладами о том, что делалось в каждой стране, и увидели, что делали то же самое...»

В 1943 году Курчатов ознакомился с материалами по атомному проекту США, полученными разведкой, и отметил: «Уран должен быть разделен

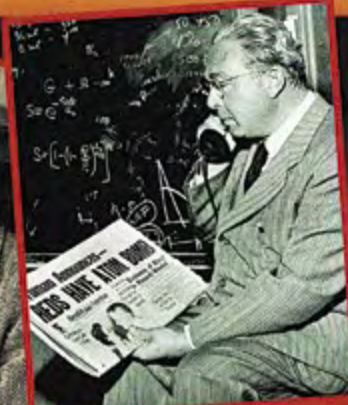
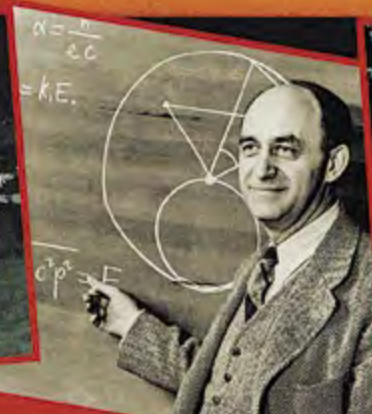

на две части, которые в момент взрыва должны с большой относительной скоростью быть сближены друг с другом. Этот способ приведения урановой бомбы в действие рассматривается в материале и для советских физиков также не является новым. Аналогичный прием был предложен нашим физиком Флёровым; им была рассчитана необходимая скорость сближения обеих половин бомбы, причем полученные результаты хорошо согласуются с приведенными материалами...»

Главная проблема в создании советской атомной бомбы в то время – уран. Его в Советском Союзе не было. Геологи поисками урана не занимались, потому что в нем не было нужды. США могли воспользоваться месторождениями урана от Ка-

нады до Конго и Мадагаскара. А для первого советского атомного заряда урановую руду добывали высоко в горах – на Памире, вывозили ее на ослах. После разгрома Германии туда была направлена группа ученых во главе с научным руководителем советского атомного проекта Юлием Харитоном. Знали, что немцы занимались этой темой. Но из научных разработок немцев СССР почти ничего не досталось: ученых вместе с научными отчетами союзники вывезли в западную зону оккупации Германии, а потом переправили в США. А вот с ураном повезло. На кожевенном заводе нашли бочонки с непонятным желтым порошком. Это оказался оксид урана. 112 тонн. То, что нужно! Кстати, информация, которую передавал Клаус Фукс, не была

принята на веру как безупречная, был проведен большой объем экспериментов, расчетов по их проверке. И только после этого приняли решение: первую бомбу делать точной копией американской. Так распорядился Берия. Хотя атомная бомба на основе собственной схемы получилась лучше заокеанской. «Я, Альтшулер и Забабахин сообразили интересенький вариант, – рассказывал академик Яков Зельдович. – Совместили принципы сближения и сжатия. Масса – вдвое меньше, а мощность – вдвое больше. А Володя Некруткин, инженер милостью Божией, предложил гениальный вариант размещения заряда». Но Берия выбрал проверенный вариант – американский, чтобы взрыв прошел без осечек.

АМЕРИКАНСКАЯ БОМБА – ДЕЛО ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Фукс был не единственный, кто передавал данные о работе над бомбой. Сообщения по устройству атомной бомбы поступали и от физика Бруно Понтекорво. В его материалах содержалось подробное изложение секретной главы доклада правительству и Конгрессу США о работе «Манхэттенского проекта». Данные поступали от Оппенгеймера и Ферми. Всего было получено пять докладов о ходе работ в Лос-Аламосе над первой бомбой.

И вот что самое интересное: многие участники «Манхэттенского проекта» выступали за то, чтобы поставить свои разработки под международный контроль. И поделиться секретами со всеми, в том числе с советскими учеными. Важны мотивы, по которым физики передавали данные со-

ветским разведчикам. Они считали, что в разработках атомного оружия должен поддерживаться паритет, потому что монополизм тут опасен.

Теперь посмотрим, кто был занят в «Манхэттенском проекте»? В «Общем отчете о развитии методов использования атомной энергии в военных целях» физика Генри Смита, обнародованном 12 августа 1945 года, говорится: «Конец 1944 года застал необычайную плеяду светил ученого мира, собравшихся на плато в Нью-Мексико». Лаура, жена физика Ферми, свидетельствует: «Лос-Аламос – это была одна большая семья, <...> тут были все корифеи науки не только из Соединенных Штатов, но почти из всех европейских стран». В Лос-Аламосе были собраны выдающиеся умы того времени. Они вместе работали над заданием, которое счи-

тали поручением не Америки, а всего мира. Вот их список:

Австрия: Отто Фриш, Виктор Вайскопф.

Венгрия: Лео Сцилард, фон Нейман, Эдвард Теллер, Юджин Вигнер.

Германия: Альберт Эйнштейн, Мария Майер, Клаус Фукс, Герберт Андерсон, Рудольф Пайерлс, Ганс Бете, Джеймс Франк, Франц Симон.

Греция: Николас Метрополис.

Дания: Нильс Бор.

Ирландия: Синтон Уолтон.

Италия: Энрико Ферми, Эмилио Сегре, Бруно Понтекорво, Бруно Росси.

Канада: Уолтер Цинн.

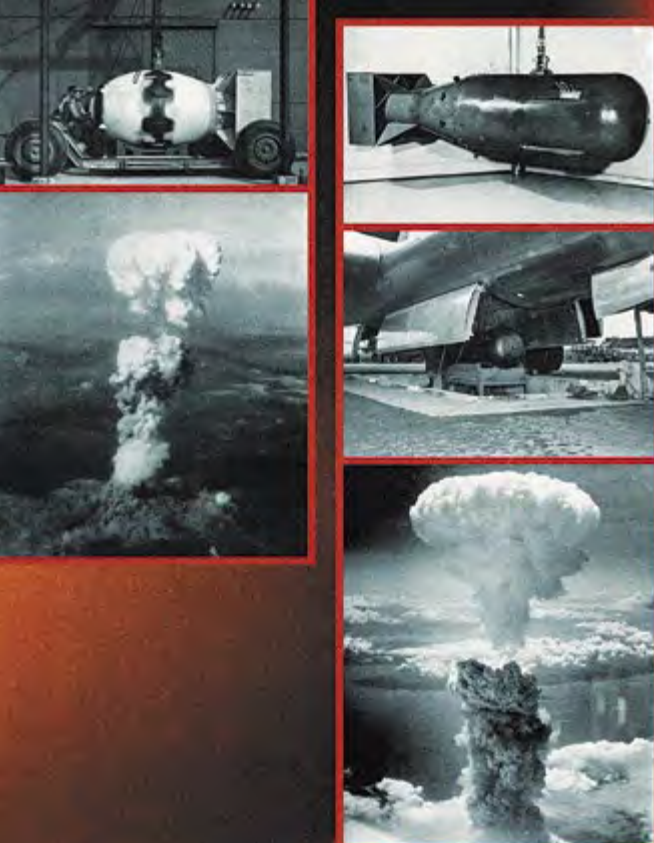
Китай: Ву Цзяньсюн.

Польша: Станислав Улам, Джозеф Ротблат.

Россия: Георгий Кистяковский.

Швейцария: Феликс Блох.

Чехия: Георг Плачек.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

На Лос-Аламосском объекте работало около 20 британских ученых. Генерал Гровс категорически возражал, чтобы до них доводилась информация по результатам исследований и экспериментов. Что, кстати, привело к некоторому охлаждению во взаимоотношениях между США и Великобританией. Были, разумеется, в научном коллективе и американские ученые – Роберт Оппенгеймер, Ричард Фейнман, Роберт Сербер, Джон Кемени, Исидор Раби, Герберт Йорк и многие другие. Они внесли серьезный вклад в реализацию проекта, но все же ведущие роли играли ученые-иностранцы. «Манхэттенский проект» был, по сути, международным. А коллективы ученых, работавших в советских атомных центрах «Арзамас-16» и «Челябинск-40», состояли только из

своих. Да, в атомном проекте участвовали немецкие специалисты. Специально для них создали объект под Сухуми. Они участвовали в разработке методов разделения изотопов и получения металлического урана, эти работы важны, но они были вспомогательными. К конструкции бомбы и ее разработке прямого отношения немецкие специалисты не имели. Да им особо и не доверяли.

У НАУКИ НЕТ СЕКРЕТОВ

Западные ученые не видели врагов в советских коллегах. А советские – в западных. Потому у участников «Манхэттенского проекта» было велико желание сделать свои работы достоянием всего мира. Они работали не на Америку, а на все человечество. Нильс Бор и Энрико Ферми были убежденными противниками насилия. Потому считали: ядерную войну можно предотвратить, если в мире будет поддерживаться баланс сил. А баланс этот можно создать, если все будут иметь равные права на доступ к секретам атомной энергии. И прежде всего доступ должен получить Советский Союз. Нужно учитывать, что тогда у мирового сообщества сложилось исключительно доброжелательное отношение к СССР. В Лос-Аламосе следили за событиями на советско-германском фронте. Победа под Сталинградом была воспринята как победа не только Красной армии, но и всего прогрессивного человечества. Значительная часть западной интеллигенции верила, что в Советском Союзе проводится прогрессивный социальный эксперимент. Часть ученых считала, что монополия на владение ядерным оружием в отношении союзника, который несет в войне многочисленные жертвы, является предательством. Роберт Оппенгеймер после применения атомной бомбы против гражданского населения Японии заявил президенту США Трумэну: «Мне кажется, на наших руках кровь». Трумэн ответил ученому: «Ни-

чего страшного. Все отмоется...» А своим помощникам строго наказал: «Чтоб этого слюнятя здесь больше не было!»

После испытания первой советской атомной бомбы, как и положено, следовало наградить участников программы. Так вот самый большой список представило разведывательное управление НКВД. Они считали себя ведущим колесом в создании бомбы. А ученые особо не обращали внимания на ордена и медали, для них главное – реализована на практике красивая теория.

Так что как бы некоторые журналисты ни пытались приписать подвиг создания атомной бомбы разведчикам, факты свидетельствуют о другом: это подвиг научный. Безусловно, разведке принадлежит большая роль в поддержке атомного проекта, но он был реализован прежде всего благодаря Курчатову, Харитону, Зельдовичу, Флёрову и многим другим ученым.

Когда в перестроечные годы стали возникать контакты между участниками советской и американской атомных программ, наши ученые были поражены, что их коллеги практически ничего не знают об атомном производстве в СССР. И убедились, что во многом опережали западных коллег. Только один пример: отечественные методы разделения изотопов оказались и производительнее, и экономичнее американских. «Американцы при плавке урана использовали магний, а мы пошли другим путем, – рассказывал академик Федор Григорьевич Решетников. – Наши технологии более эффективны, чем западные. Приведу один пример: мы загружали столько шихты, что за одну операцию получали до 10 тонн урана! Я впервые называю эту цифру – убежден, любого специалиста даже сегодня она приведет в изумление!» Историю создания советского ядерного оружия писали прежде всего ученые, а разведчики лишь подносили чернила и бумагу. ■

ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

«ЧЕЛОВЕК ДЛИННОЙ ВОЛИ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ДАЖЕ И НЕ ЗНАЕШЬ, ПОВЕЗЛО ТЕБЕ ИЛИ НЕТ, ЕСЛИ ОБА ТВОИХ РОДИТЕЛЯ – ВЕЛИКИЕ ПОЭТЫ. ЧТО ТУТ ЕЩЕ ДОБАВИТЬ? КОНЕЧНО, СОЮЗ АННЫ АХМАТОВОЙ И НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА БЫЛ СЛОЖНЫМ, ИНАЧЕ И НЕ МОГЛО БЫТЬ. КАЖДЫЙ – СЛОВНО ОТДЕЛЬНАЯ ГАЛАКТИКА. ВМЕСТЕ – ТЕСНО, ПОРОЗНЬ – КАК В КОСМОСЕ: СЛИШКОМ ХОЛОДНО И ПУСТО.

СЫН ЛЕВ, РОДИВШИЙСЯ 18 сентября (1 октября) 1912 года в Петербурге, конечно, скреплял поэтов. Даже тогда, когда их союз распался – в 1918 году Гумилев и Ахматова развелись.

Детство мальчик, воспетый в стихах гениальных родителей, провел с бабушкой Анной Ивановной Гумилевой в тихом Бежецке. Встречи с родителями

были праздником: Лева ловил каждое слово, дорожил каждым мгновением. От отца Лев унаследовал любовь к путешествиям, интерес к героическому эпосу, к древним культурам. В 1921 году, перед арестом, в последний свой приезд в Бежецк Николай Гумилев подарил сыну книгу по истории Рима. В ответ на протесты бабушки, что мальчику такое читать еще рано и сложно, поэт ответил: «Он поймет».

«ЗА ПАПУ»

По собственному признанию, Лев Гумилев еще мальчишкой понял, что хочет знать, как история движется народами и что движет самими народами, как и откуда они появляются, куда и почему исчезают. Отчего так? Оттого ли, что на глазах ребенка погибала одна культура и за-

ФОТО ИЗ АРХИВА

Бежецк. Женская гимназия. 1910-е годы. В 1920-х годах здесь была 2-я школа второй ступени, в которой учился Лев Гумилев

ФОТО ИЗ АРХИВА

Николай Гумилев и Анна Ахматова
с сыном Львом. Царское Село.
1915 год

рождались другая, появлялись новые люди и объединялись в неизвестное до того общество? Оттого ли, что видел, как сам он, еще не успев ничего сделать, становится в новом мире чужим? В трех бежецких школах, в которых он учился, одноклассники его сторонились. В одной за излишнее любопытство и хорошие манеры Льва обвинили в «академическом кулачестве», в другой – как сына контрреволюционера, лишили полагавшихся каждому ученику учебников.

В Ленинграде, куда 16-летний Лев Гумилев приехал к матери, ему тоже было не слишком уютно: квартиру в Фонтанном доме, где Ахматова жила с третьим мужем, историком искусства Николаем Пуниным, превратили в коммуналку, и Льву нашлось место только в небольшом коридоре.

В вуз сыну расстрелянного поэта путь был заказан. Но Гумилев чувствует в себе такую неудержимую силу, что принимает вызов времени. Нужно «перевариться в рабочем котле»? Ну что ж, он нырнет в него точно Иван-царевич, даст бог, не обварится. Гумилев устраивается сначала на станкостроительный завод им. Свердлова, затем – в трамвайно-транспортное депо, а потом – кол-

лектором в геологоразведочный институт Геологического комитета. В составе геологической экспедиции он отправляется на Саяны, в горы, где впервые сталкивается с археологическим наследием древних тюрков. По сути, Гумилев начал свое обучение сразу с практики. Сначала Саяны, потом Памир, следом Крым. И всюду, куда ни забрасывает Гумилева судьба, он погружается не только в древность, но и в настоящее: изучает современные восточные языки, быт и нравы потомков ушедших культур, общается с басмачами, дервишами, исмаилитами. Все это увлекает его не по отдельности, а в своих сложных взаимосвязях.

В 1933 году, после очередной экспедиции, Гумилев останавливается в Москве. Знакомится с Осипом Мандельштамом и будущим лермонтоведом Эммой Герштейн, занимается переводом стихов поэтов из республик СССР. Здесь же происходит пер-

Анна Ахматова
и Лев Гумилев
в Мраморном дворце.
Ленинград.
1926 год

ФОТО ИЗ АРХИВА

Василий
Васильевич
Струве
и Николай
Васильевич
Кюннер –
историки-
востоковеды,
профессора ЛГУ

ФОТО ИЗ АРХИВА

вый, странный арест Гумилева: его продержали в заключении 9 дней и отпустили, даже не допросив...

В 1934 году Лев Гумилев наконец поступает на исторический факультет Ленинградского университета. Однокурсники его невзлюбили, охотно свидетельствовали против него в 1935 году, когда молодому историку инкриминировали антисоветские разговоры. Студент Валерий Махаев говорил, что Гумилев – «человек явно антисоветский». Сокурсник Аркадий Борин на допросе показал, что Гумилев говорил ему, что «судьбы России должны решать не массы трудящихся, а избранные кучки дворянства». От тюрьмы начинающего историка тогда спасла мать, написавшая письмо Сталину. В университете Гумилева восстанавливают благодаря преподавателям Василию Струве и Николаю Кюннеру. В 1938-м последовал новый арест. Один из исследователей творчества и биографии Гумилева, Сергей Беляков, полагает, что донес на Льва Николаевича кто-то из студентов. Сам историк считал, что его взяли «за папу», и связывал это с инцидентом на лекции Льва Пумпянского о русской поэзии начала XX века. «Лектор стал потешаться над стихотворениями и личностью моего отца, – вспоминал Лев Николаевич. – «Поэт писал про Абиссинию, – восклицал он, –

а сам не был дальше Алжира... Вот он – пример отечественного Тартарена!» Не выдержав, я крикнул профессору с места: «Нет, он был не в Алжире, а в Абиссинии!» Пумпянский снисходительно парировал мою реплику: «Кому лучше знать – вам или мне?» Я ответил: «Конечно, мне». В аудитории около двухсот студентов засмеялись. В отличие от Пумпянского, многие из них знали, что я – сын Гумилева».

Осудили Гумилева на десять лет и отправили на лесозаготовки на Онежское озеро. Затем дело отправили на доследование, и заключенного вернули в Ленинград. Ахматова вновь пишет письма Сталину с просьбой о помиловании, но безрезультатно. В июле 1939 года Особое совещание при НКВД приговорило Льва Николаевича к пяти годам лагерей. Гумилева отправили в Норильск. Все, чем смогла Анна Андреевна помочь сыну, – это передать теплые вещи во время встречи в пересыльной тюрьме. В норильских шахтах Гумилев проработал недолго. Руководство Норильлага, изучив его анкету, где упоминалось о работе в геологической экспедиции, перевело Льва Николаевича на работу геотехником. Затем – в химическую лабораторию для систематизации горных пород, добываемых лагерными экспедициями. У арестанта даже появляется свободное время. Он

ФОТО ИЗ АРХИВА

продолжает свое образование, благодаря ходатайству Струве получает с воли учебные пособия. Но полноценно учиться не получается. И тогда сын поэта погружается в творчество. В начале 1940-х он сочинил сказки в стихах «Посещение Асмодея» и «Волшебные папиросы», трагедию «Смерть князя Джамуги, или Междоусобная война», на жаргоне записал шуточную лекцию «История отпадения Нидерландов от Испании».

Лев Гумилев.
1934 год

Норильский
металлургический завод
и лагерные отделе-
ния вокруг.
1940-е годы

НОРИЛЬЛАГ И ВОЙНА

Весной 1943 года пятилетний срок Гумилева закончился, но покинуть поселение он не мог. С началом Великой Отечественной войны освободившиеся заключенные должны были оставаться на своих рабочих местах. Бывшему арестанту пришлось подписать обязательство работать на Норильском комбинате до окончания войны. Но Гумилев не был бы Гумилевым, если бы не предпринял попытки вырваться с севера и попасть в гущу событий мировой истории. Конечно, он рвался на фронт. Со слов московской приятельницы Гумилева Эммы Герштейн, дабы получить визу военкомата, Лев Николаевич пригрозил коменданту, что на его глазах вскроет себе вены. Воспоминанию мемуаристки исследователи биографии Гумилева не особенно доверяют, но если это миф, то миф весьма символический. Как бы то ни было, осенью 1944 года Гумилева как добровольца отправили сначала в учебную часть, а затем на фронт.

Воевал Гумилев отважно, по свидетельствам сослуживцев, лез в атаку в первых рядах. Сам Лев Николаевич о собственной храбрости вспоминал с иронией. Той же Герштейн писал уже после Победы: «Наступал, брал города, пил спирт, ел кур и уток, особенно мне нрави-

ФОТО ИЗ АРХИВА

ФОТО ИЗ АРХИВА

Норильлаг

ФОТО ИЗ АРХИВА

лось варенье; немцы, пытаясь задержать меня, несколько раз стреляли в меня из пушек, но не попали».

После взятия Берлина Гумилев решил вернуться в университет. Ему нужно было наверстать несколько потерянных лет учебы. Восстановившись в университете, Гумилев в январе 1946 года сдает экзамены сразу за два курса. Весной того же года выдерживает кандидатские экзамены и поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения СССР. Летом на Украине, уже в качестве научного сотрудника, принимает участие в археологической

экспедиции, которой руководит историк, основатель хазароведения Михаил Артамонов. С ним Гумилев познакомился еще в 1936 году, а в степях Украины завязалась их настоящая дружба. Артамонов заразил молодого ученого историей Хазарии – этой «Волжской Атлантиды». И это неудивительно, ведь научный интерес Гумилева обозначился еще в 1930-е годы: история древних тюркских народностей, одной из ветвей которых являлись хазары.

По возвращении из экспедиции Гумилев планировал защитить кандидатскую диссертацию «Политическая история

Разбор перекрытия на раскопках Пазырыкского кургана на Алтае

Расчистка скелета хазарина

ФОТО ИЗ АРХИВА

первого тюркского каганата». Но осенью 1947 года он вновь стал жертвой собственной горячности. Отношения с коллегами в Институте востоковедения складывались весьма напряженно, к тому же Гумилев успел рассориться и с научным руководителем. Артамонов позже вспоминал, что Лев Николаевич, «отличаясь острым умом и злым языком, преследовал своих врагов насмешками, которые вызывали к нему ненависть. Обладая прекрасной памятью и обширными знаниями <...> критиковал, и притом очень остро, «маститых» ученых, <...> неоднократно уличал в грубых фактических ошибках». И все это совпало с реакцией на постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», осуждающее, если не сказать отменяющее, поэзию Анны Ахматовой. На Гумилева вновь поступило несколько доносов, его обвиняли в «аполитичности», непонимании марксистско-ленинской методологии и публичном несогласии с осуждением Ахматовой. В ноябре 1947 года его отчислили из аспирантуры с формулировкой «несоответствие филологической подготовки избранной специальности». Он безуспешно пытался восстановиться в институте, а затем решил защитить диссертацию в Ленинградском университете. Ректор не возражал. Сдав диссертацию на рассмотрение, Гумилев уехал в археологическую экспедицию на Алтай. Там Лев Николаевич участвовал в открытии кургана Пазырык, изучал оружие сарматов и тюрков, позже проводил исследования в районе хазарской крепости Саркел. В конце 1948 года Гумилев защищает диссертацию и получает должность старшего научного сотрудника Музея этнографии народов СССР, пишет научные статьи. Он всерьез подступает к проблеме этногенеза, готовится бросить вызов академической науке. Но в 1949-м все опять обрывается.

«ЗА МАМУ»

В ноябре 1949 года Гумилева взяли за «антисоветскую агитацию». Сам ученый связывал новый арест с опалой матери. И действительно, один из трех следователей, которые вели дело, пытался собрать материалы на Ахматову и выделить их в особое производство. Лев Николаевич позже говорил, что до войны отсидел «за папу», а после – «за маму». Но маму все же не тронули, а сына отправили в лагерь в Казахстане.

Новый срок подкосил историка. Казалось, его почти сломали, от бывшего бунтарства не осталось и духа. Тяжелые работы подорвали здоровье. 40-летие Гумилев встретил сердечным приступом, попал в больницу. Дальше – больше: посыпались новые недуги, сделали две операции, оформили инвалидность. Весной 1954 года Гумилев был так слаб, что написал завещание. Однако что же ученый в него включил? Рукопись «История Срединной Азии в древности» («Хунну»), над которой он работал в лагере, когда болезни чуть-чуть отступали. Все-таки билась в нем жизнь, из последних сил, но оказывал Гумилев сопротивление среде. Тем временем многие делали все возможное, чтобы вытащить ученого из лагеря. Ахматова вновь писала Сталину, потом совместно с Лидией Чуковской – Ворошилову. Эмма Герштейн просила о заступничестве Струве и Артамонова, и они направили обращение в прокуратуру. Известный востоковед, японист Николай Конрад ходатайствовал о привлечении Гумилева к работе над 10-томной академической «Всемирной историей». Но Гумилева реабилитировали только в 1956 году после XX съезда КПСС.

44-летний Гумилев, больной и бесприютный, возвращается в Ленинград. Возвращается, чтобы вновь попытаться отвоевать себе место под солнцем. Но обстоятельства против него. Лев Николаевич обессилен, он больше не питает никаких

ФОТО ИЗ АРХИВА

Лев Николаевич в своей первой после реабилитации комнате на Московском проспекте в Ленинграде

иллюзий относительно интеллигенции вообще и академической среды в частности, он не чувствует даже поддержки родных. Окончательно ухудшаются и без того сложные отношения с матерью.

Современники, наблюдавшие этот семейный разлад, интерпретировали его по-разному. Одни считали, что для обиды на Ахматову у историка было слишком много объективных

причин, другие с грустью констатировали, что Гумилева ожесточила каторга. После освобождения, не имея ни жилья, ни работы, он отказывается обращаться за помощью к матери. «Реквием» Ахматовой Гумилев называет «памятником самолюбования». Он еще в 1955 году, находясь в лагере, сокрушался, что его гибель может стать лишь поводом для надгробного стихотворения матери, а после распространения «Реквиема» в самиздате бросил ей в лицо: «Для тебя было бы даже лучше, если бы я умер в лагере».

Гумилев прописывается у сотрудницы Государственного этнографического музея Татьяны Крюковой, затем переезжает в 12-метровую комнату в коммуналке. Что до работы, то ученый довольствуется скромной должностью библиотекаря в Эрмитаже. Статьи, рассылаемые им в научные издания, в первые три года после освобождения практически не публикуют. Несмотря на это, Гумилев продолжал работать над научными трудами. Безусловно, только такой человек мог явить миру теорию пассионарности, теорию о «людях длинной воли».

Л.Н. Гумилев.
Хунну
(М., Изд-во
восточной
литературы,
1960).
Обложка

ФОТО ИЗ АРХИВА

ФОТО ИЗ АРХИВА

Лев Гумилев
и Анна Ахматова.
Начало 1960-х
годов

«ОТТЕПЕЛЬ»

В 1960 году выходит в свет монография Льва Гумилева «Хунну: Срединная Азия в древние времена», в 1961-м он защищает докторскую диссертацию «Древние тюрки. История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI–VIII вв.)». Эти события наконец открывают возможность для того, в чем Гумилев по-настоящему ограничен, – для научной полемики. Полемика была острой. Гумилева обвиняли в ненаучности, называли беллетристом от истории. И действительно, в этих работах Гумилев позволил себе слишком много: смещение акцентов, субъективные интерпретации, введение новых терминов типа «пассионарность» и «пассионарный толчок». Ученый сражался с оппонентами яростно, точно тюркский воин, которых он описывал не без восхищения. И победил. Уже

в 1962 году стали появляться положительные рецензии на «Хунну». А в 1967-м диссертация «Древние тюрки» вышла отдельной книгой. В это же время выходит «Открытие Хазарии» – научно-популярная книга об экспедиции на Волгу и Терек. Во всех этих работах Гумилев продвигает собственную теорию этногенеза. Он пишет о сочетании географических, биологических и социальных факторов формирования новых народностей, их развития и гибели. И каждый из факторов еще дополнительно усложняется. Этнос появляется в ответ на вызовы. Но сами по себе ландшафт или климат такими вызовами не являются, зарождению этноса способствует сочетание разных ландшафтов и климатических зон. Также развитие народностей обуславливается биологически и социально, только сочетание чего-

либо играет роль: эволюция слишком медленна, значение имеют мутации, традиции замкнутого общества нежизнеспособны, для поддержания жизни общества необходим культурный обмен. И все эти сочетания работают только тогда, когда соблюдается некий баланс. Если равновесие нарушается, этнос погибает. Парадокс: при всей сложности подобных теоретических построений порой эта теория преподносила удивительные в своей простоте и гениальности ответы. Например, такой ответ Гумилев предложил на загадку исчезновения Хазарии. Древнее царство не выдержало усилившегося проникновения в общество инородцев, которое совпало с поднятием уровня Каспийского моря. Хазары, вынужденные оставить затопляемые земли, рассеялись по степям разнородными массами.

Конечно, все это очень спорно. Конечно, такие взгляды встречали активное сопротивление. Гумилева обвиняли в антимарксизме, «географическом детерминизме», «мистическом биологизме», бихевиоризме, расизме, «буржуазном солипсизме», русофобии, монголофилии. И далеко не все упреки можно назвать несправедливыми. Лев Николаевич, например, действительно слишком уж симпатизировал кочевым народам, а в более поздних работах еще и настаивал, что татаро-монгольского ига не было, а было сотрудничество русских князей с Ордой, порой нарушаемое исключительно в силу каких-то недоразумений. Так, осаду Москвы Тохтамышем в 1382 году Гумилев объяснил вредительством суздальских князей, убедивших золотоордынского хана, что Дмитрий Донской вступил в сговор с Литвой.

«ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ»

В 1974 году Лев Николаевич защищает вторую докторскую диссертацию – теперь по географии. Исследователь творчества Гумилева Айдер Куркчи трактует такой маневр как желание закрепить свои позиции в академической среде, которая, несмотря на успех трудов ученого, могла в любой момент его отторгнуть. Формально его положение все еще было очень шатким, ведь официально он числился по географическому ведомству (в 1962 году он стал младшим научным сотрудником географического факультета ЛГУ, с июля 1963-го – старшим научным сотрудником. – Прим. ред.), откуда его могли выдать за непрофильное увлечение историей. Казалось бы, не хочешь проблем, будь лоялен к устоявшимся порядкам. Ученый же в своей диссертации «Этногенез и биосфера Земли» развивает те самые положения, за которые его критиковали больше всего. Сам Гумилев объяснял свой поступок так: «Рванул во все тяжкие».

ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ / ФОТОХРОНИКА ТАСС

Л.Н. Гумилев.
1989 год

ФОТО ИЗ АРХИВА

Марка почты Казахстана. 2012 год.
В России марок, посвященных
Л.Н. Гумилеву, не найдено

В этой диссертации Лев Николаевич обстоятельно объясняет, что же такое этнос. «Этнос – это феномен биосферы, – пишет Гумилев во вступлении, – или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий». Обычному человеку, только открывающему Гумилева, от такого, понятно, становится страшно. Человек непосвященный, само собой, не может понять изысканной провокации, но не испугавшийся и рискнувший продолжить чте-

ние, безусловно, будет вознагражден. В этой книге Гумилев со всей силой своего публицистического таланта объясняет, чем этнос точно не является и на что все-таки похож.

С точки зрения ученого, этнос точно не равен племени. Как человек не имеет только отца или только мать, этнос не может быть продолжением одного племени. Этнос не определяется языковым единством, есть народности, в которых говорят на нескольких языках, и случается, что говорящие на одном наречии рассеяны в разных этносах. Этнос не может быть объединен только религией или культурой. Этнос в конце концов даже не общество. Что же он такое? Нечто, объединенное одинаковыми стереотипами поведения. В этом смысле этнос есть даже что-то анекдотическое, как ни кощунственны такие сравнения с точки зрения серьезной науки. Но зато это очень наглядно: возьмите любой анекдот про русского, француза и американца, и все сразу становится понятно.

Конечно, все не так просто. И теория Гумилева рождает очень много вопросов. Не всем понятно, как работает главная движущая сила этногенеза – пассионарность. Почему в одном обществе вдруг появляется огромное число людей идеи, способных брать из внешней среды больше энергии, чем это необходимо для выживания, а в других обществах при тех же вызовах пассионарных толчков не происходит? Непонятно, как определяются сроки жизни одного этноса. Если культурный и генетический обмен одно из условий развития этноса, то почему развитие Руси до XIII–XIV веков не считается ступенью в истории развития одного этноса, а является рубежом между затуханием этноса древних славян и зарождением этноса великороссов? И если время нелинейно и течет тем быстрее, чем богаче ландшафт и сильнее социальные вызовы (а этнос помимо прочего можно считать и едини-

ФОТО ИЗ АРХИВА

Л.Н. Гумилев.
Этногенез
и биосфера
земли [Л., 1989].
Обложка

цей измерения истории), то есть ли смысл говорить о пределах его жизни в 1200–1500 лет?

Вопросов много, но это ведь и хорошо. Как говорил сам Гумилев, «наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство». Однако в 1970-х и начале 1980-х время вопросов, по всей видимости, еще не пришло. Диссертацию

На даче
в Солнечном.
Лето 1991 года

ФОТО ИЗ АРХИВА

передали на депонирование во Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ) – по сути, положили на полку. В виде отдельной книги «Этногенез и биосфера Земли» вышла только во время перестройки – в 1989 году.

В конце 1980-х – начале 1990-х ситуация изменилась. В этот период вышло больше трудов Гумилева, чем за предыдущие десять лет. После «Этногенеза» свет увидела книга «Древняя Русь и Великая степь», отдельной книгой был опубликован курс его лекций по народоведению «География этноса в исторический период», 15 лекций ученого были записаны на телевидении. Готовился к печати титанический труд «От Руси к России».

Сам историк к этому бурному историческому периоду России отнесся с усмешкой, слишком уж все тогда в стране перепуталось. Увидев по телевидению британский фильм «Вторая русская революция» об августе 1991 года, Лев Николаевич сказал: «Вот что значит закат Европы сегодня. Почему же они, британцы, не умеют считать? Мы пережили вторую русскую революцию, слава богу, в 17-м, затем была третья – социальная, безумно антиобщественная. На этот раз должна быть Реставрация – но чего? Вот вопрос. Реставрации досоветской России быть не может, трамвай ушел, тогда что это – то, что мы наблюдаем? Мы кризисно перейдем в инерционную фазу этногенеза, когда начнется постепенный упадок русского этноса, а затем, через энное время, и уход его со сцены истории. Так было со всеми. Но зато у нас есть несколько сот лет для созидания и игры со счастьем».

Прав он был или ошибался? Ответа на этот вопрос нет. Ведь сам он говорил и другое: «Мы не знаем времени, в котором живем».

Гумилев был историком, он куда больше понимал прошлое, чем настоящее. История же его собственной жизни оборвалась 15 июня 1992 года. ■

НЕИСПРАВИМЫЙ ИДЕАЛИСТ

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ В.А. ТРОПИНИНА И МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЕЖДУ ПОЛЯНКОЙ И ОРДЫНКОЙ, В ТИХОМ БЛАГОСТНОМ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ, ПРИУТИЛСЯ МУЗЕЙ В.А. ТРОПИНИНА И МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ ЕГО ВРЕМЕНИ. МУЗЕЙ – КАМЕРНЫЙ, В ЧЕТЫРЕ ДЕМОНСТРАЦИОННЫХ ЗАЛА, ТИХИЙ И УЮТНЫЙ.

Автопортрет.
1846 год

ОН БЫЛ ОТКРЫТ ПОЛ-века назад – в феврале 1971 года. Ядро его собрания составила частная коллекция заслуженного работника культуры РСФСР Феликса Евгеньевича Вишневского, подарившего Москве около 400 произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX веков. Потому его имя произносится в

этих стенах с бесконечным уважением. Сейчас в фондах Музея В.А. Тропинина и московских художников его времени насчитывается 2865 единиц хранения. Сравнительно небольшое собрание, но, как говорится, мал золотник, да дорог: именно здесь находится одна из самых значительных коллекций произведений Василия Андреевича Тропинина. «Конечно, главным героем

нашего музея является Василий Андреевич Тропинин, – говорит методист по научно-просветительской деятельности музея Александр Погодин. – Однако никогда его работы не занимали хотя бы половину всей экспозиции, ведь Феликс Вишневский изначально посвятил музей отечественному искусству XVIII–XIX веков. Всего у нас хранится 85 произведений Тропинина».

РОЖДЕННЫЙ В НЕВОЛЕ

В селе Карпово Новгородской губернии 19 (30) марта 1776 года родился Василий Андреевич Тропинин. Его родители были крепостными, отец служил управляющим в поместье графа Антона Сергеевича Миниха. За беспорочную службу граф дал управляющему вольную, но его жена и дети остались крепостными.

Вася рисовал с детства. Нередко вместо чистки хозяйской обуви изображал углем и ваксой портреты знакомых на стенах людской. Копировал для крестьян лубки и гравюры, придумывал эскизы вышивок для горничных. За это они позволяли ему срисовывать картины в комнатах господ, когда те уезжали. Вскоре повзрослевшего мальчика отправили в народное училище Новгорода, где Вася за четыре года получил начальное образование.

Новый этап в жизни подростка начался тогда, когда Наталья Антоновна, дочь Миниха, вышла замуж за графа Ираклия Ивановича Моркова. В приданое она получила Карпово и местных крепостных. После свадьбы молодожены перебрались в Москву, взяв с собой в числе других слуг и Василия. В начале 1790-х новый хозяин отправил юношу в Петербург – учиться кон-

дитерскому делу у повара графа Петра Завадовского. Василий осваивал кулинарные секреты, а в свободное время бегал на уроки местного художника, имя которого нам неизвестно. Зато известно, что разгневанная жена кондитера часто посылала за Тропининым и устраивала ему трепку с наставлениями о том, что сладости прибыльнее рисования. Но это не могло остановить Василия.

Графический
портрет старика
с бородой
(Апостол).
1800-е годы

Музей
В.А. Тропинина
и московских
художников
его времени
в Щетининском
переулке

В марте 1798 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано объявление о том, что Императорская Академия художеств разрешает «всякого звания и лет молодым людям пользоваться ежедневно по утру с 9-ти до 12-ти, а по полудни от 5-и до 7-ми часов преподаваемым в оной учением в рисовании...». Тропинин начал посещать академические уроки. Его копии профессорских работ «Кентавр с амуром» и «Аполлон Бельведерский» случайно увидел кузен Ираклия Ивановича, граф Алексей Морков. Он сумел уговорить двоюродного брата отдать талантливого крепостного учиться живописи. Курс обучения, начиная с Воспитательного училища при Академии художеств, а затем и в самой академии, составлял пятнадцать лет, и Василию предстояло нагнать упущенное. Скажем, его однокашник Орест Кипренский учился при академии с 5 лет, и его студенческие работы были гораздо лучше, чем у Тропинина. По уставу академии крепостных называли не студентами, а «посторонними», им не полагалось казенное содержание, жили они обычно у преподавателей, оставаясь подмастерьями. С 1799 года Тропинин стал «посторонним» в мастерской Степана Щукина – главного портретиста Павла I. Василий жил в академической квартире Щукина, грунтовал и натягивал на раму холсты, растирал в порошок сухие краски для мастера. Он также посещал занятия Григория Угрюмова, Иоганна Лампи Младшего и Габриэля Дуайена, учился в гипсовом и живописном классах. За рисунки с оригиналов Василий не раз отмечался медалями, однако получал их владелец крепостного.

Летом 1804 года Тропинин впервые представил свою работу на академическую выставку, на которой также выставлялись полотна Ореста Кипренского, Сильвестра Щедрина, Владимира Боровиковского. Его картину «Мальчик, тоскующий об умершей своей птичке» похвалили посетившая выставку им-

ператрица Мария Федоровна и адъюнкт-ректор академии Иван Акимов. Критики называли Тропинина «русским Грёзом», заметив сходство его работы с гравюрами модного французского сентименталиста.

Когда президент академии граф Александр Строганов узнал от Кипренского, что победитель академических конкурсов Тропинин является крепостным графа Моркова, то посетовал: «Жаль... Тропинин принадлежит упрямому человеку, а то можно было бы за него хлопотать». Но все же хлопотать собирались. Тогда Щукин уведомил Моркова о намерении высокопоставленных особ и посоветовал поскорее забрать крепостного. Почему учитель Тропинина поступил таким образом, неизвестно. Ходили слухи, что он завидовал таланту ученика. Как бы то ни было, в сентябре 1804 года граф отозвал Василия в свое новое имение, в Подолье. Прочувшись всего пять лет в столице, Тропинин отправился на Украину.

ШКОЛА ЖИЗНИ

В 1913 году журнал «Искусство в Южной России» писал: «Возвращенный в дом графа Тропинин занял место среднее между поваром-кондитером и личным лакеем графа Моркова. И если бы Тропинин проявил хотя бы малейшее стремление к независимости своего положения и таланта, после того, когда талант получил правильное, хотя и незаконченное воспитание, то он рисковал бы потерять окончательно всякую возможность заниматься живописью». В селе Кукавка Тропинин исполнял прихоти своего барина: то он пастух, то кулинар, то архитектор и художник. Он скопировал для хозяина несколько картин Рембрандта, писал портреты, в 1806 году построил и расписал в Кукавке церковь Святого Дмитрия Солунского, которая сохранилась до наших дней. Любопытно, что впоследствии крепостной вспоминал о графе Моркове с благодарностью. «Тропинин

Портрет
Александры
Ивановны
Киселевой.
Начало 1830-х
годов

говорил, что оригинальностью своего авторского почерка он обязан именно пребыванию в Кукавке, — замечает Александр Погодин. — В его манере появились такие черты, которых у его соучеников по Академии худо-

жеств не было. Тропинин — один из первых русских художников, кто всерьез стал писать портреты представителей низших слоев общества. Это, конечно, можно объяснить его происхождением. Самобытными чертами творчества Тропинина являются обращение к русской народной тематике и особенный, оригинальный колорит, не свойственный ни русским, ни европейским художникам того времени. Кроме того, он стал одним из основателей жанра домашнего портрета и его разновидности — «портрета халатного». В то время равного ему в этом жанре просто не было».

Здесь стоит напомнить о знаменитом «Портрете А.С. Пушкина», написанном Тропининым в Москве зимой 1827 года. Поэт на нем изображен в лиловом халате, наброшенном поверх белой снежной рубашки, и небрежно повязанном шелковом шарфе. Введением «халатного жанра» Тропинин подчеркнул значимость частной жизни, возросшую в эпоху романтизма. Герой

Портрет
Диомида
Васильевича
Киселева.
1834 год

Экспозиционный
зал «Зеленая
гостиная»

изображается в домашней обстановке, естественно (так же был запечатлен и меланхоличный «Гитарист», и знаменитый трагик Василий Каратыгин. — Прим. авт.). С портрета Пушкина было сделано несколько копий, а сам оригинал на многие годы пропал из виду. В середине 1850-х в меняльной лавке его случайно купил директор Московского архива Министерства иностранных дел Михаил Андреевич Оболенский, детский портрет которого также писал Тропинин. Автор подтвердил подлинность полотна, слегка почистил, но подновить отказался, ибо «не смеет трогать черты, положенные с натуры и притом молодой рукой». В 1909 году портрет попал в собрание Третьяковской галереи, в 1937-м, в 100-летие гибели поэта, был передан в Ленинград — во Всесоюзный (ныне Всероссийский) музей А.С. Пушкина и находится

в музее-квартире поэта на набережной Мойки... Однако вернемся в Подолье. В Кукавке не только развился талант художника. Здесь устроилась и его личная жизнь: в 1807 году Тропинин обвенчался с местной селянкой Анной Катиной. Художник написал несколько ее портретов, которые подска-

Портрет
Сергея
Сергеевича
Кушникова.
1828 год

зывают, что супруги жили душа в душу. В 1809 году у пары родился сын Арсентий — его портрет, написанный отцом в 1818 году, известен по многочисленным публикациям: задумчивый златокудрый мальчик с большими карими глазами. Сын пошел по стопам отца, однако большим художником не стал. Этому в 1829 году помешала тяжелая болезнь, навсегда изменившая жизнь 20-летнего Арсентия. Анна Ивановна трудно переживала беду единственного ребенка — перемены, происшедшие в ее внешности, отображает «Портрет матери». Сын оставался на попечении родителей вплоть до их кончины, своей семьи у него не было. До конца дней он «жил совсем пустынником» в маленьком домике на Полянке. И раздаривал картины Тропинина гостям в благодарность за их память об отце, перед которым он благоговел...

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Отечественная война 1812 года прервала спокойную жизнь поместья графа Моркова. «В тот момент Ираклию Моркову было почти 60 лет, – рассказывает Александр Погодин, – уже четырнадцать лет он находился в отставке и жил в Подолье. Но тут его назначили командовать народным ополчением Московской губернии. Вообще, Моркову не повезло: до сих пор его воспринимают прежде всего как крепостника, долго не отпускавшего на свободу великого художника. И при этом забывают, что он участвовал почти во всех войнах, которые вела при его жизни Россия. Особо он отличился при штурме Измаила в 1790 году, после которого Александр Суворов охарактеризовал Моркова так: «Самый храбрый и непобедимый офицер». Назначение его на мобилизацию ополчения

Экспозиционный зал «Голубая гостиная»

вполне логично. После войны Морков был награжден орденом Святого Александра Невского и до конца дней носил мундир ополченца». Вместе с графом Тропинин приехал в Москву. «Он не только работал как крепостной ху-

дожник, но и занимался устройством семейных дел Моркова, был одним из наиболее доверенных лиц графа, – рассказывает научный сотрудник музея Екатерина Архипова. – Морков поручил Тропинину увезти обоз со своим имуществом из Москвы. Получив сообщение, что город взят французами, Тропинин от Тулы двинулся в Симбирскую губернию, в Репеевку – деревню Моркова. Там местные крестьяне чуть на вилы его не подняли, думая, что он шпион. Тропинин с трудом доказал, что он такой же крепостной графа, как и они. Когда Москву отбили у врага, художник повез имущество обратно. Но особняк графа на Большой Дмитровке сгорел в московском пожаре, там, видимо, погибло и много ранних картин Тропинина... Вообще, тема 1812 года прошла сквозь все его дальнейшее творчество.

Портрет Елизаветы Ивановны Нарышкиной. Не позднее 1816 года

Он писал портреты русских воинов, но многие из них сохранились лишь в набросках, об иных остались упоминания в каталогах. У нас в музее хранятся два портрета героев 1812 года кисти Тропинина – это братья Тучковы, Алексей Алексеевич и Павел Алексеевич. Старший, Алексей, возглавил в 1812 году Звенигородское ополчение, а также занимался обеспечением Русской армии продуктами и фуражом. А вот Павел Алексеевич – в парадном военном мундире. Он был ранен, взят в плен, беседовал с Наполеоном и отказался помочь ему в написании письма императору Александру I. Вернулся в Россию только после 1814 года». Почему эти портреты не оказались в знаменитой Военной галерее 1812 года в Эрмитаже? «Джордж Доу получил заказ на создание портретов для Галереи в 1818 году, – объясняет Екатерина Архипова. – Объем работы был огромен, ему постоянно помогали художники Василий Голике и Александр Поляков. Многих героев приходилось пи-

сать с портретов других мастеров. Сами герои либо слишком далеко жили, либо не могли в силу возраста и ран приехать и позировать. Некоторые к тому времени уже скончались. Вполне вероятно, что ряд портре-

Портрет
Платона
Николаевича
Зубова.
1830–1840-е
годы

тов, например Николая Чичерина и Александра Талызина, Доу писал с портретов Тропинина. В XIX веке спорили, кто кому подражал: Тропинин Доу или наоборот? Но у этих художников совершенно разная манера письма. В портретах Доу часто какая-либо черта характера преувеличивалась в ущерб проникновенности портретного образа. Тропинин же стремился выявить нравственное совершенство человека. Поэтому патристически настроенная часть русской общественности в штыки приняла Доу. Ее шокировал явно предпринимательский характер деятельности англичанина, пугала опасность бездумного подражания Доу, которой поддались некоторые русские мастера. Тропинин к ним не принадлежал. Напротив, в журнальной полемике, развернувшейся вокруг Доу, Тропинин, наряду с Кипренским и Варнеком, противопоставлялся англичанину как представитель национальной русской школы». У Тропинина была «своя» галерея героев 1812 года: следящий за боем Багратион, юный гусар Артемий Лазарев, безымянный ополченец со знаменем, гусар Василий Мосолов. В 1825 году он пишет старого ветерана, сподвижника Суворова, доживающего свой век в Москве, Леонтия Яковлевича Неклюдова...

В 1821 году Тропинин, проживший до того три года в Кукавке, вернулся в Москву. Журнал «Отечественные записки» сообщил читателям: «Тропинин <...> имеет счастливое дарование и склонность к живописи. Колорит его похож на Тицианов». Но превосходный копиист Тропинин умел работать по-разному. Если хотел показать глубину внутреннего мира и сильный характер человека, то обращался к опыту Рембрандта – мастера психологического портрета в темных тонах. А вот собственная тропининская палитра – светлая, жизнеутверждающая, богатая оттенками и полутонами.

Портрет
Павла
Алексеевича
Тучкова.
1820 год

АКАДЕМИК БЕЗ АКАДЕМИИ

С начала 1820-х почитатели творчества Тропинина требовали у Моркова дать художнику вольную. Друг живописца, поэт и переводчик Михаил Дмитриев даже предлагал простить графу крупный карточный долг в счет этой вольной. Морков отказался. «Тропинин был не просто крепостным, – говорит Александр Погодин. – Он был личным художником помещика, который обеспечивал Тропинина красками, кистями, холстами. Долгое время у живописца не было другого источника дохода, кроме написания портретов. Оплата зависела от конкретного заказчика: кто-то платил больше, кто-то меньше. Средняя ставка составляла 50–55 рублей, редко цена доходила до 100 рублей. И это была не самая высокая цена за портреты такого уровня. Часть гонорара Тропинин отдавал графу в качестве оброка».

Наконец на Пасху 1823 года граф все-таки даровал 47-летнему художнику вольную (отметим, оба автопортрета Тропинин написал, только став свободным, – в 1824 и 1846 годах. – **Прим. авт.**). Но семья Тропинина осталась в крепостных, освободили их только через пять лет, после смерти графа.

В сентябре 1823 года живописец представляет в Академию художеств картины «Кружевница», «Старик нищий», «Портрет художника Скотникова» и получает статус «назначенного в академики». Два первых полотна купил писатель и журналист, создатель первого в России собрания отечественного искусства «Русский музей» Павел Свиньин. Увы, музей просуществовал недолго, владелец разорился и в 1834 году распродал коллекцию, которая была опубликована в первом в российской истории печатном каталоге, зафиксировавшем ряд тропининских работ. О «Кружевнице» в каталоге было написано так: «И знатоки и не знатоки приходят в восхищение при взгляде на сию картину, соединяющую

Портрет князя Сергея Михайловича Голицына. После 1828 года

Портрет Василия Степановича Энева. 1820-е годы. Его судьба похожа на судьбу Тропинина – тоже крепостной художник, который занялся реставрацией картин старых мастеров

поистине все красоты живописного искусства...»

Осенью следующего года Тропинин написал портрет работника Санкт-Петербургского монетного двора Карла Леберехта, получил за него звание академи-

ка, но от места преподавателя в Академии художеств отказался. Прожив в столице несколько месяцев, художник вернулся в Москву. Здесь Морков хотел устроить своего бывшего крепостного преподавать живопись, но услышал в ответ: «Я хочу теперь спокойной жизни, ваше сиятельство, и никакой официальной обязанности на себя не приму». В Москве в 1820-х годах с Тропининым произошел забавный случай: некая московская барыня пригласила Тропинина написать портрет, а когда он пришел, указала ему на дверь. Оказалось, она приглашала итальянца – «Тропини»... Но уже в 1830–1840-е годы художник считался главным портретистом Первопрестольной. В числе его заказчиков были представители московской и провинциальной знати. Не отставали и купцы, в том числе старообрядцы. Тропинину заказывали целые портретные галереи: профессоров и совет Московского университета, членов Общества сельско-

Девушка
с горшком роз.
1850 год

ему легче написать десять портретов, чем одно письмо.

В экспозиции музея привлекает внимание один из портретов кисти Тропинина – «Девушка с горшком роз». «Трудно найти здесь подпись автора, – говорит заведующий экскурсионно-просветительским отделом Федор Шапкин. – Поначалу это затрудняло атрибуцию. Подпись отыскалась на горшке с розами, то есть является частью картины, что очень интересно! Вероятно, Тропинин писал эту картину для себя».

УЧИТЕЛЬ-БЕССРЕБРЕНИК

Несмотря на небольшие доходы, Тропинин отказывался от частных уроков. «Я люблю живопись и всегда охотно помогу и словами и делом тому, кто искренне желает изучить ее. Возмездия я за это не возьму ни с кого – это святотатство», – говорил он и бесплатно помогал молодым художникам. В начале 1830-х друг Тропинина, представитель семьи известных крепостных художников Яков Аргунов, привел к мастеру свою ученицу, крепостную девочку Татьяну Астракову, которая позже вспоминала: «Из маленькой комнаты вышел в гостиную Василий Андреевич <...> передо мною стоял пожилой человек (так мне тогда казалось), среднего роста, с умною, открытою физиономией, в очках, с добродушной улыбкой, в халате, с палитрой в руке... «Вы меня извините, барышня, что я в халате, но я усвоил это платье: в нем свободнее работать, да уж и принимаю свою братию, художников...» Мы вошли в маленькую комнату с одним окном, где по стенам стояло и висело множество начатых и оконченных портретов».

А художник Петр Боклевский как-то, гуляя в Сокольниках, увидел в окне маленького домика халатника-мальчика, писавшего масляными красками турку с литографии Ястребилова, и тут же у окна встретил старика очень почтенной наружности, который обратился к мальчику со словами: «Зачем ты все флей-

го хозяйства и Скакового общества. Его кисти принадлежат портреты писателей Николая Карамзина, Ивана Дмитриева, Александра Сухова-Кобылина, славянофила Самарина, художников Егора Скотникова и Николая Майкова, скульптора Ивана Витали, композитора и дирижера Александра Алябьева и многих других.

Если говорить об авторских трактовках образа, то надо признать, что Тропинину не чужда была ирония. Например, на акварельном портрете Павла Мочалова он написал: «Карл Степанович Мочалов» – знаменитый актер изображен в роли Карла

Моора из «Разбойников» Шиллера. Молодого Карла Брюллова, триумфально вернувшегося в 1835 году из Рима на родину с полотном «Гибель Помпеи», он изобразил на фоне дымящегося вулкана. Брюллов говорил о Тропинине: «Если бы он был за границей, то был бы первым портретистом!» В одном из писем Василию Андреевичу Брюллов писал: «Целую вашу душу, которая по чистоте своей способна все понять вполне... кто, кроме вас, поймет меня...» Писал Тропинину и Александр Иванов, работавший в Риме над грандиозным «Явлением Христа народу». Однако Тропинин говорил, что

сом пишешь? Постой, я тебе покажу!» С этими словами старик вошел в домик, где писал мальчик, и, сев на его место, как будто не по доброй воле, а по необходимости, взял маленькие колонковые кисточки, подмалевал лицо пятнисто, как бы мозаично, – и голова турка вдруг ожила». Боклевский обратился к старику: «Позвольте узнать вашу фамилию?» «Тропинин», – ответил тот...

Московская школа живописи обрела основание и смыслы в беседах художников об искусстве и о более прогрессивной, чем в академии, системе обучения. Центром встреч живописцев стал дом одного из основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Егора Ивановича Маковского, на набережной Москвы-реки, где бывали не только служители муз, но и аристократы. Гости рисовали, рассуждали об искусстве, слушали музыку – бухгалтер Малого театра Павел Васильев играл на гитаре, жена Маковского, преподаватель Консерватории Любовь Корниловна и художник Иван Дурнов пели романсы. Эти беседы не прошли даром: для развития народных талантов и обучения искусству неимущих 1 июля 1833 года в Москве начал действовать публичный художественный класс. Василий Андреевич, конечно, не мог остаться в стороне. В 1843 году за то, что Тропинин «без всякой обязанности, из особого усердия постоянно посещал класс и содействовал своими советами в его успехах», мастера избрали в почетные члены Московского художественного общества. Тропинин согласился преподавать и дальше, но поставил условие: чтобы за казенную квартиру не пришлось платить более 200 рублей в год, «тогда буду заниматься с учениками, и из класса меня не выгоните!». Но руководство прислушалось к опасениям преподавателей, которых Тропинин, ежедневно преподавая бесплатно, корил: «Ученики-то вот в классах одни, а вы, получая здесь жалованье, разъезжаете по горо-

Портрет Екатерины Ивановны Карзинкиной в русском наряде в интерьере. Этюд. Около 1838 года

ду на посторонние уроки!» Перспектива постоянных упреков учителям не нравилась, и мастера ответили, что его условия неприемлемы...

До конца своих дней Тропинин продолжал следить за успехами учеников. Один из них, Иван Тучнин, вспоминал: «Какой прекрасный человек, отец милосердный к ученикам <...> ясно мы видели, что он ученика почитал за будущего художника-действителя. <...> Василий Андреевич Тропинин часто приходил и говорил на ученическую

работу ученику: хорошо, хорошо у вас – в особенности вот это место, и укажет где, – а потом ласковым голосом скажет: а вот тут поправьте немножко, вот таким колером, – и показывал на палитре колер, – иногда брал у ученика кисточку, велит держать палитру и составляет колер и тронет работу, говоря: вот так продолжайте; в другой раз приду – у вас лучше будет...»

Следующим шагом создателей публичного класса стало учреждение Московского училища живописи и ваяния. В протоколах совета училища имя Тропинина не значится, но в программе отражены как его идеи демократического и реалистического искусства, так и его метод преподавания с тщательным изучением природы. В училище было мало подлинников, и оригиналы Тропинина на долгие годы стали учебным материалом для копирования. Среди учеников мастера – братья Константин и Владимир Маковские, будущий передвижник Василий Перов.

Портрет Сергея Алексеевича Мазурина. 1840-е годы

Картинная галерея в Музее В.А. Тропинина и московских художников его времени

ДОРОГОЕ ДЕЛО

В 1850-е годы первенствовал николаевский ампир с его вычурностью и аллегориями. Както на выставке Астракова встретила Тропинина: «Все блестит, все кидается в глаза, точно вывеска парадная. Жаль, очень жаль, а ничего не поделаешь. Нас, стариков, не слушают: все на эффектах нынче помешаны. <...> немного остается нас, преданных истинному искусству. Все и везде эффект, во всем и во всех ложь! – Он улыбнулся и добавил: – Авось мы не доживем до полного падения нам дорогого дела!»

В последний год жизни в собственном домике в Замоскворечье художник с грустью вспоминал свой прежний дом на Ленивке, где двери квартиры были исписаны именами художников и друзей, не заставших хозяина дома. Причиной переезда стал гробовщик,

разместивший свою лавочку в нижнем этаже дома на Ленивке, чего овдовевший в 1855 году художник перенести не мог. В Замоскворечье Тропинин жил с сыном Арсентием. Их окружало множество «цветов и деревьев, в клетках чирикали и пели птички, поскакивая с жердочки на жердочку; в просторных и уютных комнатах, украшенных сверху донизу произведениями кисти славного художника, все имели спокойный, веселый вид». За три дня до смерти Василий Андреевич вымыл кисти, очистил палитру и приготовил свежий холст...

Мастер умер 3 мая 1857 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с Анной Ивановной. Провожавшие Василия Андреевича в последний путь обещали поставить бюст мастера в Московском училище живописи и ваяния, но обещания не сдержали.

В 1876 году Иван Крамской в письме Павлу Третьякову признал Тропинина первым русским реалистом. Позже Илья Остроухов назвал художника «родоначальником нашей московской школы с ее независимостью, покоем и искренностью».

...После смерти в 1885 году Арсентия Васильевича прямых потомков Тропинина не осталось. Большая часть произведений из его дома была куплена московским городским головой Гучковым и коллекционером Бахрушиным. Картины Тропинина побывали в частных коллекциях Прянишникова и Кокорева, Цветкова и Третьякова. Из царских покоев они перекочевали в Русский музей Петербурга и Румянцевский музей в Москве. Сегодня все крупные музеи нашей страны и музеи искусства в бывших союзных республиках имеют работы великого русского мастера. ■

МИР, ДРУЖБА, КАНАТЫ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАРЕЛЫ ДАЖЕ ПРЕДСТАВИТЬ НЕ МОГЛИ, КАКАЯ СТРАШНАЯ НАХОДКА ЖДАЛА ИХ В ТОТ МАЙСКИЙ ДЕНЬ 1554 ГОДА. ВО ЛЬДАХ ОНИ ОБНАРУЖИЛИ ДВА ОГРОМНЫХ ТОРГОВЫХ СУДНА, ТРЮМЫ КОТОРЫХ БЫЛИ ЗАБИТЫ ТОВАРАМИ. НА БОРТУ НАХОДИЛИСЬ ЛЮДИ В ИНОЗЕМНЫХ КОСТЮМАХ. ВСЕ ОНИ БЫЛИ МЕРТВЫ...

ЭТО БЫЛИ ОСТАТКИ английской экспедиции. В 1553 году от берегов Туманного Альбиона отплыли три судна: Edward Bonaventure, Bona Esperanza и Bona Confidentia. Задачей путешественников был поиск северного пути в Индию и Китай. Два из трех кораблей затерялись во льдах, а их экипажи не пережили зимовку в устье реки Варзины. Третий благополучно добрался до Летнего берега Двинского залива. Только здесь изумленным

мореплавателям не менее изумленные местные жители сообщили, что британцы прибыли не в Индию, а в Россию...

Впрочем, знакомство с Россией сулило Британии не меньшие выгоды, чем торговля с Индией и Китаем. К тому же московский государь Иван IV покровительствовал англичанам. Настолько, что даже сделал им по-настоящему царский подарок: передал в личное владение собственный двор с каменными палатами в московском Зарядье.

Эти палаты начала XVI века считаются одним из старейших сохранившихся в Москве гражданских зданий – наряду с Грановитой палатой Кремля и расположенными неподалеку палатами бояр Романовых (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2019 год, статья «На Старом государственном дворе». – Прим. ред.). О первом хозяине палат Старого Английского двора, Иване Дмитриевиче Бобрищеве (Юшке), известно немного: согласно летописям, он был богатым купцом из города Сурож (ныне – Судак), который в те годы являлся центром черноморской торговли. В конце XV – начале XVI века сурожане, торговавшие в Крыму с генуэзскими колониями, владели в Зарядье большими подворьями. Судя по всему, у купца Бобрищева не осталось наследников, так что к середине XVI века его палаты уже числились в царской казне.

НА СЕВЕРНОМ МОРСКОМ ПУТИ

В это же время в Англии шла подготовка к большой экспедиции, необходимость которой диктовалась сложившейся ситуацией в британской торговле с Востоком и Новым Светом. Обладающие мощными флотами Испания и Португалия доминировали на этом рынке. Испанцы активно осваивали Новый Свет, а португальцы, контролировавшие открытый Васко да Гамой прямой морской путь из Европы в Индию, буквально разорили купцов-конкурентов.

В Лондоне понимали, что необходимо искать альтернативные морские маршруты. Одним из возможных вариантов был путь через Арктику: так можно было попытаться дойти до заветных восточных земель. Опасный Северный морской путь тогда был исследован, мягко говоря, плохо. Чтобы понять насколько, достаточно сказать, что на карте Сигизмунда Герберштейна город Пекин стоит у истока реки Оби, которая берет начало в огромном «Китайском озере»! Именно такой картой и руководствовались организаторы британской экспедиции.

В палатах
Английского
двора

Реконструкция
Васильевского
спуска
в XVII веке

К слову, русские мореплаватели в то время уже пользовались Северным морским путем: например, еще в 1496 году русский посол Григорий Истома из устья Северной Двины добирался в Данию.

И вот в 1551 году маститый мореплаватель Себастьян Кабот и известный ученый Джон Ди (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2020 год, статья «Доктор Ди vs Борис Годунов». – Прим. ред.) основывают в Лондоне «Общество купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых». А в мае 1553 года три судна под командованием сэра Хью Уиллоуби, благословленные юным королем Эдуардом VI Тюдором, поднимают якоря. 30 июля у северного побережья Норвегии суда попали в сильный шторм, буря разметала корабли. Продолжить плавание в правильном направлении смог только один корабль – «Эдуард Благое Предприятие» (Edward Bonaventure) под командованием Ричарда Ченслера. А флагманская «Добрая Надежда» (Bona Esperanza) и «Благое Упование» (Bona Confidentia) полтора месяца блуждали в Баренцевом море, но так и не нашли верный путь, а когда льды схватились, решили пристать к берегу в устье реки Варзины. Как видно из завещания Уиллоуби, в январе 1554 года большая часть экипажа была еще жива. Но в мае того же года, когда карелы случайно обнаружили замерзшие во льдах корабли, на борту не было ни одного выжившего...

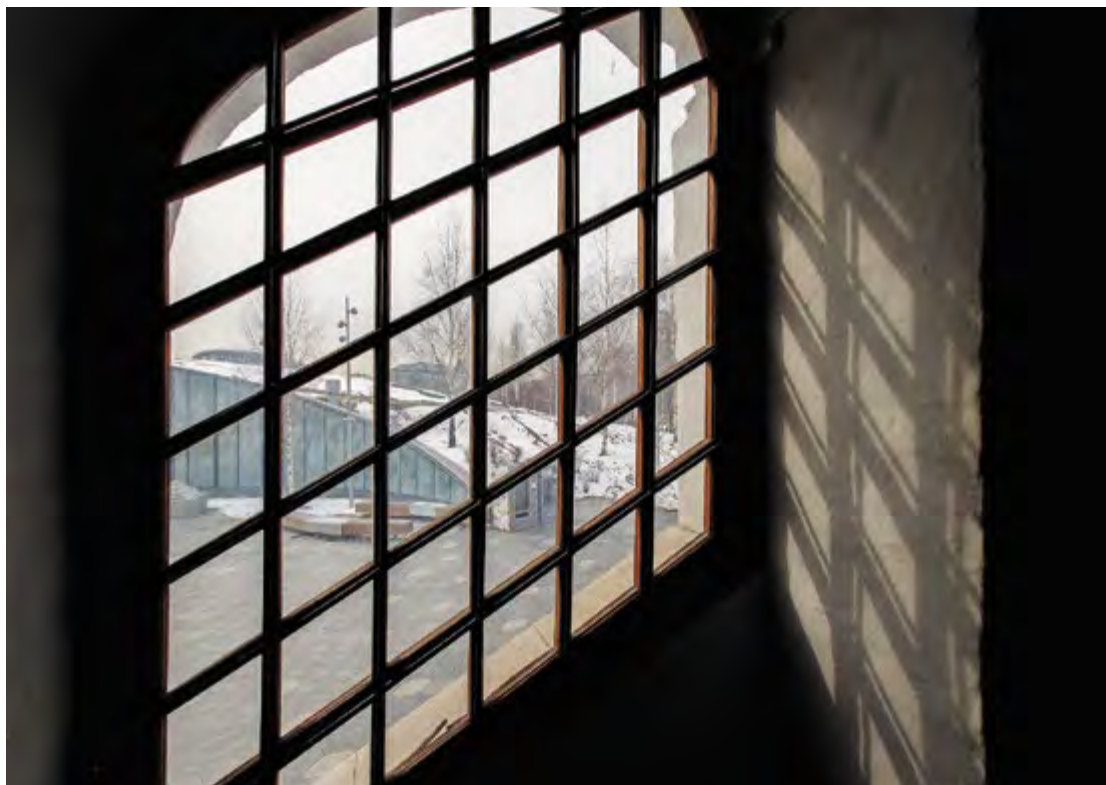
Эти трагические места отмечены на большой карте Европы, ставшей одним из самых любопытных экспонатов музея «Старый Английский двор». На ней же проложены маршруты первых английских путешественников, отправлявшихся по Северному морскому пути. А рядом – макет парусного судна с национальным английским флагом – красным крестом святого Георгия на белом фоне. Как раз на таких, на взгляд современного человека, ненадежных кораблях моряки прошлого исследовали холодные и полные опасностей моря Арктики.

ШЕЛ В ОДНУ СТРАНУ – ПОПАЛ В ДРУГУЮ

24 августа 1553 года капитану Ричарду Ченслеру посчастливилось добраться до устья Северной Двины и бросить якорь в гавани Святого Николая близ Николо-Карельского монастыря. Первыми моряков обнаружили местные рыбаки. Пораженные величиной судна и необычным видом гостей, они разнесли новость на всю округу. Вскоре «Посол Рыцарт», как называли Ченслера в Двинской летописи, со своими людьми отправился в Москву – ко двору 23-летнего царя Ивана IV. Так вместо Китая англичане открыли для себя Китай-город, где через три года получают в подарок от Грозного собственное подворье.

Англичанам повезло: в России они оказались, как говорится, вовремя. В 1552 году Иван Васильевич покорил Казань, а теперь готовился к походу на Астраханское ханство, которое войдет в состав царства в 1556 году. Но планы русского самодержца простирались не только на восток и юг, но и на северо-запад. Нужно было получить выход к Балтийскому морю. Однако Иван Васильевич понимал, что его войско по оснащенности уступает войскам Швеции и Великого княжества Литовского. Чувствовалась и нехватка специалистов, «хитрых, наученных градскому разорению», строителей, архитекторов, оружейников. Русскому царству нужен был союзник из числа крупных государств Западной Европы, с которым можно было бы поддерживать постоянные торговые связи. Однако Ливонский орден и поляки не пропускали на восток военные товары и специалистов, опасаясь усиления Московии.

И вдруг при дворе Ивана Васильевича оказываются английские купцы. Царь благосклонно принял грамоту короля Эдуарда и оказал гостям теплый прием. О Московском царстве Грозного опытный путешественник

Вид с лестничной галереи

Прием иностранных послов при дворе

и торговец Ченслер оставил любопытные записки: «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны». За восемь месяцев пребывания в России, три из которых прошли в столице, он, не владея русским языком, сумел собрать немало сведений, которые представляли интерес для Лондона: о традиционной торговле, религии, быте, военной тактике. Русских Ченслер описал как самоотверженный, привычный к

суровой жизни народ, стойчески переносящий трудности. Он сравнивает их с молодым конем, «который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке <...> если бы этот конь сознавал ее, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек». Английского протестанта многое удивляло в России. Например, любовь русских всех сословий к богатым нарядам для «выхода в свет» и одновременно скромность и простота их одежд в повседневной жизни.

МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ

В 1555 году Ченслер вернулся в Лондон с грамотой от русского государя. В британской столице были крайне довольны итогами путешествия Ченслера. «Общество купцов-искателей...» переименовывается в Московскую компанию, а Ченслер снова отправляется в Москву на двух кораблях. Для заключения договора с русским самодержцем с Ченслером едут поверенные Ричард Грей и Георг Киллингворт. Иван Васильевич вновь радушно встречает послов «любезной сестры» королевы Марии и наделяет английских купцов большими привилегиями: теперь они единственные из иностранцев могут вести беспошлинную торговлю, открывать в некоторых русских городах свои представительства, а также жить отдельно на собственном дворе недалеко от Кремля. Помимо этого царь передал англичанам «Добрую Надежду» и «Благое Упование», которые после обнаружения опечатали и вместе со всеми товарами и снастями перевезли в Холмогоры. Но на пути в Британию «Добрая Надежда» пропал

без вести, а «Благое Упование» разбился о норвежские скалы. Трагический конец ждал и судно «Эдуард Благое Предприятие»: добравшись до Шотландии, оно пошло ко дну во время сильного шторма. Что же касается самого Ричарда Ченслера, то он героически погиб, спасая во время кораблекрушения «Эдуарда Благое Предприятие» русское посольство, плывшее на этом судне. Около половины русских посланников выжили, Ченслер же утонул вместе со своим сыном и большей частью экипажа судна.

Экспозиция
подклета
до 2020 года

Королева
Елизавета
Тюдор

Выжившие участники посольства во главе с вологодским наместником Осипом Григорьевичем Непеей в марте 1557 года были торжественно приняты королевой Марией. В том же году Непея вернулся в Россию с новым послом королевы, Энтони Дженкинсоном, и немалым числом английских мастеров и лекарей.

Лондон сделал ставку на развитие Московской компании. Для агентов, отправлявшихся в Россию, разработали инструкцию о том, чем наиболее выгодно торговать. Настойчиво рекомендовалось учить русский язык, собирать как можно больше сведений о стране и ее нравах и ни в коем случае не нарушать законы и религиозные обычаи Московии. Кроме того, торговцы должны были приложить все усилия, чтобы все-таки отыскать путь в заветный Китай. Как пишет историк торговли Иосиф Кулишер, английским агентам советовали заманивать русских на корабль, опаивать их и выведывать тайны и важные сведения. И это притом, что многие гости, вторые Герберштейну, предостерега-

ли: русские купцы те еще хитрецы и так и норовят обмануть! Именно Дженкинсон, опытный мореплаватель, который добрую половину жизни провел в рискованных путешествиях, первый из англичан отправился в плавание по Волге и описал новоприобретенные юго-восточные территории России. Англичане знали, что издавна русские купцы через Волгу и Каспий выходили к Великому шелковому пути, а после взятия Грозным Казани и Астрахани такое путешествие стало проще и безопаснее. Кроме того, успех своей миссии в Москве англичане считали делом решенным, на очереди теперь были Средняя Азия и Персия.

Начиная с 1558 года в течение тринадцати лет агенты Московской компании снаряжали семь путешествий на Восток. Весной с русским караваном англичане спускались к Каспию, а на обратном пути астраханские воеводы отправляли с купцами около сотни стрельцов. Дорога была полна опасностей, тот же Дженкинсон в своих записках пишет о неоднократных нападениях татарских племен

Примеры товаров, привозимых английскими купцами

Многие англичане оставляли любопытные записки о своих путешествиях в Россию

на экспедицию. Не обошлось и без курьезов: когда на обратном пути англичане подошли к своему оставленному на Каспии кораблю, обнаружили его без якоря, канатов, шлюпки и парусов. Пришлось срочно искать замену, чтобы добраться до Москвы.

Несмотря на содействие русского царя, дальше Персии англичанам пройти не дали. Приходилось брать товары у пе-

рекупщиков с большой наценкой. Непроходимые для того времени льды Арктики также не позволили англичанам обогнуть материк и добраться до Индии и Китая с севера. Кстати, и на новых землях Московского царства Иван Васильевич разрешил английским купцам торговать без отчислений в государственную казну. В 1569 году к прочим привилегиям добавились возможность чека-

пость, взятую войсками Грозного в мае 1558 года, – прибыло около 70 английских кораблей с товарами. Для нужд русской армии активно закупались металлы, порох, селитра, оружие, лекарства. Англия ввела в России моду на свое сукно, которым торговала по всему миру: русские, как пишут британские купцы, предпочитали шить кафтаны из ярких, «линяющих» цветов. Немалую часть импорта составляли и предметы роскоши: вина, драгоценные камни, благовония, специи. Перец, шафран, гвоздика, мускатный орех, кардамон – ост-индские пряности делали огромный крюк, несколько раз перепродавались, оказывались у англичан, а после – в Московском царстве. Товары, которые привозили в Московию британские купцы, сегодня выставляются в музее «Старый Английский двор» в зале «Поварня»: здесь показаны, к примеру, аналогии металлической посуды из Англии, которую русские зачастую переплавляли в военных нуждах. Представлены в экспозиции и русские товары, которые увозили на родину британцы. Англичане скупали воск, масло, сало, жир морских животных, слюду. Многие думают, что наибольшую ценность для заморских купцов, торговавших с Россией, представляла пушнина, однако англичане считали русские меха неоправданно дорогими и везли их на родину в весьма ограниченных количествах. Куда большим спросом пользовалась простая пенька. Московская компания активно закупала корабельные снасти, смолу, дерево и материалы для строительства судов и продавала все это своей казне.

Металлическую посуду из Англии нередко переплавляли в военных нуждах

нить на русских монетных дворах английскую монету, а также право англичан «жить везде в России по своему закону», гарантом которого являлся главный агент компании. Любопытно, что британские купцы считали столь щедрые привилегии вполне заслуженными и при случае всегда напоминали, что именно они открыли Северный морской путь. Подчеркивая его важность, англичане стремились доказать, что британские мореплаватели несколько не уступают португальцам или испанцам.

СЛАВА РУССКОМУ КАНАТУ!

Во многом благодаря первопроходцам-англичанам начал быстрее развиваться Русский Север, ранее считавшийся глубокой окраиной. Белое море на тот момент – главные морские ворота страны. Здесь в 1584 году появился первый русский порт – Архангельск. Торговля через Северный морской путь приносит процветание Ярославлю, Костроме, Вологде.

Англичане везут товары, с помощью которых Россия наращивает военную мощь. В 1567 году только в Нарву – стратегическую кре-

Легендарные русские канаты

канаты для королевского флота. Настоящая слава пришла к русским канатам после того, как в 1588 году Англия разгромила испанскую «Непобедимую армаду»: английские купцы писали королеве-девственнице Елизавете I, что Британия победила во многом благодаря корабельным снастям из России.

Однако, несмотря на все привилегии и благосклонное отношение царя, англичане так и не смогли наладить торговлю русским хлебом. Московское государство помнило о пережитых голодных годах, поэтому с XVI века зерно считалось «заповедным» товаром. Британские агенты неоднократно обращались с просьбой разрешить им покупать хлеб, но договориться так и не сумели. Позже иностранцам это позволили, но только с уплатой налога – англичане на такие условия не согласились.

РАЗРЫВ

С Англией Россия Грозного поддерживала теплые отношения. Дошло даже до того, что Иван Васильевич, опасаясь, что ему «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» вдруг придется бежать из страны, просил у английской королевы гарантии по предоставлению убежища. В 1570 году он получил такие гарантии, однако воспользоваться ими ему так и не пришлось. А вот спустя почти 350 лет уже семейство императора Российской империи Николая II, находившееся в кровном родстве с английскими монархами, также искало спасения в Англии, но получило отказ.

Овеяна легендами и история о сватовстве Ивана Васильевича к королеве Елизавете: сотрудники музея «Старый Английский двор» признаются, что посетители постоянно задают вопросы об этом. И действительно, такое предложение вполне могло прозвучать, но все же историки склонны считать подобное сватовство, скорее, некой формой вежливости, которое королева всерьез не восприняла. Однако известно, что царь просил руки родственницы Елизаветы, Мэри

Реконструкция
печи в казенной
палате

Гастингс, и даже отправил с этой целью посольство в Лондон. Королева же, узнав, что у Грозного от седьмой жены, Марии Нагой, брак с которой не признавался церковью, родился сын Дмитрий, согласия на сватовство не дала. Она сообщила царю, что девица веру свою переменить не может, да и немощна. Однако русский посол Федор Писемский отзывался о Мэри как о вполне здоровой, красивой девушке.

Иван Грозный стремился не только развивать торговые отношения с Англией, но и заключить с островным государством во-

енный союз, что было немало важно для Москвы, которая вела длительную Ливонскую войну. Однако эти переговоры зашли в тупик: Британия не собиралась способствовать укреплению позиций России в Прибалтике. Наконец Грозный потребовал, чтобы Лондон объявил войну Речи Посполитой, в случае если король Польский и великий князь Литовский Стефан Баторий не вернет России Полоцк и Ливонию. Елизавета I отказалась. Переговоры о военном союзе двух стран прервались со смертью Ивана Васильевича в 1584 году.

Печные изразцы
XVII века,
найденные
при реставрации

Казенная палата использовалась для собраний агентов и хранения выручки

Несмотря на протесты англичан, после Ливонской войны право торговать на Русском Севере получили все иностранцы. Британские купцы пытались вернуть свою монополию, переговоры, которые вели в Лондоне послы нового царя, Федора Иоанновича, затягивались. И Москва, и Лондон выдвигали всё новые условия, каждая пыталась добиться наибольших выгод от взаимной торговли.

Один из самых тяжелых периодов Московской компании – годы Смуты, после которой британцам пришлось заново отстраивать свой двор на Варварке, разрушенный в ходе уличных боев. Но дела постепенно налаживались, и в 1636 году торговый агент Симеон Дигби покупает для нужд Московской компании еще одну усадьбу – неподалеку от китайгородских Ильинских ворот. С тех пор подворье в Зарядье стало называться Старым Английским двором. Правда, вскоре англичане потеряли все свои московские владения.

В первой половине XVII века в Англии происходит революция, окончившаяся казнью короля Карла I в 1649 году. Русский царь

Алексей Михайлович отреагировал жестко: «Когда вы своему королю по-изменнически дерзнули голову отсечь, чего подлее нигде на свете не слыхано, то я с вами никакого сообщения не хочу». Все английские купцы были высланы из Москвы, а их собственность передана в казну. По указу

Английские женский и мужской костюмы XVII века

царя теперь они могли торговать только в Архангельске. Само собой, о беспошлинной торговле с Россией отныне не могло идти и речи. Вплоть до 1660 года, когда английский трон занял сын казненного короля, Карл II, Алексей Михайлович вел с беглым принцем переписку и приветствовал реставрацию британской монархии. Карл II, надеясь на восстановление былых связей, отправляет в Москву посольство с подарками. Алексей Михайлович снова разрешает английским купцам торговать в столице, но дает понять, что время привилегий для Англии прошло. Агентов Московской компании уравнивали в правах с другими иностранными торговцами – их, в особенности голландцев, в столице становилось все больше.

Бывшее Английское подворье в Зарядье передали сначала родственнику царя – окольничему Ивану Милославскому, после – Посольскому приказу, а затем здесь обосновался митрополит Нижегородский. В 1720 году император Петр I решает открыть в палатах бывшего Английского двора арифметическую школу – одну из первых в Москве.

«Цифирная» школа, правда, существовала недолго. Уже во второй половине XVIII века дом снова оказывается в частном владении, переходит из рук в руки. Новые хозяева перекраивают здание, встраивают старые стены в новые сооружения, добавляют этажи, меняют планировки, фасады... К началу XX века палаты потерялись в ворохе новых построек и считались окончательно утраченными.

СПАСИТЕЛЬ БАРАНОВСКИЙ

После Великой Отечественной войны в здании размещалась Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, но уже в 1950-е годы особняк решили снести – предстояла глобальная перестройка Зарядья. Едва ли не в последний момент известный архитектор и реставратор Петр Дмитриевич Барановский добился разрешения исследовать здание: он предполагал, что сможет отыскать Английское подворье. Все подвальные помещения зданий между церквями Святой Варвары и Максима Блаженного были тщательно изучены, стены бывшей библиотеки простучали. И обнаружили

Сегодня палаты входят в комплекс парка «Зарядье»

следы старинной постройки! Сотрудники музея показывают фотографию дома перед реставрацией: на ней просто невозможно разглядеть средневековые палаты... И все же историкам удалось их найти.

В 1968–1972 годах шла большая реставрация. Разбирать поздние пристройки вручную пришлось бы долго, поэтому Барановский решился на рискованный шаг: применил для расчистки точечные направленные взрывы. Пра-

ва на ошибку у саперов не было, и, к счастью, со своей работой они справились. Основу палат выявили – сохранились лишь стены здания. По элементам белокаменной кладки, много лет скрытым под штукатуркой, растесывали оконные и дверные проемы, постепенно здание приобретало тот вид, который могло иметь в начале XVII века. Как примерно выглядел Английский двор после Смутного времени, сегодня можно понять благодаря усилиям Барановского, а также архитекторов Евгении Петровны Жаворонковой и Инессы Ивановны Казакевич. В таких палатах люди не жили: каменное строение тяжело было отапливать, поэтому его использовали в хозяйственных нуждах. В распоряжении англичан также находились деревянные избы, горницы, конюшни, погреба, большой сад – упоминание об этом можно найти в описи Приказа сыскных дел 1650 года, когда хозяином подворья стал Иван Мирославский.

Палаты состоят из трех этажей. Подвальный представляет собой белокаменные подклеты – это самая древняя часть здания. Здесь

Петр Дмитриевич Барановский

хранились продукты, которые загружались с улицы через люк в стене. Кроме того, эти помещения использовались как укрытие от нередких пожаров или нападений. Также в целях безопасности строились узкие, крутые и неудобные лестницы. Просторные галереи и широкие лестничные пролеты появились только после Смуты. Тогда же на южном фасаде палат, между крышей и двустворчатым люком, установили необычную для Москвы бал-

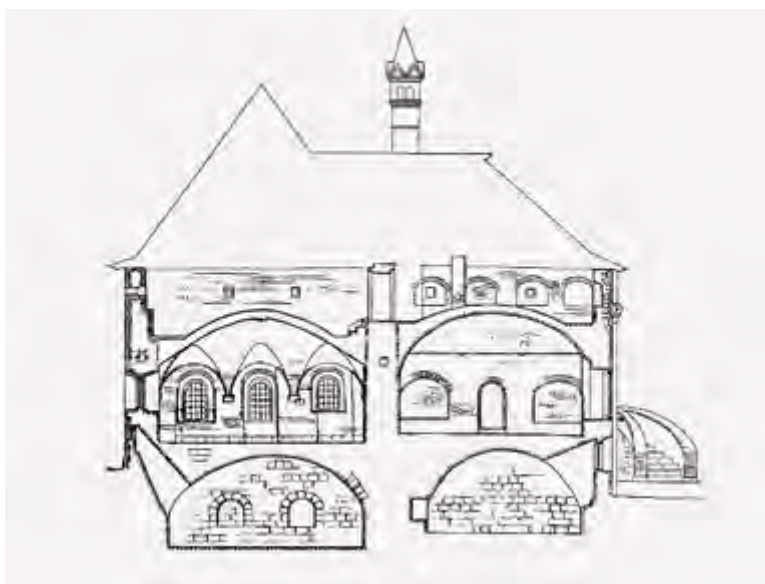
ку для подъемного крана. На ней закрепляли лебедку, с помощью которой товары с улицы загружали прямо на чердак. Второй этаж отведен под поварню и казенную палату. Последняя считалась главным помещением, ведь именно там в лавках со встроенными рундуками хранилась купеческая казна, а также проводились собрания торговых агентов. Во время реставрации у западной стены дома, прямо под окнами па-

Библиотека перед реставрацией. Палаты «спрятаны» в дальнем углу

латы, обнаружили фрагменты красных рельефных изразцов с растительным орнаментом и изображениями мифологических животных – на их основании воссоздали старинную печь с непривычным для русского человека камином. Также при реставрации обнаружили черные и белые плитки и реконструировали шахматную раскладку пола. Все остальное – мебель, убранство, английские мужской и женский костюмы – реплики оригиналов XVI–XVII веков. Открытие музея приурочили к первому и единственному официальному визиту в Россию королевы Великобритании Елизаветы II и ее мужа, принца Филиппа. 18 октября 1994 года музей «Старый Английский двор», ставший филиалом Музея истории Москвы, распахнул свои двери для посетителей.

В 2020 году Старый Английский двор перешел под управление парка «Зарядье». Основной экспозиции пришлось потесниться: помещение подклета оборудовали для проведения временных выставок, меняющихся каждые два-три месяца. Проекты посвящены событиям или темам, связывающим Россию и зарубежье либо относящимся к Англии, как, например, выставка твиды.

А казенная палата, постоянная экспозиция которой посвящена истории российско-английских дипломатических и торговых отношений, теперь используется еще и как базовая площадка для проекта «Россика». Это культурно-просветительская платформа, целью которой стал международный обмен опытом: музей организует открытые лекции, дебаты и круглые столы о том, какой сегодня иностранцы видят Россию и что мы можем перенять у зарубежья с пользой для себя. Так и в современной Москве в палатах Старого Английского двора начали собираться иностранные дипломаты, а с ними и российские политологи, преподаватели вузов и специалисты по международным отношениям. ■

Поперечный разрез здания

ВРАЧЕВАТЕЛИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМУ МУЗЕЮ КАТАСТРОФИЧЕСКИ ТЕСНО НА ПАРЕ ЭТАЖЕЙ В ЗДАНИИ БЫВШЕЙ ШКОЛЫ СТАРШИХ ЛЕКАРСКИХ ПОМОЩНИКОВ. ОБЪЕДИНИВ КОЛЛЕКЦИИ 12 САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ МУЗЕЕВ, ОН МОГ БЫ ЛЕГКО ПРЕВРАТИТЬСЯ В ОТДЕЛЬНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ГОРОДОК. ПРИ ЭТОМ МУЗЕЙ НЕ ТАК ДАВНО ОТДЕЛИЛСЯ ОТ ДВУХ СТРУКТУР: В 2014 ГОДУ – ОТ АРХИВА ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ, А В 2015-М – ОТ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ. СОЗДАННЫЙ В 1942 ГОДУ КАК ИНСТИТУТ ПО ОБОБЩЕНИЮ ОПЫТА СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ОН ПО-ПРЕЖНЕМУ ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРИТЕТНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ДЛЯ МЕДИКОВ-ПРАКТИКОВ, И ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ РОССИИ.

ВСЕ, ЧТО ЗА ПОСЛЕДНИЕ триста лет происходило со здоровьем россиянина, волею судьбы оказавшегося на театре военных действий, – все его раны, травмы, болезни, контузии, эпидемии, хирургические операции, попытки сохранить ему жизнь и облегчить страдания, – весь тяжелейший и бесценный опыт отечественной военной медицины сконцентрирован в этом здании на бывшей петербургской окраине Семенцы.

МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Несмотря на слово «военный», музей рассказывает историю не только военно-медицинской службы, но и российской медицины в целом. Учрежденный в ноябре 1942 года музей сначала располагался в Москве, но как только была снята блокада, переехал в Ленинград. Под музейную экспозицию отвели серо-розовое здание Семеновского-Александровского военного госпи-

таля лейб-гвардии Семеновского полка, чьи фасады XVIII века до сих пор украшают барельефы великих врачей. Правда, главное здание музея уже более двадцати лет ремонтируется, сейчас экспозиция занимает корпус 1930-х годов. Музей был создан приказом начальника Главного военно-санитарного управления Красной армии Ефима Ивановича Смирнова. Во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу советские медики вытаскивали с того света раненых советских солдат. Этот колоссальный опыт нуждался в осмыслении. Такой научной и учебной базой для военных медиков стал новый музей. Сюда стали стекаться трофеи, привезенные с фронтов и из госпиталей, схемы, карты, таблицы, графики, фотографии и рисунки – все, чем военные врачи считали необходимым делиться с коллегами. Среди отделов нового музея были: библиотечный, секретный, исторический, санитарно-тактический, санитарно-эпидемиологический, отдел эвакуации, сортировки и лечения раненых, патологоанатомический отдел, отдел трудоустройства инвалидов войны.

Стараясь подробно фиксировать происходящее, отделы разбивали на подотделы. Например, музейный подотдел по расследованиям преступлений гитлеровцев был создан еще до формирования Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях. Когда музей в 1944 году переехал в Северную столицу, в нем появились подотделы блокады Ленинграда и обороны Севастополя. Об уровне профессионализма сотрудников музея говорит, например, такой факт: сотрудник подотдела по расследованию злодеяний фашистов, специалист по судебной медицине Николай Николаевич Бокариус входил в состав ЧГК. Со дня основания музей отправлял на фронт бригады, в состав которых входили военные медики, патологоанатомы, художники и фотографы. Врачи изучали контузии и ранения, патологоанатомы определяли причины смертей, художники делали зарисовки раненых солдат, фотографы фиксировали происходящее на пленку – все для того, что-

бы как можно точнее понять характер боевых ранений и найти наилучшее лечение. В итоге сегодня фонды музея помимо подробных медицинских отчетов насчитывают сотни художественных работ и обширную фотоколлекцию. Кроме того, музей сформировал архив военно-медицинских документов объемом 60 миллионов единиц хранения, которые десятилетие назад были переданы в ЦАМО.

Галерея «У истоков российской медицины» открывает музейную экспозицию

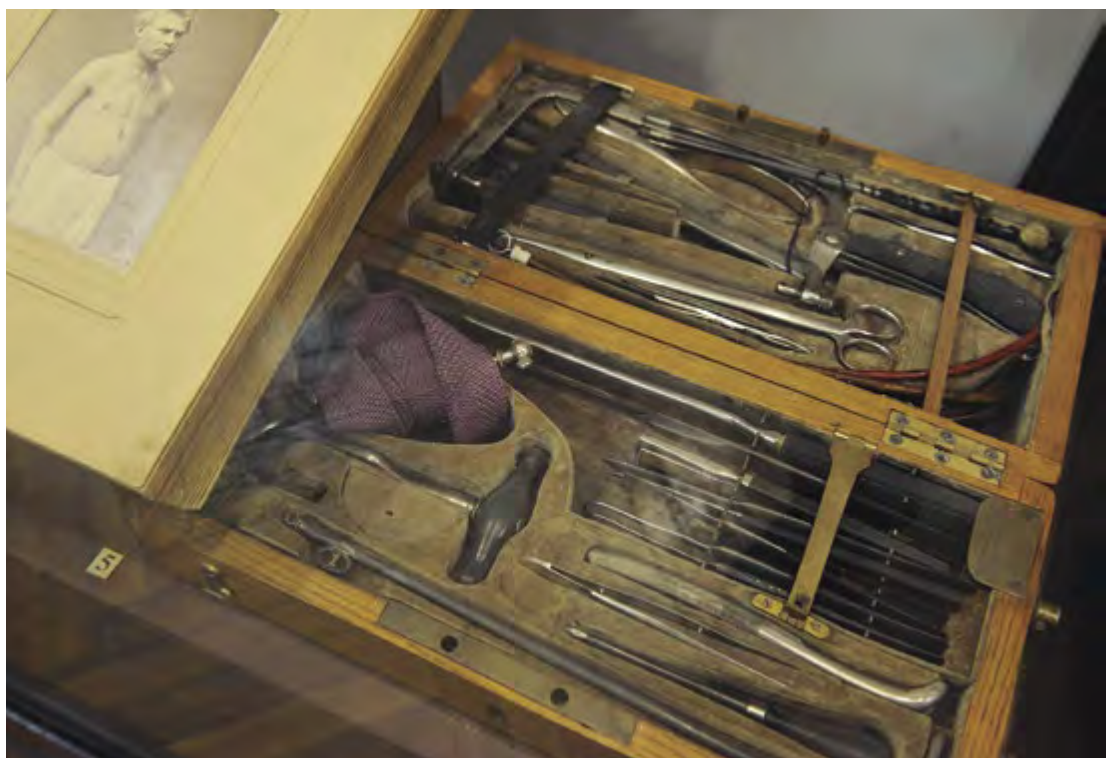
Музей Красного Креста. Госпитальное имущество – халат и костыль раненого. XIX век

ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАД И РЕКИ БОЛЕЗНЕЙ

Открывает музейную экспозицию галерея «У истоков российской медицины», которая рассказывает об истории врачевания воинов в нашей стране. Начинали его монастырские лекари допетровской Руси. Лежат в витринах первые русские лечебники. Среди них – «Книга глаголемая Прохладный Вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах ко здравью человекам пристоящих» XVII века, которая была настольной книгой полковых лекарей. Следующий экспозиционный комплекс относится к эпохе Петра Великого, создавшего медицинскую службу русской регулярной армии. Деревянная скульптура XVIII века изображает царя, который одной ногой опирается на пушку – символ русской воинской славы, другой – на книги, славу российской науки. Экспонаты первого зала попали сюда из Хирургического музея Императорской медико-хирургической (нынешней Военно-медицинской) академии. Созданная в 1798 году Императорская медико-хирур-

гическая академия в XIX веке стала центром подготовки военных врачей в России, а коллекция ее музея хранила экспонаты, отражающие тему здоровья венценосных особ. Вот на витрине лежит «оспенный» рубль с профилем Екатерины II, выпущенный в 1769 году. Тогда в империи свирепствовала эпидемия оспы. Екатерина II первой в России сделала себе прививку от страшной болезни, затем прививку получил и наследник престола, 14-летний Павел Петрович. Вакцину для прививки в октябре 1768 года создал приглашенный в Россию английский врач Томас Димсдейл. В то время прививали методом вариоляции: прививаемому делали несколько надрезов на руке и вводили оспенные пузырьки больного человека. Донором оспенного материала для императрицы стал переболевший 6-летний Саша Марков. Все прошло успешно, и примеру императрицы последовали многие. Чтобы поощрить смельчаков, им вручали серебряный рубль, один из которых и хранится в музее.

Еще один интересный экспонат из коллекции музея Императорской медико-хирургической академии – гравюра «Реки болезней», которую нарисовал для императора Александра I придворный врач Василий Малахов. «Реки болезней» – это сложное переплетение водоемов, в центре которого – идеальное озеро «здоровья». Каждая из отходящих от него «рек» связана с людскими грехами, приводящими к летальному исходу. Только одна ровная река заканчивается лужицей, на которой написано «Натуральная смерть». Как предполагал Малахов, если человек ведет правильный образ жизни, он может жить долго и умереть на склоне лет естественной смертью. Мудрый правитель, имея под рукой такой первый в России классификатор болез-

Музей Красного Креста. Набор операционный (средний) середины XIX века

ней, может сберечь здоровье и свое, и своих подданных, полагал Малахов.

Отдельная стена в зале посвящена Отечественной войне 1812 года. На музейной витрине можно увидеть пули и

картечь с Бородинского поля. Рядом – аптечный ранец военного врача. Тогда не было возможности использовать обезболивание, чарка водки перед операцией или удар по голове палкой с мягким наконечником – вот и весь наркоз. Операционная напоминала пыточную. Не было ни антисептиков, ни стерильных халатов, ни хирургических перчаток.

Операция под эфирным наркозом в больничных условиях была сделана только в 1846 году. Одним из первых применил этот метод выдающийся русский хирург Илья Васильевич Буяльский. Он был профессором сразу двух академий – Медико-хирургической и Академии художеств, где преподавал анатомию. В зале стоит аппарат для переливания крови, одним из разработчиков которого был Буяльский, а рядом – роскошный медицинский атлас. Илья Васильевич – один из основателей топографической анатомии в России, создавший «Анатомико-хирургические таблицы», переведенные на многие языки.

Музей Красного Креста. Сумка фельдшерская для врачебно-военных заведений военного времени

ЛЕДЯНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

Вошедших в зал Николая Ивановича Пирогова встречает бюст великого русского врача, созданный Ильей Репиным. Яркий образ Пирогова настолько привлек художника, что он создал и скульптурный, и живописный портреты врача. Большой лоб, седая борода, пристальный взгляд, озаренное внутренним светом лицо известного хирурга и ученого будто выступает из темноты. На картине Пирогову 71 год, ему оставалось жить всего полгода.

Биография Пирогова достойна романа (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2020 год, статья «Чудесный

доктор». – Прим. ред.). Тринадцатый ребенок в разорившейся купеческой семье, он приписывает себе два года и в 14 лет поступает на медицинский факультет Московского университета. В 18 лет оканчивает его и в числе лучших выпускников отправляется в передовой по тем временам Профессорский институт при Дерптском университете, где готовили преподавателей высшей школы. Уже в 22 года Пирогов защищает докторскую диссертацию (экземпляр на латыни можно увидеть в экспозиции музея. – Прим. авт.), в 25 становится профессором хирургии в

Музей
Н.И. Пирогова.
Литографские
камни. Срезы
производились
Н.И. Пироговым
для составления
атласа по топо-
графической
анатомии
«Топографиче-
ская анатомия
распилов чело-
веческого тела»

Дерпте. В 30 лет его приглашают на работу в Петербург.

Разговор о петербургском периоде жизни Пирогова будет неполным без рассказа о разработанном им принципе «ледяной анатомии». Пирогов обедал обычно на Сенной: на углу площади был трактир, где Николай Иванович покупал любимые пирожки. Однажды в трескучий мороз, проходя по базарной площади, Пирогов увидел, что в мясной лавке на крюках висят замороженные свиные туши. Видимо, они были разрублены очень тонким топором, потому что на срезе просматривались все анатомические структуры. И ученому пришла в голову идея: изучать человеческое тело путем тонких распилов замороженных трупов. В то время рентгена еще не было, и цель Пирогова заключалась в том, чтобы сделать тело больного «прозрачным» для хирурга, помочь ему мысленно видеть плоть под лезвием скальпеля. Пирогов морозил трупы, а потом через каждые 5–8 миллиметров делал распилы в трех взаимно перпендикулярных плоскостях: сагиттальной (делящей тело на правую и левую часть), фронтальной и горизонтальной. В ледяной комнате распилы протирались горячей губкой и

Музей
Н.И. Пирогова.
И.Е. Репин. Бюст
Н.И. Пирогова.
Отливка
1946 года
с оригинала
1881 года

Музей Красного Креста.
Макет памятника
медицинским чинам,
погибшим в Русско-
турецкую войну
1877–1878 годов

покрывались тонким слоем льда. Их накрывали расчерченным на квадраты стеклом, а приглашенные художники перерисовывали распилы в натуральную величину. Рисунки использовались для создания литографий. Пирогов сделал 970 распилов, составив 224 таблицы, которые объединил в четыре тома. Первый том назывался «Голова и шея», страницы из него с собственноручными пометками Пирогова лежат в витринах музея. У литографических плит, с которых печатали «ледяной атлас», грустная судьба. В экспозиции музея представлены всего четыре из них. В фондах музея есть еще столько же. А всего их было более ста. В 1930-е годы этими литографическими плитами частично выложили Пироговскую набережную...

В Петербурге существовал Музей Пирогова, открытый после смерти великого хирурга. Общество русских врачей построило небольшое здание с экспозицией и конференц-залом для медицинской общественности. Но действовал музей недолго. В 1930-е его снесли, коллекцию передали в Военно-медицинскую академию, а затем – в Военно-медицинский музей.

Военно-санитарный музей.
Передник сестры милосердия периода Первой мировой войны.
Френч с погонами периода 1906–1916 годов

КРАСНЫЙ КРЕСТ И АНАТОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Впервые в истории Пирогов привлёк сестер милосердия к уходу за ранеными в ходе боевых действий. Три отряда медсестер из Крестовоздвиженской общины, учрежденной великой княгиней Еленой Павловной, работали

во время Крымской войны 1853–1856 годов. На фотографии в зале Красного Креста можно увидеть лица этих прекрасных женщин.

В центре зала установлен макет памятника, который в народе называют «докторским». Сам памятник стоит на горе Шипка. Надпись на нем сообщает: «Медицинским чинам, погибшим в Турецкую войну 1877–1878». Напоминающий усеченную пирамиду памятник собран из прямоугольных блоков, на каждом из которых высечены фамилии и имена 110 врачей, 8 ветеринаров, 8 фармацевтов, 404 фельдшеров и одного студента.

Следующий зал музея особам чувствительным лучше миновать, поскольку он воспроизводит антураж анатомического театра. Публичные вскрытия трупов начали проводить медики эпохи Ренессанса. С разрешения церкви они превратили этот процесс в зрелище, получившее название «Анатомический театр». Один из первых таких театров был построен в Падуе в 1594 году: шесть круглых галерей возвышаются над столом, за которым трудился прозектор. Здание вмещало от 200 до 300 зрителей, первый ряд предназначался для профессоров ана-

томии, преподавателей медицинского факультета университета и представителей городских властей. Зал «Анатомический театр» напоминает об этой практике. За стеклом его витрин хранятся посмертная маска Суворова, анатомические муляжи, произведения анатомической графики, банки с заспиртованными органами. В конце XVIII века анатомические театры стали уделом медиков и художников анатомической живописи, а на лекциях в зале Военно-медицинского музея сегодня проверяют крепость нервов абитуриенты медучилищ.

МАСКА-«РЫЛЬЦЕ» И БОРЬБА С ВОШЬЮ

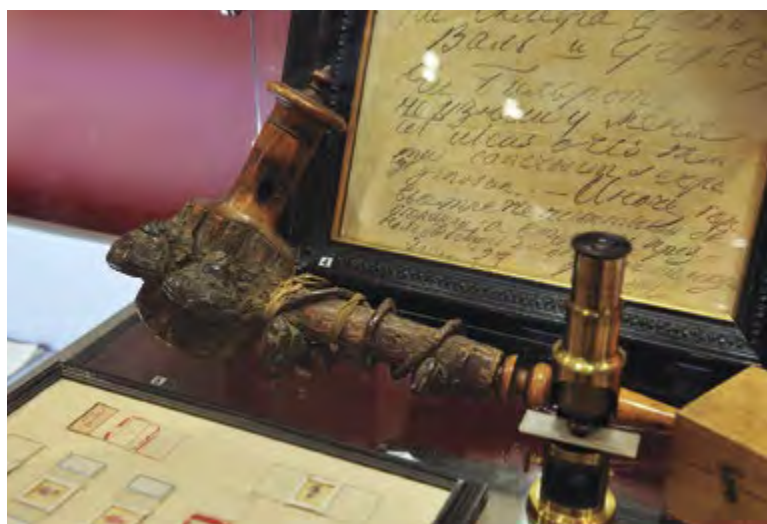
Военно-санитарный музей, объединяющий истории войн начала XX века, открывают экспонаты Русско-японской войны 1904–1905 годов: весы и бинт из госпиталя Порт-Артура, уникальный переносной рентгеновский аппарат, применявшийся на кораблях российского флота. Пожелтевшие полоски бумаги, украшенные прихотливым рисунком, это, оказывается, аптечная сигнатура – ярлыки на пузырьках и коробках с лекарствами. На сигнатуре писали на-

Зал
«Анатомический
театр»

звание и состав лекарства, время его приготовления, фамилии врача, выписавшего рецепт, аптекаря и пациента, а также режим приема и способ употребления препарата.

За стеклом витрины, посвященной истории Первой мировой войны, стоит манекен в нелепой маске, напоминающей клюв большой птицы. На самом деле перед нами попытка человека спастись от оружия массового поражения. На фронтах Первой мировой впервые были использованы отравляющие газы – иприт, хлор, фосген. Экспозиция демонстрирует эволюцию средств химической защиты. Сначала, пытаясь спастись от отравляющих газов, солдаты мочили портянки мочой и прикрывали ими лицо. Аммиак ослаблял действие хлора, но помогал слабо. Потом придумали ватно-марлевые повязки, пропитанные гипосульфитом натрия: 8 миллионов таких повязок в июле 1915 года поступило на фронт, но эффект от них тоже был невелик. Потом инженер Прокофьев придумал влажный противогаз – маску-«рыльце», представленную в витрине. В этой предтече современного противогаза «Клюв» заполнялся дезинфицирующими веществами.

Едва закончилась Первая мировая война, как Россия оказалась на пороге войны Гражданской. Днем рождения советской военной медицины принято считать 7 декабря 1917 года, когда Совнарком издал декрет о назначении коллегии врачей-большевиков для руководства Главным военно-санитарным управлением. На красной стене зала висит плакат: «Новая беда надвинулась – тифозная вошь». Красной армии надо было не только разгромить белогвардейцев, но и победить эпидемии. В складах белья заводилась платяная вошь – переносчик возбудителя сыпного тифа. Выступая на VII Всероссийском съезде Советов, Ленин закончил свою речь словами: «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей». Советская власть приняла более 100 декретов по борьбе с

Музей
Н.И. Пирогова.
Курительная
трубка, принадлежавшая
Н.И. Пирогову

эпидемиями. Но малограмотные крестьяне не могли их прочесть, так что власти прибегли к наглядной агитации, ведь смысл плаката был доступен любому. «Жил в казарме наш Неряшкин, мыться б мог – лень не дает. Мог бы в чистой быть рубашке, а сам всю ночь спину скребет», – незамысловатые строки и яркие рисунки объясняли солдату, как соблюдать гигиену и сохранить жизнь. В витринах можно разглядеть предметы медицинского быта Гражданской войны – корпию (нащипанные из старой льняной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал. – Прим. авт.), мох, который заменял солдатам вату, набор для исследования химического состава воды, наборы медицинских инструментов.

ФОТОГРАФИИ ПОБЕД И СКОРБИ

После окончания Гражданской войны советская военная медицина продолжала развиваться. В середине 1930-х годов академик Николай Николаевич Савицкий изобрел механокардиограф, позволяющий замерять параметры работы сердца. Под руководством профессора Владимира Игнатьевича Воячека на кафедре болезней уха, горла и носа Военно-медицинской академии проводились первые в нашей стране исследования в области авиационной медицины. Фотографии всех этих подвижников от медицины можно увидеть в музее.

Но дальше в залах висят иные снимки. Групповые фотографии, на которых лица вырезаны – это ученые и врачи, которые были расстреляны или сосланы в лагерь. Эта витрина – дань памяти начальнику Военно-санитарного управления РККА Михаилу Баранову, начальнику кафедры физиологической химии Военно-медицинской академии Михаилу Галвяло, специалисту в области тактики медицинской службы ученому-медику Павлу Тимофеевскому и тысячам других врачей, попавших в жернова репрессий 1930-х годов...

Военно-санитарный музей.
Лекарственные препараты начала XX века

В зале медицины локальных войн первой половины XX века рассказывается о боях на острове Хансан в 1937-м, на реке Халхин-Гол в 1938-м и советско-финляндской войне 1939–1940 годов. Здесь можно увидеть приспособления, помогавшие спасать раненных суровой северной зимой, – крытые сани, бронированные щитки для лыжников, сумку для собаки-санитара, химическую грелку.

А в Музее военно-медицинской службы Красной армии можно понять, как были устроены разные виды госпиталей – полевой госпиталь, медсанбат, санитарный

эвакогоспиталь. И увидеть, какими способами доставляли туда раненых солдат: волокушей, санитарной машиной, в том числе знаменитыми полуторками, санитарным катером, вагоном для тяжелораненых, санитарным поездом. Фотографии, документы, личные вещи, медицинские инструменты – становится понятно, как оказывалась помощь раненым и больным на различных этапах лечения, как жили и работали военные медики. Здесь же представлены 35 томов «Опыта советской медицины», изданные под руководством организатора музея Ефима Ивановича Смирнова. А вот фотография Лидии Филипповны Савченко, чей пиджак с медалью основательницы Международного Красного Креста Флоренс Найтингейл тоже является экспонатом музея. Старшина медицинской службы, операционная сестра 48-го медсанбата 85-й стрелковой Павловско-Пушкинской краснознаменной дивизии сумела вынести с поля боя в районе Пулковских высот 35 раненых бойцов и командиров, сама была тяжело ранена и отправлена в медсанбат. За храбрость и милосердие Лидия Филипповна была награждена орденом Отечественной войны первой

Военно-санитарный музей.
Маска влажная
Химического комитета
Главного артиллерийского управления
инженера
Прокофьева

степени, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги». Есть в Военно-медицинском музее еще одно место, которое никак нельзя пропустить. Скромная дорожка во дворе музея ведет к небольшому одноэтажному зданию. Когда-то здесь располагалась типография Военно-медицинского музея, теперь это один из залов музея, выделившийся в самостоятельный комплекс – «Медицина Великой Победы». Он объединяет Музей памяти жертв нацизма, экспозицию «Гуманное оружие Победы» и Музей блокадной медицины.

ДНЕВНИК ЗАЛМАНА ГРАДОВСКОГО

Созданный в 2019 году Музей памяти жертв нацизма рассказывает о роли Красной армии в освобождении Европы от фашизма. Собрать эту, самую большую в мире, коллекцию медицинских лагерных документов начали еще в 1944 году. После освобождения Красной армией концлагерей в них всегда входила санитарная разведка, а также медики и сотрудники Военно-медицинского музея – художники, репортеры, фотографы. Они и создавали коллекцию будущего музея.

Музей блокадной медицины.
Санитарный автомобиль ГАЗ-АА – легендарная полупортка

Первые предметы, документы и снимки передали музею из освобожденного Майданека.

В концлагерях помимо уставных медиков-немцев, следивших за степенью истощения заключенных, назначались медики из пленных. Иногда им выдавали скудный набор медикаментов, чаще – не давали ничего. И в таких нечеловеческих условиях они, совершая профессиональный подвиг, старались помогать другим узникам. Врачом детского блока в Освенциме была назначена Ольга Никитична Клименко. Вместе с другими пленниками Ольга Никитична передавала в детский барак еду, тайком приносила медикаменты.

Узники становились материалом для изощренных расовых экспериментов гитлеровских врачей. Например, нацисты-медики искали пути «исправить» внешность человека «неправильной» расы. Пытаясь изменить цвет радужной оболочки с карей на голубую, взрослым и детям впрыскивали в глаза химикаты. Люди теряли зрение и умирали в муках – сегодня эти чудовищные препараты лежат в витрине пестербургского музея.

Музейно-патриотический комплекс «Медицина Великой Победы». Модель санитарного вагона для тяжелораненых со станками НИИСИ-42

Один из уникальных экспонатов – записная книжка Залмана Градовского, участника зондеркоманды в Освенциме. В зондеркоманды набирали физически крепких пленных. В их задачи входило довести до крематория тела людей, умерщвленных в газовых камерах, а после выгрузить золу. Градовский смог организовать в концлагере восстание, узники подорвали несколько печей крематория. Сам Градовский погиб, но о происходившем в лагере успел рассказать в своем дневнике, который спрятал в металлической фляге. Найденный в Освенциме санитарными разведчиками дневник Градовского стал одной из улики на Нюрнбергском процессе, а потом – экспонатом Военно-медицинского музея.

САНИТАРНАЯ СОБАКА И СПЕЦСТАЦИОНАРЫ

Экспозиция зала «Гуманное оружие Победы» посвящена самоотверженному труду медиков на фронте и в тылу. В годы Великой Отечественной войны медработники спасли более 22 миллионов раненых и больных, из которых более 17 миллионов вернулись в строй. Здесь аптеч-

Музейно-патриотический комплекс «Медицина Великой Победы»

ки, с помощью которых медсестры и санинструкторы оказывали первую помощь: пехотная, танковая, самолетная. Они различались набором лекарств. В обычной аптечке полковой медсестры находились жгут, препараты для обеззараживания, перевязочные средства. Разыскивать раненых помогали санитарно-розыскные собаки. В сумках собак были необходимые медикаменты, чтобы человек мог самостоятельно оказать себе первую помощь: бинты, вода, немного еды, обезболивающее, антисептик. Если соба-

ка видела, что человек не может помочь себе сам, она брала в зубы висящую у нее на шее колодку и возвращалась к инструктору. Инструктор понимал, что собака нашла лежащего бойца, и следовал за ней. Важной на фронте была и работа санитарно-эпидемической службы. В экспозиции музея есть, например, набор санитарного разведчика. Когда солдаты занимали новый плацдарм, необходимо было проверить качество воды в колодцах и водоемах. С помощью средств санитарного разведчика мож-

Музейно-патриотический комплекс «Медицина Великой Победы». Муляж санитарной собаки

вивались цинга и пеллагра. Медики Ленинграда искали способы, как изготовить витаминные препараты из местного сырья. В городе работали витаминные заводы, которые производили препараты из дикорастущих растений. В витрине можно увидеть пузырек со знаменитым ленинградским «Настоем хвойным».

Еще одно направление работы ленинградских медиков – борьба с эпидемиями. Удивительно, но в Ленинграде во время блокады не было эпидемий. Случались локальные вспышки инфекционных заболеваний, но их быстро ликвидировали, что можно считать признаком высокого профессионализма и самоотверженной работы медицинской службы города. Была создана Особая противоэпидемическая экспедиция. Население было вакцинировано против дизентерии, брюшного тифа и других болезней.

Благодаря деятельности Научно-исследовательского института переливания крови и донорскому движению в Ленинграде за время войны удалось собрать около 144 тысяч литров крови. Это был гигантский показатель. Бывали дни, когда станциям переливания крови не удавалось выполнить необходимую норму – люди просто не могли дойти до пунктов переливания, потому что весь день звучала воздушная тревога. Тогда сотрудники станции сами сдавали кровь. В музее представлена настоящая блокадная кровь, которая досталась музею от Научно-исследовательского института переливания крови...

Чтобы завершить путешествие по Военно-медицинскому музею, стоит вернуться в его главное здание, в зал медицины локальных войн, который рассказывает о работе военных врачей в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Чечне, Сирии. Февраль 2022 года показал, что эта страница была не последней. Как и триста лет назад, когда в России появились войсковые лекари, военные медики продолжают спасать жизни русских солдат. 🇷🇺

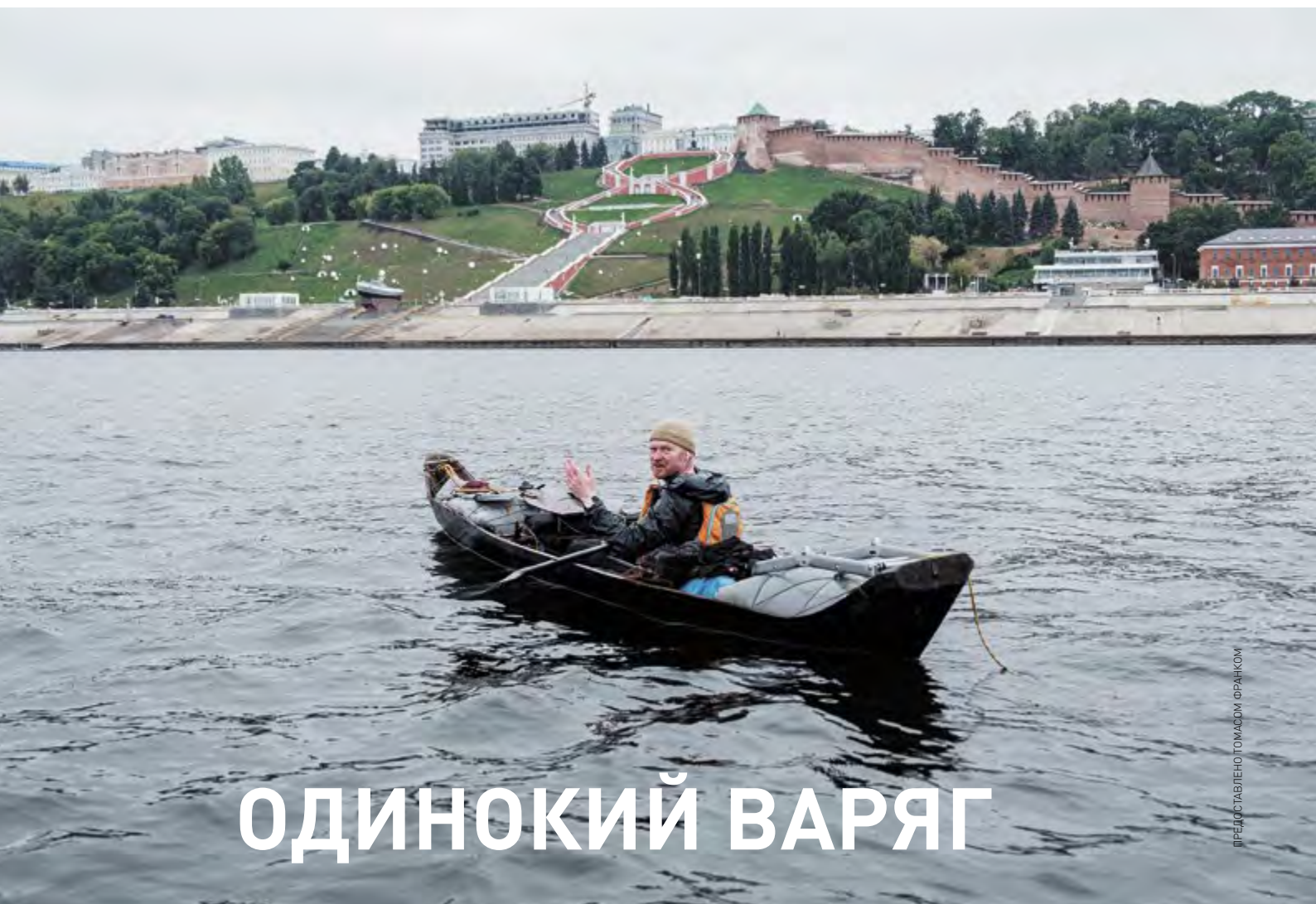
но было провести анализ воды и продезинфицировать ее. Если в местности, которую занимали советские войска, оставались местные жители, надо было проверить, не заражены ли они. Военно-медицинский музей отдает дань глубокого уважения и подвигу блокадных медиков. В Ленинграде была создана служба противовоздушной обороны, куда входила не только пожарная, но и медико-санитарная служба. Уже к сентябрю 1941 года, ко времени первых налетов на город, к ней было приписано 6 тысяч служащих. В музее можно увидеть сумку врача противовоздушной обороны, в витрине лежат настоящие осколки, которые в госпиталях города извлекали из тел ленинградцев. Но главным врагом ленинградских медиков стал голод. Уже в ноябре 1941 года были установлены минимальные нормы пайка: 250 граммов хлеба для рабочих, 125 граммов для остальных категорий. Конечно, этого было недостаточно. У многих ленинградцев развивалась алиментарная дистрофия, которая выражается не только в нарушении обмена веществ. Она затрагивает практически все системы ор-

ганизма, разрушая внутренние органы. И этот процесс очень тяжело остановить. Для борьбы с дистрофией в блокадном Ленинграде были созданы специальные стационары, куда госпитализировали людей на стадии крайнего истощения. Там оказывали терапевтическую помощь и выдавали дополнительные пайки. В музее представлен такой паек, в него входили галеты, какао, красное вино, яичный порошок и кетовая икра. Спутниками алиментарной дистрофии были авитаминозы. Из-за скудного питания у людей раз-

Музей медицины локальных войн рассказывает о вооруженных конфликтах конца XX – начала XXI века

Музей медицины локальных войн. Инсталляция напоминает о негласном девизе военных врачей

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

ОДИНОКИЙ ВАРЯГ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ДАТСКИЙ УЧЕНЫЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИК ТОМАС ФРАНК В ОДИНОЧКУ ПРОХОДИТ РЕЧНЫЕ МАРШРУТЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ. ПРЕОДОЛЕВАЯ НА МАЛЕНЬКИХ ЛОДКАХ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ, ОН ХОЧЕТ ДОКАЗАТЬ, ЧТО В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ТАКИЕ ПЛАВАНИЯ БЫЛИ ВОЗМОЖНЫ. МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С ТОМАСОМ ПОСЛЕ ЕГО ОЧЕРЕДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ВОЛГЕ, ТАК СКАЗАТЬ, «ИЗ ВАРЯГ В ПЕРСЫ».

ОБВЕТРЕННОЕ ЛИЦО, мозолистые руки, большой рюкзак, гермомешки... При встрече вид у Томаса был такой, будто он только вернулся с реки, не хватало лишь какого-нибудь плавсредства. Лодку путешественник

с собой не возит. Керженский ботник, выдолбленный из ствола осины, слишком тяжел. Завершив свою экспедицию в Астрахани, Томас отправил лодку на родину, сам же прилетел на несколько дней в Москву, где мы и встретились.

РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ

Томас Франк – личность весьма разносторонняя: путешественник, историк, философ, профессор университета города Орхуса, теолог и протестантский пастор.

Водные пути варягов он изучает уже 25 лет, пользуясь поддержкой датского Королевского географического общества, членом которого является. Последние семь лет путешествует по русским рекам, изучая связи Древней Руси со Скандинавией. Подход к научным исследованиям у Томаса широкий: он считает необходимым самостоятельно проверить теорию на практике.

«История взаимоотношений скандинавов с Русью в домонгольский период была преда-

Осмотр
долгожданного
ботника
в Нижнем
Новгороде

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

КАЯК ДО СТАМБУЛА ДОВЕДЕТ

Самая масштабная экспедиция Томаса Франка состоялась в 2017 году, когда он прошел путь «из варяг в греки» – из Старой Ладogi в Стамбул. Шел на обычной байдарке – каяке длиной 4 метра. То, что в древности на этом пути использовались только большие суда, Томас считает ненаучным стереотипом.

«В скандинавских источниках имеются сведения об использовании викингами (для Томаса Франка слово «викинг» синоним «варяга». – Прим. авт.) небольших лодок-долбленок, – говорит Томас. – С ними гораздо легче идти против течения, перетаскивать по земле волоком. На долбленках также перевозили товары, людей, рабов. С севера везли меха, обратно – серебро и золото».

Многие коллеги Томаса сомневались в реальности подобных плаваний по Черному морю. В ходе экспедиции путешественник на практике доказал эту возможность, на личном опыте узнал, сколько примерно вре-

на забвению, – рассказывает Томас, – часто она страдает от ложных представлений. Я считаю, что христианская культура и цивилизация пришли в Скандинавию не только из Италии и Византии, но и с Руси. На самом деле у нас было довольно много общего. Для меня как для теолога история Дании соединена с историей Церкви. Наши страны почти в одно время приняли христианство. Однако наша

протестантская традиция значительно разошлась с русским православием. Но для понимания времени, когда варяги совершали свои путешествия, необходимо принимать во внимание состояние древней Церкви. Для меня наши Церкви по-прежнему едины. Во время путешествия я захожу в русские храмы, ставлю свечи, молюсь святым. Хотя в нынешних датских церквях нет почитания святых, мне русские храмы близки по духу, мне нравятся ваши богослужения, песнопения».

Томас любит прогуляться по центру Москвы. Даже с большим рюкзаком

Маршруты экспедиций Томаса Франка в разные годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

мении требовалось варягам, чтобы дойти до «греков», где перетаскивать лодку из одной реки в другую. За 64 дня Томас преодолел 3500 километров. Из них самые трудные – первая тысяча километров против течения от Старой Ладogi до Смоленска. Черноморский участок прошел за 16 дней. Томас всегда путешествует один, такая у него принципиальная позиция. Делает он это главным образом для того, чтобы максимально включиться в местную жизнь. В одиночку невольно будешь больше общаться с местным населением, больше узнавать язык. Русский язык датчанину дается трудно, но сам по себе нравится. Знания у него обрывочные, связаны в первую очередь со словами, необходимыми в пути: узнать, где находится магазин, где поставить палатку, где воды питьевой взять. Ну, и за жизнь немного поговорить с местными жителями. Вопросы, которые задают Томасу, как правило, разнообразием не отличаются: спрашивают о семье, о детях. Где находится Дания, люди в большинстве своем знают, у россиян страна ассоциируется прежде всего с футболом.

ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР

На пути «из варяг в греки» датчанин использовал современную легкую лодку. А вот реконструировать «историческую реальность» ему удалось в последнем путешествии, «из варяг в персы». В эпоху викингов, уверен Томас, существовал короткий путь из Балтики на Волгу. Идею пройти по нему до Каспийского моря он вынашивал несколько лет.

«В России экспедицию сразу прозвали «из варяг в персы», – рассказывает Томас Франк. – Здесь, понятно, Каспийское море больше ассоциируется с Ираном. Мой маршрут предполагал путь еще дальше – из Каспия через Амударью в Самарканд. Есть упоминания о таких странствиях. Например, надпись на надгробии варяга, который погиб у Бухары. Есть сведения, что ходили и дальше – в Афганистан, но

АНТОН БЕЛОУСОВ

Выдалбливание
ботника в селе
Аристово

туда сейчас плыть опаснее, чем в Средневековье. В целом Волжский торговый путь сохранял важность для скандинавов до XI века. Мне удалось дойти только до Астрахани – экспедиция началась поздно, на большее времени не хватило».

В этом путешествии Томас впервые использовал аутентичную

лодку-долбленку, схожую с теми, на каких передвигались во времена Древней Руси. Это так называемый «керженский ботник», или просто «ботник», еще в конце XX века бывший в ходу в деревнях Нижегородской области. Томас был поражен, что в Поволжье до сих пор есть мастер, владеющий технологией изготовления ботника. Датчанин случайно наткнулся в Интернете на сюжет о Михаиле Напылове из села Аристово Семеновского района Нижегородской области. Томас побывал в Аристово и заказал лодку летом 2020 года.

Ботник выдалбливают из толстого ствола осины возрастом 130–150 лет, так что процесс изготовления занял несколько месяцев. Огромное дерево срубили зимой во время минимального сокращения и сразу же приступили к выдалбливанию. Томас был рад, что ему удалось в этом процессе поучаствовать. На Рождество в сильный мороз он специально приехал из Дании в Аристово познакомиться с наукой изготовления ботника. Исследователь обнаружил сходство с древней скандинавской долбленкой, в частности с лодкой IX века, найденной датскими археологами на острове Борнхольм.

С выходом на
Волгу на воде
стало гораздо
холоднее

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

Встреча с юными
мореплавателями
в яхт-клубе
в Астрахани

ПЯТЬ СЛОЕВ ДЕГТЯ

Весной Михаил Напылов замочил выдолбленную лодку, затем выгнул ее, «развел» борта, сделал шпангоуты. Ботник получился качественный, Томас остался доволен. Вот только пойти в экспедицию в 2020 году не получилось. В июле датчанин прилетел в Москву, но во въезде ему отказали из-за карантинных ограничений, связанных с эпидемией коронавируса. Путешественник обратился за поддержкой к своим друзьям в России. Добился официального приглашения Министерства культуры Нижнего Новгорода. Попастъ в Россию удалось лишь в первых числах августа 2021 года.

«4 августа в Нижнем Новгороде я погрузил ботник на грузовик и отправился в Старую Ладугу, — рассказывает Томас. — По дороге

мне пришлось спать в лодке. Так же поступали викинги, для них лодка была домом и родным существом. Пока ехали два дня до места, я почувствовал, что близко подружился со своим ботником. В Старой Ладуге я потратил пять дней на обработку лодки березовым дегтем. Хотелось, чтобы мой ботник полностью соответствовал древней технологии — так обрабатывали лодки и на Руси, и в Скандинавии. Покрыв лодку пятью слоями дегтя. Важно было проверить, насколько такая обработка способна защитить ботник от протекания при длительном плавании». Для плавания Томас использовал современное байдарочное весло. В Средневековье в основном использовали весла как для каноэ, хотя есть версия, что и двустороннее байдароч-

ное тоже применялось. У Томаса выбора не было: ему предстояло грести в одиночку. А лодка тяжелая, не то что современные каяки, которые Томас использовал в предыдущих путешествиях. На старте ботник весил около 40 килограммов. Хотя в целом покрытие дегтем себя оправдало, в пути ботник естественным образом намокал, как от контакта с водой, так и от дождей, набирая вес до 60 килограммов. Как, спрашивается, такую тяжелую лодку обносить по земле через препятствия, которые непременно встречаются на реке? Датчанин смастерил небольшую коляску, с помощью которой катил ботник по земле: один край ставил на коляску, другой — поднимал руками и так передвигал лодку.

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

Путь до Волги получился не близкий: из Волхова в Ладожское озеро, затем через реки Сясь, Тихвинка, Соминка, Чагода, Молога.

«Первые четыре дня экспедиции были самые сложные, — продолжает Томас, — думал даже повернуть назад. Из Ладоги шел около 200 километров против течения. Местами течения там бурные, перекаты, пороги, сильный ветер, петляющее русло. При этом крутые берега — у воды невозможно идти и тянуть за собой лодку, как поступают в таких случаях. Лодка билась о валуны, застревала в камнях. Для преодоления препятствий иногда можно было использовать весло, но чаще я толкал лодку или тащил на себе. То гребу, то прыгаю в воду и тащу лодку. Бывало, проводил ботник, стоя по шею в воде.

Погода стояла холодная, по утрам температура опускалась до 0 градусов. У меня с собой имелась спецодежда для таких случаев, но все равно было очень тяжело. Надеялся только на Бога. И вот на берегу мне встретился рыбак. Я спросил его: стоит ли продолжать путь, что там дальше? Он ответил очень спокойно и уверен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

но: просто продолжай идти, все будет хорошо. Рыбака звали Николай. Я подумал: это знак. Николай Чудотворец – покровитель путешественников, в Дании его не знают, но я молюсь ему как своему небесному покровителю.

Возвращаться по течению было еще опаснее – разбить лодку о камни ничего не стоит. Кроме того, многим моим друзьям и в России, и в Дании понравилась идея экспедиции. Если я поверну назад, они будут расстроены, спросят: Томас, почему ты не прошел этот путь? Так я лежал и размышлял в палатке в самый трудный день. Думал о Николае – о встреченном рыбаке – и о святом покровителе. Я почувствовал, что пережил духовный опыт, появились силы и желание идти дальше. Были еще проблемы со здоровьем: простуда, травма колена. Необходимые медикаменты у меня были с собой, справился. Хотя колено до сих пор болит, нужно будет еще восстанавливаться».

НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС

На Волге Томас решил сократить плавание – участок от Болгара до Волгограда он преодолел на грузовике. Таким образом он объехал плотины и электростанции, а также самые измененные человеком участки реки, которые датчанину были менее интересны. А вот на встречи с исследователями Томас времени не жалел. С учеными, музейными работниками, археологами он встречался в Старой Ладоге, Ярославле, Казани, Волгограде, Астрахани.

«Меня очень порадовал живой интерес российских исследователей к моему путешествию, – говорит датчанин. – Также я был впечатлен их знаниями по истории древнерусских речных путей, много интересного узнал. Отрадно, что у нас много общего в понимании нашей древней истории. Взаимоотношения тогда не ограничивались торговлей. Сейчас уже научно доказано, что не только варяги переселялись на Русь, но еще до того, в эпоху бронзы, были крупные мигра-

ции с Волги на север, в частности населения из нынешних самарских степей. ДНК-следы этой миграции обнаруживаются у современных скандинавов.

Для многих коллег в России удивительно, что викинги путешествовали на таких маленьких лодках, как мой ботник. Я основываюсь на византийском источнике 950 года, где говорится о плавании викингов на небольших лодках, вероятно, именно долбленках. В Дании мы находим схожие с ботником лодки, возраст которых около 2 тысяч лет. Один из крупнейших ученых Дании, занимавшийся эпохой викингов, Адольф Стендер-Петерсен, считал, что именно такие долбленки использовались на пути «из варяг в греки». Конечно, все зависело от целей плавания – на ботниках коней не увезешь. На своем опыте я убедился, что эта лодка хорошо справляется с волной и ветрами. В море на нее ставили парус. Само собой, по одному на таких долбленках не путешествовали, шли группами».

Томас разворачивает лагерь на берегу за считанные минуты

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«РЕКА – ЧАСТЬ МЕНЯ»

Томас Франк не боится проходить тысячи километров по реке в одиночку. У него соответствующая подготовка, он увлекается греблей с детства.

«Река – это часть меня, – продолжает Томас, – я путешествую по рекам в каждый отпуск в университете. Моей жене это не особенно нравится. Константина поддерживает меня тем, что заботится о детях, пока я в пути. Но говорит, что длительная экспедиция в одиночку – это плохая идея, что это опасно, я могу погибнуть на реке. Я отвечаю, что призываю Бога – как в древности, когда мореплаватели жили с Богом, чувствовали его присутствие в жизни. И о своем участии в собственной судьбе не забываю, готовлюсь к дальним странствиям. Правда, в мои 52 года чувствую, что силы уже не те. Наверное, в 2017 году я в последний раз прошел длинный маршрут «из варяг в греки» быстро, был потенциал. Теперь лучший способ путешествовать для меня иной: идти не спеша, встречаться с людьми, общаться. И не только с моими давними друзьями – короткие встречи на реке тоже интересны. В России у меня никогда проблем с местными не возникало.

Наоборот, многие предлагают помощь, рыбаки угощают рыбой, приглашают в гости, на обед, на ночлег. В небольшом селе Катунки мне целый прием устроили с участием главы администрации и священника. Правда, я не всегда могу принять приглашение из-за усталости. Я ведь гребу целый день. Вечером быстро меняю мокрую одежду, грею на газе специальное питание и ложусь спать. Перед восходом встаю, завтракаю, убираю палатку и снова за весло на целый день. В тече-

Только закончилось путешествие, Томас уже полон новых идей

Датчанин уверен: и на таких лодках варяги перевозили много товаров

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОМАСОМ ФРАНКОМ

ние дня съедаю много шоколада, чтобы поддержать силы. А рыбу из реки я вообще никогда не употребляю. В пути придерживаюсь строгости в питании, стараюсь не рисковать здоровьем понапрасну. Везу с собой бутилированную воду, покупаю ее в магазинах по пути. За все время плавания всего два раза брал воду из родника, добавляя в нее очищающие таблетки. В этом смысле я далек от викингов – те пили воду из реки, ели много рыбы».

СТРАНА РЕЧНЫХ ПУТЕЙ

Так, «не торопясь», Томас преодолел на ботнике более 2 тысяч километров и 24 сентября причалил в Астрахани. Первым делом пошел в церковь поблагодарить святителя Николая за благополучное путешествие. Супруга и четверо детей с нетерпением ждали Томаса дома. Но путешественник не смог отказаться от встречи с коллегами-исследователями в Москве и Петербурге. Нужно было еще отправить ботник из Астрахани на родину. В 2022 году Морской музей города Орхуса открывает большую выставку «Путешествие на восток». Томас – один из участников выставки, его лодка станет гвоздем экспозиции.

«Ботник нужно было отправлять оперативно, – рассказывает путешественник, – но формальности заняли два дня. В последнюю ночь, пока оформлял груз в карго, спал рядом с лодкой. Пройдя такой путь, я в самом деле сроднился с ней. Точно как варяг. Для людей тех лет лодка была не просто другом, она имела сакральное значение, в ней даже погребальные обряды совершали. Получается, лодка – объект теологии. И в дальнейшем в истории христианской цивилизации лодка стала одним из важных символов. В этом путешествии соединились все мои интересы: география, история, теология, кораблестроение, водные маршруты...

Теперь на уме еще не пройденные пути: Дон, Десна, Северная Двина... Здесь есть где развернуться, для меня Россия – страна речных путей». ■

АНДРЕЙ СЕМАШКО

СЕСТРЫ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ИНОГДА СУДЬБА ЛЮДЕЙ СКЛАДЫВАЕТСЯ ТАК, ЧТО ЕЕ ПОВОРОТЫ КАЖУТСЯ ИЗБЫТОЧНЫМИ ДАЖЕ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА. ИСТОРИЯ ДВОЮРОДНЫХ СЕСТЕР МАНШТЕЙН – АНАСТАСИИ ШИРИНСКОЙ И АЛЛЫ СЕРЕБРЯННИКОВОЙ – КАЖЕТСЯ СОШЕДШЕЙ СО СТРАНИЦ РОМАНА АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ».

СТАРШАЯ, АНАСТАСИЯ, ДОЧЬ МОРСКОГО ОФИЦЕРА ИЗ Кронштадта, провела детство в усадьбе Рубежное под Лисичанском. Эвакуировалась с армией Врангеля из Крыма в 1920 году, попала вместе с Русской эскадрой в тунисскую Бизерту, всю жизнь прожила в эмиграции, отказалась от иностранного паспорта, чтобы в 90 лет получить российский. Она была последней хранительницей памяти о Русской эскадре Бизерты.

Алла, внучка действительно статского советника и дочь ветерана Великой Отечественной войны, пережила ад блокады Ленинграда, эвакуацию через Ладожское озеро в башкирские степи и леса Коми, стала преподавателем Ленинградского университета и ли-

тературным переводчиком с французского. Хитросплетения биографий нескольких породнившихся между собой семей погружают нас в историю русского XX века. Рваную, пульсирующую, где переплетены любовь и лишения, счастье и горе.

ИЗ ОДНОГО КОРНЯ

Возможно, их род берет начало от прусского генерал-майора на русской службе Христофора Германа фон Манштейна. Так полагала Анастасия Александровна. Но младшая сестра сомневается в этой версии, предложенной старшей: «Аста – так мы в семье звали Анастасию, – когда писала книгу («Бизерта. Последняя стоянка». – Прим. авт.), не имела доступа к советским архивам. Она искала родственные связи, ей нравилось надеяться, что «наши» Манштейны – далекие родственники автора известных «Записок о России. 1727–1744». Однако род Христофора Манштейна в то время уже был дворянским, а нашим прямым предкам дворянство было пожаловано в России только в мае 1858 года».

Алла Юрьевна считает, что русские Манштейны были из волжских немцев. Прапрадед сестер Иван Иванович принял православие, стал головой Рыбинска, где и похоронен. Семья его сына осталась жить на Волге, там и родился Сергей Андреевич Манштейн – общий дед Аллы и Анастасии. Сергей Андреевич был

известным филологом, российским студентам гуманитарных факультетов были известны его учебники по древнегреческому и латыни. Это был классический кабинетный ученый. Однако, как говорили в семье, «когда Сергей Андреевич поднимает голову от письменного стола, он видит перед собою очередную женщину». От двух жен и одной внебрачной связи Сергей Андреевич имел шесть сыновей и дочь. Потому бабушки у Аллы Юрьевны и Анастасии Александровны разные, а дед – один. Отец Анастасии – самый старший из его сыновей, отец Аллы – самый младший, поэтому между сестрами разница в 24 года.

ОТ РУБЕЖНОГО ДО БИЗЕРТЫ

Анастасия Александровна Манштейн родилась 23 августа 1912 года на юге России – в Рубежном, родовом имении своих предков. Потом семья жила на Балтике, переезжала из порта в порт, но Анастасия всегда знала, что летом вернется в Рубежное, где все знакомо и все свое. Имение Рубежное было заложено в конце XVIII века, когда в урочище Лисичья Балка нашли месторождение угля. Усадьба передавалась по наследству, пока ее владелицей не стала

мать Анастасии. «Рубежное навсегда останется для меня Россией – той, которую я люблю: белый дом с колоннами и множеством окон, открывающихся в парк, запах сирени и черемухи, песнь соловья и хор лягушек, поднимающийся с Донца в тихие летние вечера. На старых фотографиях дом все еще живет своей мирной жизнью XIX века, которой не коснулись потрясения XX; тихая жизнь, которую я еще застала», – вспоминала Анастасия Александровна. Ее отец, Александр Сергеевич Манштейн, окончил Морской корпус в Санкт-Петербурге и весной 1909 года начал службу во флоте. Вскоре он был переведен на Балтийский флот – сначала в Кронштадт, затем в Ревель. В годы Первой миро-

Анастасия Манштейн (Ширинская), юная дочь капитана эсминца «Жаркий», станет хранительницей памяти о русской Бизерте. Прожив 97 лет, до конца своих дней она не признает никакого иного гражданства, кроме российского

Уход Русской эскадры из Крыма

вой войны Анастасию мало интересовали трудности повседневной жизни: «У меня так и осталось воспоминание, что в первую войну всего было вдвое, а во вторую – всего не хватало». Но Февральская революция полностью изменила судьбу семьи Манштейн. «Жизнь моя состоит из двух частей: до 1917 года и после», – признавалась Анастасия Александровна. 25 октября они с матерью успели на последний поезд: «Долго еще билось сердце, и в ушах звенел шум разбиваемого стекла: это выбивали вокзальные окна. В тот день мы покинули Петроград – мамин Петербург – навсегда...»

Семья переехала в Рубежное. Только там Манштейны снова почувствовали себя в безопасности. И хотя имение уже было разграблено, весна 1918 года прошла здесь сравнительно спокойно. В марте, после Брест-Литовского мирного договора, немцы заняли Донбасс. В Рубежном появились немецкие солдаты. Но осенью 1918 года фронт вновь приблизился к усадьбе. Александр Сергеевич Манштейн, присоединившись к Белому движению, вывез семью в Новороссийск, где возрождался пострадавший от войны и революций российский флот. Однако весной 1920 года Красная армия взяла под контроль почти весь Кавказ, последним оплотом Белого движения оставался Крым, куда переехала семья Манштейн. В ноябре того же года началась эвакуация из Севастополя – Русский исход. «Вспоминая об этих последних севастопольских днях, я, как на большой картине, вижу толпы людей, куда-то озабоченно стремящихся. Но не помню ни паники, ни страха. Может быть, оттого, что мама умела в самые драматические минуты сохранять и передавать нам, детям, свое спокойствие», – рассказывала Анастасия Александровна. Путь Русской эскадры лежал в Константинополь. «После бурных ночей Черного моря бухта

Мода при входе в Мраморное море представилась неожиданной картиной спокойных глубоких вод, залитых солнцем. Оживленный, многонациональный восточный город, блестящие военные мундиры, элегантные туалеты на террасах Перы и Галаты, все посольства, эскадры французская, английская, американская – все в водах Босфора и рядом столько нищеты!» – вспоминала Анастасия Ширинская.

Вскоре стало известно, что русская Добровольческая армия будет размещена в Галлиполи, донские казаки – в Чатаалдже около Константинополя, кубанцы – на Лемносе. Турция, Сербия, Болгария, Румыния и Греция были готовы принять гражданское население. Оставался флот. Совет министров Франции согласился 1 декабря направить Черноморский флот в тунисскую Бизерту. «Рано утром 23 декабря 1920 года пароход «Великий князь Константин» вошел в Бизертский порт. Мы стояли на палубе и смотрели на маленький, чистенький, живописный и спокойный город, европейской части которого было только 25 лет. Некоторые из нас состарятся с этим городом...». В тот момент Анастасии было всего 8 лет.

В 1924–1925 годах в Тунисе находилось 700 русских эмигрантов, 149 из них обосновались в Бизерте. К 1992 году в живых из них осталась только Анастасия Ширинская-Манштейн.

Один за другим умирали обитатели русской Бизерты. Их наследники оставляли семейные архивы Анастасии Александровне. Ширинская ухаживала за могилами русских моряков на православной части кладбища Боржель. Анастасия Александровна ушла из жизни в декабре 2009 года. А в 2011-м в городе, в самом начале авеню Мухаммеда, появилась площадь Анастасии Ширинской, на которой под знойным африканским солнцем стоит русский православный храм с глубокими, как море, куполами...

Алла Манштейн (Серебрянникова) по-прежнему живет на Петроградской стороне, где в конце XIX века построил дом ее прадед

ДЕВОЧКА ЛЕНИНГРАДА

Все близкие Аллы Юрьевны родились в Петербурге и жили в Ленинграде. Как и старшая сестра, Алла Юрьевна ведет историю своей семьи с родословной отца. Точнее, его отчима – князя Николая Семеновича Цулукидзе, неродного по крови, но самого любимого «деда Ники». Николай Семенович был сыном генерала от артиллерии Ростислава Августовича Дурляхова. Но носил фамилию и отчество бывшего мужа своей матери – ревнивый кавказский князь Семен Цулукидзе так и не дал официального развода сбежавшей жене.

Жил Ростислав Дурляхов почти там же, где и сейчас живет Алла Юрьевна, – на Петроградской стороне. Дурляхов вместе со своим сослуживцем построил четырехэтажный дом с флигелем во дворе. «Помню последний кабинет Ростислава Августовича в этой квартире – медвежью шкуру на полу, книжные полки вдоль коридора, громадный старинный диван», – вспоминает Алла Юрьевна. Прадед сразу принял революцию. «Это – навечно, и это справедливо», – сказал он сыну.

У Николая Цулукидзе было прекрасное музыкальное образование, а в 1908 году он окончил юридический факультет Петербургского университета. Именно он отбил у Сергея Манштейна жену – будущую бабушку Аллы Юрьевны. Во флигель своего дома генерал Дурляхов

пускал постояльцев. И однажды сдал его Сергею Манштейну и его молодой жене Надежде Александровне с детьми. Зимой во дворе дома, как обычно, залили каток. И дочь Дурляхова, Ксения, случайно толкнула на катке маленького Левушку Манштейна. Николай побежал извиняться за сестру перед молодой женой Манштейна. Он еще раньше искал повода познакомиться с ней – ему очень понравилась новая жилища. Начался долгий роман. Николай Семенович очень ревновал Надежду Александровну к ее мужу. Жить они продолжали по соседству, даже вместе ездили на дачу. В какой-то момент Николай Семенович узнал, что Сергей Андреевич Манштейн собрался в командировку за границу. Значит, будет нежное прощание супругов. Вынести этих воображаемых картин Николай Семенович не мог. Он пошел на кладбище, лег на могильную плиту и решил застрелиться. Но в тот момент, когда он спускал курок, заржала лошадь. У Николая Семеновича дрогнула рука, и вместо сердца он попал в легкое. «Деда Ники» потом рассказывал внучке: «Я лежу и понимаю, что если мне придется о себе сообщить, то будет скандал, я скомпрометирую женщину». В итоге он выполз с кладбища, доехал на пролетке до дома и потом до 96 лет прожил с пулей в легких. Из-за этого ранения он не был призван на Первую

Построенный в память о Русской эскадре храма Александра Невского в Бизерте стоит сегодня на площади им. Анастасии Ширинской

мировую войну, а на Вторую – уже по возрасту.

На следующий день после инцидента к нему пришел Сергей Андреевич Манштейн и сказал: «Дорогой мой, не переживайте. Я завтра же съезжаю с квартиры». Манштейн действительно уехал и оставил Ники жену с пятью детьми, в том числе с полуторогодовалым Юрием, будущим отцом Аллы.

Великая Отечественная война застала шестилетнюю Аллу в Ленинграде. Блокада началась 8 сентября 1941 года. Алла Юрьевна помнит, как это было: бомбежка загнала ее с мамой, Галиной Павловной, в бомбоубежище. Через несколько часов они вышли – вечер, а еще светло: это горели продовольственные Бадаевские склады. Примерно до октября 1941-го иногда на хлебные карточки еще можно было даже получить пирожные. А потом начался голод. «Мама нашла спекулянтку, которая торговала хлебом, – рассказывает Алла Юрьевна. – За обручальное кольцо тогда давали полбуханки хлеба. Был комендантский час, и, если бы в сумке обнаружили больше нормы хлеба, могли расстрелять на месте. По-

этому мама, если ходила менять вещи на хлеб, брала меня с собой – женщина с ребенком меньше привлекала внимания». Как-то Галина Павловна навестила свою дальнюю родственницу, которая, как и ее пожилая мать, уже не вставала с кровати. Галина Павловна рассказала им, что есть спекулянтка, которая меняет вещи и золото на хлеб. Родственница отказалась: «За обручальное кольцо – всего полбуханки хлеба!» В ту же ночь она и ее мать скончались от голода. В квартире осталась девятилетняя Инга, для близких – Гуля. Отец Аллы, Юрий Сергеевич, устроил Гулю в стационар Института восстановления трудоспособности физически дефективных детей им. профессора Г.И. Турнера, в котором он работал до и после войны. Когда врачи сняли с Гули шерстяные чулки – в блокаду все спали не раздеваясь, – у нее одна ступня отвалилась, а на второй отпали пальцы. У девочки была гангрена. Всю свою жизнь Гуля боролась с последствиями блокады, говорит Алла Юрьевна.

В том же самом стационаре лежал и двенадцатилетний брат Аллы Юрьевны, Кирилл. Но вра-

чи не смогли его спасти: из-за голода у мальчика развился скоротечный туберкулез желудка. Стационар при Институте Турнера был одним из тех, что создали во время блокады для тяжелых дистрофиков. В них три раза в день выдавали горячую похлебку, попасть туда было не просто, но это давало шанс на выживание. Кирилл два раза лежал в таком стационаре. Алла, ее младший брат, Андрей, и их дедушка тоже один раз были помещены в такой стационар. Кирилл попал туда раньше всех, и, когда через пару дней там оказались остальные, он, плача, пришел к деду и Алле в палату. Оказалось, он был в теплой палате, а привезли кого-то из «партийных», и прежних постояльцев переселили в холодную палату. А ночью в теплую палату попал снаряд, и, когда утром дед вывел внуков погулять во двор, трупы погибших уже складывали в грузовик.

Самое страшное время для семьи продолжалось до марта 1942 года. Призванный в армию отец зимой был в резерве. Воинская часть Юрия Манштейна находилась в казарме возле храма Спаса на Крови. Солдат кормили чуть лучше, чем население. Галина Манштейн в то время уже не работала, у нее на руках оставались трое детей и четверо стариков. Это означало, что жили они только на карточки иждивенцев и детские карточки. Нормы пайков, которые по ним выдавали, были разные, к тому же постоянно уменьшались. Иждивенцы получали всего по 200 граммов хлеба. Но Галина Павловна, хотя у нее тоже развилась дистрофия, два-три раза в неделю сдавала кровь – ведь в Институте переливания крови доноров кормили. За ними, конечно, следили, чтобы они съедали все на месте, но они умудрялись что-то сунуть в карман и принести домой. Также им полагался небольшой добавочный паек. Отец Аллы тоже сдавал кровь, хотя у него развивалась цинга.

В память девочки врезался еще один эпизод. На Новый год отец Аллы принес пол-литровую баночку бобов. Оказалось, он откладывал столовую ложку еды из своего ежедневного пайка в казарме и морозил этот «запас» за окном. А накануне праздника вместе с этими бобами принес домой и еще какую-то маленькую баночку. Выяснилось, что молодой сослуживец Юрия Манштейна спросил его, почему тот откладывает бобы. Отец объяснил: у него дома дети. Когда он приносит бобы, они радуются, кричат: «Бобики! Бобики!» И этот сослуживец, имени которого Алла Юрьевна так и не узнала, тоже стал откладывать из своего пайка по столовой ложке бобов и прислал их Алле и ее братьям на Новый год...

ХРЯПА И ПРОШЛОГОДНИЕ КОНФЕТЫ

В марте 1942-го Юрия Сергеевича перевели из резерва в действующую армию, в штаб генерала танковых войск В.И. Баранова. Там выдавали «хряпу». Когда капустные кочаны срезают, на поле остаются самые жесткие, грубые листья, которые обычно скормливают скоту. Если их приготовить как квашеную капусту, это и будет «хряпой». Эта «хряпа» за неделю вылечила у отца Аллы цингу.

«В Ленинград мы вернулись только в июне 1945-го, уже когда кончилась война. Первую, самую страшную зиму, 1941/42 года, мы оставались в блокадном городе. Но у меня не было впечатления, что мы забыты миром. Радио работало все время, Ольга Берггольд выступала. А если не было передач, то постоянно отмерял минуты метроном. Даже ночью. Просыпаешься, а он стучит ускоренно – значит, тревога. А если медленно, то все спокойно», – вспоминает Алла Юрьевна.

А еще на Новый, 1942 год в дома минут на двадцать дали электричество. Слабое, еле-еле лампочка теплилась, но оно было! Достали елочные игрушки, и там

оказались конфеты, которые в прошлом году показались невкусными, и потому их повесили на елку. «Вдруг в ночь на Новый год в голодном Ленинграде появляются настоящие конфеты. Представляете?!» – говорит Алла Юрьевна.

Январь 1942 года был снежным и очень холодным. Морозы доходили до минус 40 градусов. Люди ходили по траншеям, которые постепенно вытаптывались в снегу. Сугробы были выше детского роста. Ходили через Неву, по льду, потому что так было короче. К тому же мосты обстреливались, там негде было укрыться. И вот январским утром они с мамой, рассказывает Алла Юрьевна, шли через Неву, подходили к стрелке Васильевского острова, к Бирже. И начался обстрел. Но они продолжали идти. Когда подошли к берегу, обстрел закончился. Перед ними была Биржа, знаменитая лестница, а по бокам – гранитные углубления, «карманы». В одном из них прятались от обстрела несколько человек. Туда попал снаряд, и, когда Алла с мамой проходили мимо, прятавшиеся там люди были уже мертвы. «Представляете, солнечный день, искрящийся снег, и на этом снегу – женщина в распахнутой меховой шубе истекает дымящейся на морозе кровью...» – вспоминает Алла Юрьевна. – Подобное не вызывало у меня ужаса. Кругом все говорят о смерти, а дети просто живут и все видят. Запоминают... Помню, я хотела есть, но как именно – не помню. Само чувство голода – забылось. Но очень долго сохранялся так называемый психический голод. Особенно у взрослых и пожилых. Я и сама до сих пор ни хлеб, ни другую пищу не выбрасываю. Собираю крошки и остатки и отдаю птицам и бездомным животным».

Юрий Манштейн был командиром отряда по эвакуации танков с поля боя. Танки грузили на платформы и везли на ремонт в тыл. Как-то раз поздней осенью 1942 года солдаты наш-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ли на Невском пятачке целый немецкий танк. Это было в болотах недалеко от Мги. Танк сошел с гати одним траком и завяз. Юрий Сергеевич доложил о находке в штаб и получил нагоняй: «вместо того, чтобы разглядывать вражескую технику, занимаетесь эвакуацией своей». Манштейн и его солдаты не стали вытаскивать танк, раз он не представлял для командования интереса. Вдруг через две недели Юрий Сергеевич получает приказ: немедленно доставить странный танк на полигон. Там новую технику тщательно изучили, а главное, расстреляли из орудий, чтобы проверить прочность лобовой брони. Оказалось, это был новый немецкий танк, «тигр».

«Отец, как и все, кто воевал, скупко рассказывал о войне. Он го-

Внутреннее достоинство и чувство жизни как великого дара Алла Юрьевна сумела сохранить в себе, несмотря на все испытания

ворил, что не побывавшие на фронте никогда до конца не поймут всего ужаса, грязи и крови. Но все, что я от него услышала, я свято храню в памяти», – говорит Алла Юрьевна.

В июне 1942 года город начали готовить к уличным боям. Семье надо было уезжать. Чемоданы брать с собой было нельзя, только тюки: вещи заворачивали в клеенку, обвязывали веревками, надписывали химическими карандашами, пришивали белые тряпочки с адресами и именами владельцев. Пока Манштейны эвакуировались, один из их тюков перепутали, и им вместо их вещей достались польские католические принадлежности, в том числе красивое нагрудное украшение с изображением Богородицы на перламутре и серебряный крест с распятием.

Семью эвакуировали в Башкирию. Переправлялись через Ладожское озеро. Алла Юрьевна помнит обстрел с самолета, фонтанчики воды от пуль вокруг катера. На другом берегу беженцев погрузили в теплушки. Алла потеряла счет времени. Уехали они, вероятно, в июле (на организацию эвакуации ушел месяц) и только в конце сентября добрались до Башкирии. От отца с фронта не было вестей – ни телеграмм, ни писем. Это имело для семьи большое значение. Если солдат пропал без вести, возникает подозрение, что он сдался или перешел на сторону врага. Тогда с семьи снимали литер – денежное довольствие за военнослужащего.

В Башкирии все было чудовищно дорого, вспоминает Алла Юрьевна. Две дюжины связанных веревочкой серебряных ложечек для кофе оказались никому не нужны, зато старые галоши ценились на вес золота. «Мама поняла, что здесь одной, без работы, которой практически не предвиделось, ей с нами не прожить. Она списалась с младшей бабушкиной сестрой, Варварой Герасимовной Каффка, которая была замужем за бывшим царским офицером,

репрессированным и сосланным в 1930-х годах в Коми. Он оказался достаточно прозорлив, чтобы не возвращаться в Ленинград, остался в Коми и работал по лесному хозяйству. И мама решила, что в Коми немцы, наверное, пойдут в последнюю очередь – там ничего в то время не было для них интересного. И мы отправились на север».

Сначала шли на судах – по рекам Белой, Каме, Чусовой. На причале Айкино их высадили на дебаркадер, и Галина Павловна никак не могла добиться, чтобы семье дали какое-нибудь жилое помещение. Солженицын писал, что при пересылке поздней осенью заключенные жили в Айкине в палатках и два раза в день получали горячую пищу. А семья Манштейн в Айкине неделю жила поздней осенью на дебаркадере, ночуя на тюках и не получая ничего.

Мама Аллы Юрьевны пыталась снять угол в избе. Их не пускали ни в один дом. Но мать продолжала биться, ведь она защищала своих двоих выживших в блокаду детей и трех стариков: свою мать и родителей мужа. Она пыталась покупать у местных пищу. В какой-то избе старуха сказала, что уже давно не получает писем с фронта от сына. И Галина Павловна, которая всю жизнь ненавидела карты, предложила этой женщине погадать. Потом сказала: «Ваш сын жив. Похоже, он лежит в госпитале». На следующий день пришло письмо: сын этой женщины действительно лежал в госпитале. «Нас пустили в дом, и к маме началось паломничество. Все приходили, просили погадать и приносили пару яиц или кружку молока. А мама, конечно же, не умела гадать, – говорит Алла Юрьевна. – И в какой-то момент она стала бояться, что ее арестуют за мошенничество».

Но тут морозы усилились, река стала. Пора было двигаться дальше на север – на шестерых им дали пару саней. Но прикомандированные к блокадникам возницы никак не могли дого-

вориться между собой. «Местные люди были очень честные – там замки на дверях никогда не висели, но абсолютно равнодушные, – вспоминает Алла Юрьевна. – Кто там от чего умирает за порогом, им было совершенно безразлично». Первая возница повезла детей и мать. На вторых санях были старики – возница провезла их некоторое время, а потом сказала: «Лошади тяжело, идите пешком». Двоих скинула в снег и уехала с одной, самой слабой, «бабой Диной». Стоял ноябрь, темно, лес, и двое стариков-дистрофиков продолжали путь пешком. От усталости они уже были готовы лечь в снег, когда вдруг издали услышали слабый зов – Галина Павловна холодной северной ночью отправилась искать своих родных. В конце концов семья добралась до Сыктывкара. Там Галине Павловне удалось получить работу заведующей столовой кирпичного завода. «Заведующая столовой» для блокадников звучало как «санаторий», хотя до кирпичного завода и нужно было идти 3 километра по заснеженному пустому полю...

«Я влюбилась в северную природу! – Восхищение севером переполняет Аллу Юрьевну. – Мы жили на кирпичном заводе, и дети имели полную свободу. Мы ходили в тайгу, лазали по оврагам. Никогда не забуду и ни с чем не смогу сравнить это буйство жизни, которое начинается весной на севере. Сначала пахнет земля, потом пахнет кора деревьев и кустов, а потом зацветают цветы».

«...Я считаю, что у меня была очень счастливая жизнь, – подводит итог своим воспоминаниям моя собеседница, – потому что, несмотря на все трудности, я осталась жива. Отец вернулся с войны живым, и родители жили до глубокой старости. У меня была любимая работа и прекрасный муж. Я много путешествовала. У меня есть друзья. Со своего – не самого легкого – детства я была избалована людской любовью...».

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПО ЗЕМЛЕ БОСИКОМ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ОН ГОВОРИТ БЫСТРО, СЛОВНО СПЕШИТ, ЕМУ НЕ ХВАТАЕТ ВРЕМЕНИ. НАВЕРНОЕ, ЭТО ПРИВЫЧКА, БЕЗ КОТОРОЙ СЛОЖНО ПОБЫВАТЬ В СТОЛЬКИХ МЕСТАХ НА ПЛАНЕТЕ. А ПРОШЕЛ ОН УЖЕ 152 СТРАНЫ! С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЕГО СТРАНСТВИЯ ТОРОПЛИВЫМИ НИКАК НЕ НАЗОВЕШЬ: ХОДИТ ОН ВЕЗДЕ ПЕШКОМ И БОСИКОМ.

В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИ-летия Владимира Петровича Несина редко можно было застать дома. Но пандемия коронавируса внесла свои коррективы в маршруты путешественника: лето 2021 года он провел в России. Владимир Несин, наверное, один из самых известных рус-

ских путешественников. Его знают простые люди и работники дипмиссий. О встречах с Несиным рассказывают в разных частях света: в Пакистане, в Египте, в Бразилии. И в этом ничего удивительного, Несин везде путешествует босиком, что, естественно, привлекает внимание.

ЧЕРЕЗ 15 РЕСПУБЛИК

В XXI веке на Западе набрало популярность движение барефутеров (от англ. barefooter – босоногий). Это люди, практикующие хождение босиком в качестве здорового образа жизни. Владимир, как выяснилось, к барефутерам отношения не имеет, ходить босиком он начал еще в советские времена. Просто потому, что ему так хотелось.

«Я с детства бегал босой, – рассказывает Несин, – меня это привлекало: ощущение земли ногами. Став взрослым, привычку не оставил. В поход идем, я снимал ботинки и шел босой. Мне так комфортно. Я уже много лет обувь не ношу, а когда приходится ее все-таки наде-

вать, чувствую дискомфорт. Такое случилось со мной однажды в Канаде. Там я устроился на работу водителем в нефтяную компанию, чтобы заработать на дальний перелет. В компании обязали носить ботинки. Так неудобно. Когда никто не видел, я ходил босиком...

С улицы домой захожу, ноги, само собой, мою. Никаких проблем от босоногого хождения, как правило, нет.

В некоторые места без обуви не пропускают. Например, в московское метро. Приходилось надевать обычные бахилы, можно сказать, это единственная моя обувь. Правда, в этом году и в метро никаких проблем нет. На входе интересуются только: вам точно удобно?

Барефутеры со мной связывались и даже в пример мой опыт ставят, но я с ними мало общаюсь».

Владимир Несин с детства преодолел пешком большие расстояния. Родился он в 1950 году в Белоруссии, в 6-летнем возрасте с родителями приехал в Казахстан «поднимать целину». В 27 лет Владимир уже со своей семьей перебрался в Нижневартовск, затем – на Сахалин. Освоил несколько профессий, работал электриком, машинистом поезда, водителем грузовика, преподавателем физкультуры, тренером по самбо.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. НЕСИНА

«Страсть посмотреть мир у меня была всегда, – вспоминает Владимир Петрович. – В советское время я мог себе это позволить только во время отпуска, благо на Севере отпуск большой – два месяца. Каждый раз для поездок я выбирал разные места, побывал во всех 15 советских республиках. Ездил часто с детьми. Когда я получил звание кандидата в мастера спорта по самбо, начал преподавать, организовал на общественных началах детскую школу самбо в Нижневартовске. А времена тогда были перестроечные, безденежье. Все равно у меня получалось вывозить детей на соревнования или в путешествие бесплатно. Разными способами: где-то на баржах с углем пристроимся, где-то через горы пешком, в Казахстане – на верблюдах...».

Путешествие с велорикшей во Вьетнаме. Вырезка из статьи о русских странниках во вьетнамской газете

Несин находит общий язык с детьми по всему миру. Привет из Доминиканы!

ПРОФЕССИЯ – ПУТЕШЕСТВЕННИК

Развал СССР и «трудные 1990-е» Несин пережил по-своему. Заботы окружающих о хлебе насущном в новых условиях его мало волновали, для него это было время открывшихся границ и возможностей посмотреть мир. В первое заграничное путешествие он отправился в 1996 году. Сначала в Монголию. В Улан-Баторе получил визу в Китай. Из Поднебесной пошел дальше: Вьетнам, Лаос, Таиланд, Малайзия, Индонезия. За 11 месяцев преодолел 22 тысячи километров, из них пешком – 8800 километров. Попутчиками Несина тогда были 9-летний сын Никита, молодой биолог Анна, 34-летняя сибирячка Елена с детьми 5 и 6 лет, аспирант Анатолий. Последний собирался по материалам путешествия защитить диссертацию, однако не сложилось: единственный англоговорящий член команды повернул домой уже в Монголии.

В Ханое Несину понравились велорикши, тележки у которых находятся впереди «велосипедиста». Предложил спутникам занять такую же для перевозки рюкзаков. Женщины и дети были в восторге. Купили на рынке такую велорикшу за 40 долларов. Владимир уселся на велосипед. Попутчики за ним едва успевали, зато бывший хозяин велорикши не отставал. Через 10 километров пути с ним пришлось выяснять отношения. На шум сбегалась толпа вьетнамцев, в которой нашелся русскоговорящий. Выяснилось, что рикша подумал, что русские не купили транспорт, а наняли его дойти до Сайгона... Велорикшей путешественники в итоге все же обзавелись и пользовались ею до Сингапура. Власти островного государства пропустить через границу неказистое средство транспорта отказались. В Лаосе Несина впечатлила деревенская жизнь: электричества нет, землю пахут на волах сохой, женщины ходят «топлесс», привязывая детей на бедра, толкут рис в ступах, покуривая трубку. Там же путешественники

подхватили малярию. Тяжелее всех болел Несин: температура 41 градус держалась четыре дня, лежал в самом простейшем палаточном госпитале.

«Когда я вернулся из первого путешествия в 1996 году, был большой интерес к моим рассказам, – говорит Владимир. – Почувствовал, что это нужно, путешествия могут стать моим постоянным делом. Моральное право оставить прежнюю работу я имел. К тому времени я отработал 25 лет на Севере, заработал пенсию. Мои ученики получили физкультурное образование, могли преподавать вместо меня самбо и физкультуру. Свои путешествия я воспринимал как работу, шел по восемь часов в день, заметки писал, снимал на камеру видео».

Жена Владимира его новую профессию не приняла, супруги расстались. А Несин пошел в Южную Корею и на Филиппины. Затем снова Юго-Восточная Азия, Австралия, Новая Зеландия, Иран, Индия, Северная, Центральная и Южная Америка, Африка...

«ВОЙТИ В СТРАНУ РЕБЕНКОМ»

«Первый год путешествий я шел исключительно пешком из принципа, – рассказывает Несин. – Но затем понял, что это не самый лучший вариант в тех местах, где нет чего-то нового, нет людей. Пустыню, например, можно проехать на попутке. По Австралии я больше ехал на велосипеде, накрутил 16 тысяч километров. Конечно, способ передвижения сильно влияет на качество путешествия. Меньше всего увидишь, если летишь на самолете. Едешь на машине – намного больше узнаешь, можешь где-то остановиться. Максимум встреч и впечатлений при пеших странствиях: на пути постоянно появляются люди, знакомишься с ними, узнаешь что-то новое...

Я иду туда, где мне интересно. Досконально изучать страну – это не для меня, я предпочитаю войти в новое пространство с «голым» сознанием. Это увлека-

Владимир с женой Вероникой и сыном Никитой в Канаде

тельно – войти в страну ребенком, не иметь никакого предвзятого мнения».

Путешествует Владимир Петрович аскетично, до недавнего времени его расходы укладывались в доллар в день, сейчас – 3 доллара в день. В гостиницах он останавливается крайне редко, ночует в палатке: «У меня там не пять звезд, а тысячи над головой», – говорит Несин. Еду готовит на костре из доступных продуктов. Варить рис на костре он умудряется даже в европейских столицах, например в центре Парижа на берегу Сены. Утверждает, что на жизнь в путешествии ему хватает пенсии в 15 тысяч рублей.

«Примерно раз в неделю нас обычно приглашают в гости, – рассказывает путешественник. – Мне особенно интересно увидеть, как живут люди. Мы сами намеренно заходим к пожарным, врачам, полицейским, военным – посмотреть, какие у них отношения между собой, как обращаются с «подопечными». На базар и кладбище обязательно

заходим – это яркие стороны культуры. Например, в Бразилии на могиле в качестве надгробия ставят перевернутую вверх дном кастрюлю, на которую кладут тапочки. Там на отпевании плакальщица поет и пританцовывает с обувью покойного в руках. Эту обувь и кладут затем на кастрюлю, иногда добавляют еще кружку, ложку и вилку...

Коронавирус, конечно, сильно повлиял на путешествия. И дело не только в ограничениях на въезд в разные страны. Водители стали хуже подвозить, реже приглашают в гости.

В начале пандемии встречалось много тех, кто в болезнь не верил, сейчас таких совсем мало осталось. По личному опыту могу сказать, что в разных странах приверженцем конспирологических теорий о коронавирусе является примерно каждый пятый».

«КРАСНЫЕ» И «БЕЛЫЕ»

Несин – известная личность в русских диаспорах за рубежом. И не только потому, что ходит босой. Владимир – частый гость в российских культурных центрах и дипмиссиях. Туда он заходит узнать новости с родины, рассказать о своем опыте пребывания в данной стране. Его приглашают выступать с рассказами в культурных центрах, университетах.

«К сожалению, русскоязычная диаспора часто живет не особенно дружно, – говорит Несин, – существует разделение, застарелая вражда. В Австралии в Сиднее у

Супруги-путешественники в «затерянном городе» Мачу-Пикчу в Перу

из личного архива В. НЕСИНА

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

русского спросил, где найти русский клуб. Вам какой, уточняет он, «белый» или «красный»? Пошел сначала к «белым»... У них старый русский язык, церковные праздники, песни – в общем, особый дореволюционный мир. Новым «красным» русским эмигрантам они пеняют, что те не сохраняют русский язык. У нас, говорят, в трех поколениях все знают родной язык, а у них уже дети не говорят порусски – наша и их молодежь общаются на английском.

После событий в Крыму разделения стало еще больше. Например, в Ванкувере в одном многоквартирном доме живут русскоязычные. До 2015 года дружно жили. А затем русские и украинцы совсем перестали общаться, заходить друг к другу в магазины. На входных дверях развесили опознавательные знаки: у одних георгиевская ленточка, у других – «жовто-блакитная». Взаимная ненависть, бывало, до драк доводила».

Свои выступления и лекции Несин, как правило, не планирует. Часто это происходит спонтанно. Однажды выступал перед пигмеями в селе в джунглях Конго. Случайно встретился там с русской женщиной, вышедшей

замуж за пигмея. Она и переводила рассказ путешественника для соплеменников мужа.

«Тематика выступлений зависит от публики, – рассказывает Владимир Петрович. – Если встречаюсь с путешественниками, то их больше интересуют технические моменты: как получить визы и разрешения, проехать на закрытые территории, разные походные хитрости. Если слушатели пенсионеры, стараюсь вдохновить их на путешествия. У них больше бытовых вопросов: чем питаться, где жить, как передвигаться, лечиться. Даже в детском саду выступал: изображал детям обезьян, разных африканских животных».

Весьма внушительное мачете – неременный предмет для путешествий

Владимир не любит ходить по пустыне долго, предпочитает общение с людьми

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. НЕСИНА

В Южно-Сахалинске Несину пришлось некоторое время поработать лектором. У него украли сумку с деньгами, нужно было заработать на очередное путешествие. Договорился, что будет читать лекции в вузах. В лесопромышленном институте рассказывал, как валят лес в тропических странах, в медицинском – о методиках нетрадиционной медицины, в полицейской академии – как борются с преступностью.

САМБИСТ-ПАЦИФИСТ

«Сначала я пошел велогонками заниматься, – вспоминает Несин, – но гонять по стадиону кругами быстро наскучило. Перешел в секцию самбо. Хотя мне в жизни приходилось драться – защищать себя, близких, слабых, – все-таки я по натуре пацифист. Самбо мне вполне подошло. Позже я получил профильное образование, окончил Омский физкультурный институт».

За 25 лет путешествий Владимиру только однажды пришлось воспользоваться приемами самбо. Дело было в Иране, на границе с Афганистаном. Лихие мотоциклисты в пустынной местности думали одурачить туриста. Изобразили поломку мотоцикла, жестами попросили какое-нибудь орудие «поковырять» карбюратор. Простодушный Несин отдал им мачете – один из необходимых предметов в его рюкзаке. И стал снимать окружающие пустынные пейзажи.

«Вдруг я почувствовал свое мачете у моего горла, – вспоминает путешественник. – Я почему-то совсем не испугался. Лево́й рукой взялся за рукоятку мачете, вывернул руку нападавшего, и мачете снова оказалось в моих руках. Надо сказать, этот прием я никогда не делал левой рукой, как-то машинально получилось. Грабителей прием впечатлил, они быстро вскочили на «сломаный» мотоцикл и дали газу... В Конго шли, как обычно, пешком. Вдруг нам путь преграждают военные, говорят, что мы зашли на запретную территорию. Наши аргументы, что

никаких указателей на этот счет на дороге не было, они слушать не хотели – требовали заплатить штраф по 100 долларов с человека. Затем «штраф» скостили до 10 долларов – прямо сейчас наличными без квитанций. В качестве альтернативы я предложил им урок по самбо. Поначалу они не понимали, что это такое. Выбрал самого здорового и говорю: атакуй меня по-настоящему – ножом, штыком, чем хочешь. Я атаку отбил, нападавшего бросил на землю. У военных сразу интерес появился, я их построил, небольшой урок провел вместо штрафа – все довольны остались. Идем дальше – еще одна военная часть. Там уже информацию передали, нас встречают: накормили и ждут, что я их тоже приемам поучу».

ПОПУТЧИКИ И ЗАРЯДКА

Несин часто путешествует с попутчиками. Желаящие составить ему компанию всегда имеются. Требования к попутчикам у Несина давно выработались: самостоятельность, здоровый образ жизни, не курить, не злоупотреблять алкоголем, делать зарядку по утрам, убирать мусор за собой и теми, кто был до тебя минимум в радиусе 5 метров от палатки. Среди других правил – не останавливаться в гостях более двух ночей и помогать пригласившим в гости: кому он электрику в доме починит, кому дрова поколет – делает все, что в его силах и компетенции. Младший сын, Никита, был попутчиком Владимира в 33 странах. Последние девятнадцать лет женой и спутницей Владимира является внучка вождя индейского племени Мэри Вероника Олимптку. Встретил он будущую супругу, когда шел через Канаду на Аляску. Вероника тогда работала медсестрой, ехала на машине из госпиталя и подобрала босоного странника на дороге. Общаются супруги на английском языке. Однако при встрече, как рассказывает Вероника, Владимир очень мало понимал из того, что она говорила. Не так давно супруги совместно окон-

Как ни странно, у Несина вполне нормальная подошва на ногах – на подошву ботинок непохожа

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

чили курс английского языка для учителей. Предполагают заниматься преподаванием английского в разных странах, главным образом для заработка. Но пока средств на путешествия хватает. Вероника аскетизм Несина вполне принимает, говорит, что привыкла к такому с детства: первую половину жизни она прожила в индейской резервации, где люди живут простой деревенской жизнью, ходят босиком. Сама Вероника, правда, путешествует в обуви, босой любит пройти лишь по траве – для удовольствия. Вероника на шесть лет моложе Владимира и так же, как он,

находится в хорошей физической форме. Секретом молодости 71-летний Несин считает позитивное настроение, любовь к зарядке, утреннюю зарядку. Путешественник сожалеет, что редко кто интересуется его зарядкой. Вот только в Китае любители уличной физкультуры внимательно наблюдали за босоногим старцем и повторяли за ним движения. «Моя зарядка состоит из дыхательных упражнений, – рассказывает Несин, – в основном из китайских практик. Вторая часть – гимнастика из самбо и упражнения на равновесие:

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. НЕСИНА

всего тела, отдельных частей, внутренних органов. В заключение – медитация. Плавно, глубоко дышу и говорю мысленно, как прекрасен мир, как он гармонично устроен; благодарю, что я часть этого мира, могу наслаждаться им, делать добрые дела». Думается, мир откликается на такие мысли. Многие путешественники удивляются: как Несину удается получать визы Австралии, Новой Зеландии, Японии, США? Ведь у него нет ни работы, ни дома, ни банковского счета...

ЧТО ДЕЛАЕТ СЧАСТЛИВЫМ?

«Я побывал уже в 152 странах, – продолжает Владимир Несин. – Понимаю, что-то новое теперь вряд ли увижу. Но интерес к путешествиям, познанию мира у меня по-прежнему жив. Хочу побывать в Исландии, в Гренландии – красоты этих стран я еще не видел. Обычно я нахожусь в пути около 9 месяцев в году. Бесперывно путешествуешь – глаз замыливается, начинаешь пропускать что-то интересное. Идем, например, в Таиланде мимо храмового комплекса. Никита удивляется, почему я храм не фотографирую. А я храм даже не заметил! Это сигнал, что пора останавливаться. Три месяца в году я веду оседлый образ жизни, обрабатываю материалы, выкладываю фото и видео, пишу тексты... Сейчас, правда, мы думаем менять формат путешествий. Если раньше проходили 30 киломе-

тров в день, то сейчас Веронике стало тяжело проходить и 15 – травма колена дает о себе знать. Думаем больше на велосипедах ездить или машиной обзавестись. Но когда на машине едешь, к тебе другое отношение, другой интерес».

Несин считает, что больше всего интересного в Африке. А по менталитету ему ближе Центральная Америка – там «простое отношение к жизни, люди не мешают друг другу, глупые законы обходят». В путешествиях супругам особенно интересно знакомиться с местной жизнью: как готовят еду, как возделывают почву, что делает людей счастливыми.

«Западный человек более озабочен проблемами, – считает Несин, – обдумывает много. В бедных странах люди могут жить без удобств и комфорта, но радуются жизни гораздо больше живущих со всеми благами цивилизации. Зависть сильно мешает счастью.

После встречи с Вероникой Владимиру потребовался еще не один год, чтобы подтянуть английский язык и хорошо понимать любимую женщину

Утренняя зарядка по методу Несина в Северной Америке. Желая присоединиться немного

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА В. НЕСИНА

Ее часто «кормит» чрезмерная любовь к деньгам. Хотя есть куда более сильная и светлая энергия благодарности. Благодарности близкого или совсем незнакомого человека, которому бескорыстно сделал что-то хорошее...

Я – счастливый человек. Со мной рядом любимая женщина, занимаюсь любимым делом. Вообще, в жизни я занимался только тем, что нравится, к чему чувствовал призвание. Это очень важно для любого человека. Здесь больше нужно ориентироваться на свое внутреннее чувство. Например, спросить себя: что меня больше держит на работе – хорошая зарплата или интерес? Основной принцип – делать что нравится и хочется, но не в ущерб другим, конечно. Верный признак своего дела – востребованность. Но и здесь не нужно замыкаться во времени и пространстве. Если сегодня ты не востребован, то, может быть, это произойдет завтра. Если не в Москве, то в провинции. Многие не едут на периферию, чтобы в зарплате не терять – такие аргументы нужно отсеивать и ехать туда, где ты нужен. Часто – особенно старые люди – утасуют, потому что чувствуют себя ненужными...

Первые годы путешествий меня терзали сомнения: может, на тренерской работе я нужнее, были мысли вернуться в самбо. Но потом пришло чувство, что сейчас мое дело – путешествовать и делиться опытом с окружающими».

На следующий день после нашей встречи Несин улетал в Грецию. Начались новые 9 месяцев странствий. В России он не зимует, предпочитает находиться в более или менее теплом климате. И это понятно: босиком Несин ходит, пока температура не опустится до минус 5 градусов по Цельсию, но все же предпочитает более комфортную температуру. В холодном климате есть еще одно неудобство: босиком страннику не дают прохода с расспросами. А Владимир внимателен к людям, может долго рассказывать о путешествиях, о том, как найти путь к себе. ■

У РЕКИ ВЕЛИКОЙ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ВЕЗЕТ ВАМ, – УСМЕХНУЛАСЬ СМОТРИТЕЛЬНИЦА, ВПУСКАЯ НАС В ПРИТВОР СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА МИРОЖСКОГО МОНАСТЫРЯ. – ТУЧИ НЕБО С УТРА ОБЛОЖИЛИ, А ДОЖДЯ ВСЕ НЕТ. ЕСЛИ ПОЙДЕТ, СОБОР ПРИДЕТСЯ ЗАКРЫТЬ. ФРЕСКИ МЫ БЕРЕЖЕМ КАК ЗЕНИЦУ ОКА». ОНО И ПОНЯТНО: КАК ИНАЧЕ МОЖНО ОТНОСИТЬСЯ К УНИКАЛЬНЫМ ПО СТЕПЕНИ СОХРАННОСТИ ФРЕСКАМ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ?

ПЕРЕД ВХОДОМ В НЕФ останавливаемся. Надо перевести дыхание и подготовиться к встрече с чудом. Оглядываемся на смотрительницу – она понимающе улыбается. Переступаем порог и... замираем. Вокруг –

буйство цветов и оттенков: синий, голубой, золотистая и темная охра, малахитовый, белый, красный... И при этом – ощущение удивительной гармонии. А сами фрески написаны так, будто художники XII века знали, что такое кинолента: словно

кадр за кадром разворачиваются перед зрителями новозаветные истории. И правда – чудо!

«Представляете, как выглядел собор, когда фрески были только-только написаны?» – Вопрос смотрительницы заставил очнуться. «Трудно представить, но хотелось бы увидеть... Вам, наверное, часто приходится такую реакцию посетителей наблюдать?» «Почти всегда, – снова усмехнулась женщина. – Но бывают и те, кому здесь скучно. Редко, но бывают. Ходят, глядят, а глаза пустые».

С конхи одной из апсид смотрит удивительной красоты архангел Михаил. Вот апостолы Петр и Иоанн невозмутимо наблюдают за тем, как Иисус воскрешает Лазаря, а вокруг столпились изумленные фарисеи. Один из них прикрыл рот ладонью – так,

Воскрешение
Лазаря

как и мы это делаем, когда нас что-то поражает. Вот Христос исцеляет изувеченных проказой, вот беседует с самаритянкой. А вон там ослепший Савл бредет в Дамаск, где прозреет понастоящему и станет апостолом Павлом. А здесь – «Тайная вечеря»: на большом столе, накрытом зеленой скатертью, стоят две чаши и лежит на блюде огромная рыба. Христос сидит не в центре, а на краю стола, слева. Апостолов, как и положено, 12, но все они с золотистыми нимбами. Кто же из них Иуда? Видимо, вон тот – единственный, кто изображен в профиль. Ведь еще с раннего Средневековья в византийском искусстве действовало правило: демоны, бесы и грешники, прямого взгляда ко-

торых верующим рекомендовалось избегать, изображались только в профиль. Это называлось «начало отсутствия»... Исследователи уверены, что Спасо-Преображенский собор псковской обители расписывали мастера из Византии. Об этом говорят и характер письма, и типы святых, и сохранившиеся надписи на греческом языке. А вот вопрос о том, когда и кем был основан Спасо-Преображенский Мирожский Завеличский монастырь (первое упоминание в летописи – 1188 год. – **Прим. авт.**), до сих пор остается без ответа. Впрочем, немало загадок преподносит и история самого собора, строительство которого относят к 1138–1156 годам.

Исцеление
слепорожденного

ИНТРИГА XII СТОЛЕТИЯ

История эта напоминает древнюю мозаику, утеравшую большую часть смальты, из-за чего изображение превращается в едва намеченный контур. На месте многих деталей в этой «мозаике» зияют провалы, но и то, что осталось, будоражит воображение. Ведь речь идет о событиях, происходивших на Северо-Западе Руси почти девятьсот лет назад. И о людях, имевших непосредственное отношение к появлению Спасо-Преображенского собора и его изумительных фресок.

Итак, первая треть XII века. Псков еще во всех смыслах «младший брат» гордого и богатого Новгорода. Строптивые новгородцы давно стремятся освободиться от излишней опеки Киева. Они уже сами выбирают посадников из горожан, но Киев все еще присылает своих наместников – князей. И хотя их права в Новгородской земле ограничены, новгородцам это кажется недостаточным.

С 1117 года в Новгороде правит Всеволод (в крещении Гавриил) – старший сын киевского князя Мстислава Великого и внук Владимира Мономаха. А новгородскую епископскую кафедру, в юрисдикции которой находится и Псков, с 1110 года занимает Иоанн Попьян – сторонник княжеской власти и противник республиканских преобразований. За двадцать лет епископства Иоанна в Новгороде были построены Николо-Дворищенский собор, церкви Святого Иоанна на Опоках и Святого Феодора Тирона, а также монастырские храмы Святого Георгия в Юрьевом монастыре и Пресвятой Богородицы в Антониевом монастыре. С основателем последней обители – преподобным Антонием Римлянином – у Иоанна Попьяна случился какой-то конфликт. Причем настолько значительный, что владыка отказывался ставить Антония игуменом Антониева монастыря. Продолжалось это до тех пор, пока в 1130 году Иоанн, «сидев 20 лет, от-

вержеся архиепископья». Что именно заставило главу новгородской епархии оставить кафедру – неизвестно. Ясно лишь, что причина была серьезной, поскольку имя Иоанна было вычеркнуто из новгородских синодиков: «Сего не поминают», – уточняет летопись.

В январе 1131 года у Новгорода появился новый епископ: из Киева прибыл постриженник Киево-Печерского монастыря Нифонт. Это был хорошо образованный и просвещенный человек, умело лавировавший в политических интригах и участвовавший в прекращении войны между двумя влиятельнейшими ветвями рода Рюрика – Мономашичами и черниговскими Ольговичами. Скорее всего, Всеволод Мстиславич пользовался в Новгороде

его поддержкой, однако это не спасло князя от гнева новгородцев. Княжение Всеволода не слишком удавалось. Дошло до того, что в июле 1136 года горожане собрали вече, на котором присутствовали представители Пскова и Ладоги, и предъявили князю претензии: нарушение клятвы княжить в Новгороде пожизненно, «неблюдение смердов», плохое управление войсками и позорное бегство с поля боя во время сражения с суздальцами у Жданой горы. Всеволода вместе с женой, сыновьями и тещей продержали около двух месяцев в заточении, а затем изгнали из города.

Вместо него новгородцы позвали на княжение представителя рода Ольговичей: князем в Новгороде стал Святослав Оль-

гович – отец будущего главного героя «Слова о полку Игореве». В начале 1137 года между ним и епископом Нифонтом пробежала черная кошка. Святослав решил жениться. Но владыка отказался венчать молодоженов, заявив князю: «Не положено тебе ее брать». И тогда Святослав «венчался своими попами». Неизвестно, почему Нифонт возражал против свадьбы. Василий Татищев в своей «Истории Российской» со ссылкой на Ростовскую летопись (в 1750 году, после смерти В.Н. Татищева, она сгорела вместе с остальной библиотекой историка. – Прим. авт.) уточняет, что князь в Новгороде женился на некоей Петриловне, муж которой незадолго до того был убит дружинниками Святослава.

Строительство Спасо-Преображенского собора относят к 1138–1156 годам

Фрески
полностью
покрывают
стены и купол
собора

Следующие известия о Нифонте обнаруживаются под 1140 годом, когда епископ с новгородским посольством едет в Киев к великому князю Всеволоду Ольговичу. А что происходило в предыдущие три года? Чем занимался Нифонт? Что стало с Иоанном Попьяном, отказавшимся от епископской кафедры? И куда делся Всеволод-Гавриил?

В 1137 году Всеволод Мстиславич «находит приют в Пскове, который, как ревнивый «младший брат» Великого Новгорода, с распростертыми объятиями встретил опального новгородского князя, – писал известный историк искусства и реставратор Владимир Сарабьянов. – Вероятно, сюда же, в Псков, перемещает центр своей деятельности и архиепископ Нифонт, вступивший в конфликт

со сменившим Всеволода на новгородском столе Святославом Ольговичем... Вместе с князем и архиепископом в Псков перемещается и новгородская строительная артель, о чем ясно свидетельствует факт прекращения строительства в Новгороде каменных церквей, возобновившегося только после возвращения владыки обратно в 1143 году. <...> На короткий период 1137–1142 годов центром каменного храмового строительства на Северо-Западе Руси становится Псков, где последовательно возводятся церковь Святого Дмитрия Солунского в Кроме, а также два монастырских собора – Рождества Иоанна Предтечи Ивановского монастыря и Спасо-Преображения Мирожского монастыря».

ДВА ОСНОВАТЕЛЯ

В работах историков излагаются разные точки зрения на основание Мирожского монастыря и строительство Спасо-Преображенского собора. Одни считают, что собор был построен епископом Нифонтом как обычный приходской храм, вокруг которого затем возник монастырь. Другие относят основание монастыря ко временам князя Судислава (сын Владимира Святого, правил в Пскове в 1014–1036 годах. – Прим. авт.). Но есть еще одна интересная версия, предложенная заведующей отделом Псковского музея-заповедника Таисией Викторовной Кругловой, обратившей внимание на то, что самый ранний из источников – Новгородская Первая летопись старшего извода – называет Нифонта создателем только Спасо-Преображенского собора. А в Житии Нифонта, написанном к его канонизации в 1549 году, уже сообщается, что епископ основал монастырь между реками Великая и Мирож вместе с церковью «во имя боголепного Преображения». Иными словами, только в середине XVI века церковное предание связало основание Мирожского монастыря с Нифонтом.

«Спасо-Преображенский собор в Пскове был построен новгородскими мастерами из чередующихся слоев известняковой плиты и плинфы, – пишет Круглова. – Плинфа – это плоский и широкий кирпич домонгольского времени, изменения в размерах которого имеют четкие хронологические привязки. <...> Все сведения письменных источников и материалы архитектурно-археологических исследований позволяют с полной долей уверенности приписывать новгородскому архиепископу Нифонту только окончательное возведение Спасо-Преображенского собора и заказ на его роспись, но не инициативу и начальные работы. <...> Если исходить из реальных размеров плинфы, то начало работ по строительству храма приходится на 20-е годы XII века.

В это время владычную кафедру в Новгороде занимал Иоанн Попьян». Историк предположила, что после своей отставки в 1130 году Иоанн удалился из Новгорода в Псков – в Мирожский монастырь, который мог быть основан им же несколькими годами ранее. Кстати, в отличие от Новгорода, в Пскове имя Иоанна Попьяна из синодиков вычеркнуто не было...

В Житии Нифонта рассказывается также о том, что новгородский владыка оставил в соборе свой жезл «на воспоминание братии и в память родом грядущим». Упоминание этого жезла можно найти в «Историческом описании города Пскова и его пригородов» Николая Ильинского, которое было издано в 90-х годах XVIII века: «Сего Святаго Епископа посох и чаша хранятся в Спасо-Мирожском монастыре: посох и чаша деревянные, первый с позолотою, а другая выкрашена красной краскою, сверх того по местам обложены серебром...» Увы, в 1805 году жезл был украден из собора и бесследно исчез. Что касается чаши, то она хранится в фондах Псковского музея-заповедника. В Пскове бытует легенда, что именно с ней Нифонт обходил город, собирая пожертвования на строительство Спасо-Преображенского собора. Правда, доказательств того, что она действительно принадлежала новгородскому владыке, нет... Летом 1147 года Нифонт отправляется в Киев по призыву великого князя Изяслава (сына Мстислава Великого и брата Всеволода-Гавриила. – **Прим. авт.**). Здесь он и еще восемь епископов должны были принять важное решение, которое было шагом на пути к самостоятельности Русской церкви. Напомним, в XII веке церковь возглавлял сидевший в Киеве митрополит-грек, назначаемый константинопольским патриархом. И во внутренней политике Руси он действовал чаще в интересах Византии. Ведь согласно византийской теократической доктрине, православная

Богородица
из композиции
«Благовещение»

церковь едина, всеобъемлюща и всемирна, Ромейская империя – ее сосуд и броня, а византийский император – ее светский глава и протектор. То есть все новокрещенные народы считались вассалами императора. Так к ним и относилась Греческая церковь, противившаяся стремлению национальных церквей выйти из подчинения Константинополю. На Руси первым на это решился Ярослав Мудрый: собрав в 1051 году собор местных епископов, он поставил митрополитом русского монаха Киево-Печерского монастыря Илариона. Это был открытый вызов Царьграду, но,

видимо, после смерти Ярослава в 1054 году Иларион был смещен. С 1055 года в Киеве снова сидел митрополит-грек. Вторую попытку предпринял племянник Юрия Долгорукого Изяслав Мстиславич, с которым основатель Москвы вел войну за Киев. Созванный Изяславом собор епископов большинством голосов – шесть из девяти иерархов – поставил митрополитом русского инок Зарубского монастыря, «книжника и философа» Климента Смолятича. Нифонт голосовал против этого решения. Он считал, что митрополита должен ставить константинопольский патриарх, а потому

отказался признать Климента, совершать с ним богослужения и помянуть его имя на литургии. Вернувшись домой, владыка успел договориться с Юрием Долгоруким о прекращении очередной войны между Суздалем и Новгородом, а затем снова отправился в Киев, куда его вызвали князь и митрополит. В 1149 году Изяслав Мстиславич заточил Нифонта в Киево-Печерском монастыре, добиваясь от него признания Климента Смоленского. Но Нифонт был тверд. Тогда же константинопольский патриарх Николай IV Музалон направил Нифонту грамоту, в которой назвал его «архиепископом» и оценил его «страдания». Освободил Нифонта Юрий Долгорукий, вновь захвативший Киев и изгнавший из него Изяслава. Скончался Нифонт в 1156 году. Но не в Новгороде, а в Киеве, куда отправился приветствовать нового митрополита – грека Константина. Новгородского владыку погребли в Киево-Печерском монастыре...

ИДЕЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Фрески Спасо-Преображенского собора были открыты случайно: в конце 50-х годов XIX века в храме решили заменить иконостас, при демонтаже которого под слоем побелки XVII века обнаружилась древняя роспись.

Явление Христа апостолам на Тивериадском море

Удивительно, но тогда ею никто не заинтересовался. Только в 1888–1889 годах обследованием и реставрацией собора занялся Владимир Васильевич Суслов – архитектор и горячий пропагандист древней русской архитектуры, стоявший у истоков организации охраны памятников истории и культуры в России. Вместе с помощниками Суслов раскрыл фрески, он же первым сделал вывод о том, что живопись собора была выполнена греческими иконописцами, а строили его русские мастера. С разрешения псковского архиепископа Суслов скопировал все фрески на кальку и составил схему их расположения. По его же инициативе Императорская археологическая комиссия обратилась с письмом к псковскому владыке, рекомендовав «оставить фрески в первоначальном их виде, лишь почистив их». Но епархия решила иначе: в 1897 году уникальные фрески были «поновлены» (а точнее, искажены) суздальской артелью живописцев Сафонова. В 1927 году

начался новый этап расчистки фресок, работа эта продолжается и сегодня: сейчас в соборе идет реставрация росписи купола. Как считают исследователи, разрабатывая программу росписей Спасо-Преображенского собора, епископ Нифонт прежде всего подразумевал идею христианского просвещения, ведь в Пскове XII века еще были очень сильны языческие настроения. «Иконографическая программа Спасского собора вбирает небывалое количество сцен евангельского цикла, иллюстрации деяний апостолов и архангелов, житийные повествования о Богородице и Иоанне Предтече. Показательно, что подобный повествовательный-просветительский пафос в целом совершенно не был свойствен византийской храмовой декорации, которая всегда сосредотачивалась на конкретных сюжетах, составляющих идейное наполнение того или иного цикла», — отмечал Владимир Сарабянов.

По его мнению, собор Мирожского монастыря расписывали как минимум три мастера. Из-за реставрации сегодня нельзя полюбоваться композицией «Вознесение» в куполе храма. Но утешает то, что остальные доступные фрески можно рассмотреть детально. Великолепный «Деисус» в конхе алтарной апсиды, увенчанный «Преображением». Трагическое «Распятие» и трогательное «Оплакивание», на котором Никодим и Иосиф Аримафейский припадают к пробитым гвоздями ногам Иисуса. «Евхаристия» с вереницей идущих к причастию апостолов и наблюдающим за ними строгим ангелом, стоящим за спиной Христа... Можно долго перечислять сцены, запечатленные на фресках собора, но лучше увидеть их своими глазами. «Архитектура и росписи Спасо-Преображенского собора явились узловым событием в истории искусства Северо-Западной Руси XII столетия», — подчеркивал Сарабянов. — Ансамбль собора

Мирожского монастыря оказал огромное влияние на русскую культуру как в отношении развития новых архитектурных форм и программных основ храмовой декорации, так и в плане распространения обновленных художественных принципов и методов, которые во многом определили специфику искусства Новгорода и Пскова последующих столетий. В 2008–2009 годах в Спасо-Преображенском соборе и вокруг него были проведены археологические раскопки. Они показали, что раньше у стен собора было древнее кладбище, разрушенное при строительстве притвора храма в XIV веке. Обнаружились погребения и в самом соборе. Кроме того, археологи выяснили, что храм не имеет фундамента, а мощность культурного слоя вокруг него колеблется от 80 сантиметров до 1,3 метра. Исследователи считают, что за все время своего существования Спасо-Преображенский собор не менее 9 раз подвергался

Деисус

Преображение
Господне

ся строительным изменениям. Изначально он строился как классический крестово-купольный храм, но на завершающем этапе строительства были надстроены западные угловые части, в которых были устроены палатки – маленькие закрытые камеры в верхнем ярусе. Скорее всего, эти изменения были внесены по желанию епископа Нифонта. Палатки, по мнению исследователей, не предна-

значались для молитвы. Вполне вероятно, что здесь обретались летописцы или переписчики книг. Ведь известно, что Нифонт был высокообразованным для своего времени человеком, «книжником». Сохранились его ответы на вопросы догматически-канонического характера новгородского иеромонаха Кирика, именуемые «Уставом Нифонта» и вошедшие в состав русской редакции Кормчей книги.

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Но, пожалуй, самое удивительное в истории Спасо-Преображенского собора то, что он сам и его росписи сохранились. Ведь Мирожский монастырь располагался на подступах к древнему Пскову, их разделяет только река Великая. Через обитель пролегла дорога на Литву и Ливонию. И вплоть до XIX века монастырь защищала только деревянная ограда! Так что при набегах врагов с запада он каждый раз подвергался нападениям. Например, в 1299 году ливонские рыцари разорили псковские посады и Мирожский монастырь, убив игумена Василия. В 1323 году ливонцы вновь захватили обитель. В 1615 году монастырь также был разорен – на сей раз шведами. Однако самый сильный урон нанесло монастырю войско польского короля Стефана Батория, безуспешно осаждавшее Псков в августе 1581 – феврале 1582 года. «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно

Христос и ангел
из композиции
«Евхаристия»

Париж! Помоги нам Боже с ним справиться», – записал 24 августа 1581 года секретарь походной канцелярии польского короля ксёндз Станислав Пиотровский в своем «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию».

Баторий разместил у Мирожского монастыря сильную батарею, а на колокольню обители велел поднять пушки, из которых через реку велся обстрел Покровской башни Пскова. Естественно, псковичи в долгу не оставались, и, увы, ответным огнем были разрушены постройки монастыря – в первую очередь колокольня. Но Спасо-Преображенский собор устоял. Уже в наше время в ходе обследования были выявлены сильные разрушения на южном фасаде храма, а также найдены два каменных ядра, застрявших в стене и своде собора.

И вот еще один удивительный факт. Мы можем увидеть, как выглядел Мирожский монастырь в конце XVII века. Для этого достаточно отправиться в Псковский музей-заповедник и отыскать икону «Сретение Богородицы»

Икона «Сретение Богородицы».

1784 год

Монастырские коты – всеобщие любимцы

из часовни Владычного Креста. Ее трудно не заметить: площадь иконы, написанной в 1784 году, превышает 8 квадратных метров. Это самое значительное по размеру изображение Пскова, список с более раннего образца, воспроизводившего план Пскова и окрестностей конца XVII века. Покровскую башню

Окольного города найти на иконе легко: она самая мощная и замыкает нижний правый край крепости. Прямо напротив нее через реку Великую изображен Мирожский монастырь: рядом со Спасо-Преображенским собором видны звонница монастыря и храм апостола и первомученика Стефана, возведенный в 1404 году...

...Выйдя из Спасо-Преображенского собора, мы остановились у братского корпуса. Толстый полосатый кот важно проследовал мимо, не обратив на нас ни малейшего внимания. Его больше интересовали бабочки, порхавшие вокруг монастырского цветника. Из корпуса вышел монах в сером подряснике и, заметив кота, всплеснул руками: «Вот ты где, разбойник!» По дорожке пронесся молодой человек на самокате. К монастырской ограде подкатил автобус то ли с паломниками, то ли с туристами.

Жизнь обители, почти девяносто лет стоящей на берегу реки Великой, продолжается... ❶

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru